

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2019 – № 1

Ярославль
2019

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».
Юго-Западный университет КНР.
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР.

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – № 1. – 143 с.
2019, № 1. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Ицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сяотао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, декан факультета дополнительного профессионального образования, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1. Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019

© Юго-Западный университет КНР, 2019

© Авторы статей, 2019

Founder: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».
Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China.

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : scientific journal. – Yaroslavl: YSPU RIO, 2019. – №. 1. – 143 pages.
2019, № 1. – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Dean of the Faculty of Additional Professional Education, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of the Economic Theory and Management of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after
K. D. Ushinsky», 2019

© Southwest University of the People's Republic of China, 2019

© Authors of articles, 2019

Приветствие ректора ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Последние десятилетия ознаменованы формированием в мировом сообществе ценности устойчивого развития. Мощным системным фактором, определяющим практически все направления развития в современном мире, являются партнерские отношения Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Наши великие державы имеют не только крупнейшую в мире общую границу, они имеют, во многом, общую историю, огромное

влияние на культуры наших народов.

В преодолении кризисов в экономике, межкультурных отношениях все более значимую роль играет образование. Российско-китайское сотрудничество в сфере образования очень многогранно. Оно затрагивает как сферы общего и профессионального образования, так и сферу науки.

Примером эффективного взаимодействия являются отношения Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского и Юго-Западного университета КНР. В 2016 году при поддержке Посольства КНР в РФ в Ярославском педагогическом открылся Китайский культурно-образовательный центр. В 2018 году в нашем университете при поддержке китайских партнеров началась подготовка учителей китайского языка. Китайские профессора на постоянной основе преподают в нашем университете, а наши ученые работают в ЮЗУ.

Мы готовимся к открытию специальных программ бакалавриата и магистратуры для китайских студентов – будущих преподавателей русского языка. В 2018 году прошла Международная конференция «Подготовка учителей китайского языка: опыт и перспективы взаимодействия российских и китайских университетов», в которой приняли участие представители двенадцати российских университетов, реализующих программы подготовки учителей китайского языка, а также представители их китайских университетов-партнеров. Есть все предпосылки того, что эта конференция станет ежегодной. Активно развивается сотрудничество и в культурной сфере.

Качественным прорывом в развитии нашего сотрудничества является выход на совместные научные исследования, формирование совместных научных коллективов. Первым результатом этой работы стало создание журнала «Мир русскоговорящих стран», первый номер которого вы держите в руках.

Многие лета новому журналу! Многие лета сотрудничеству наших университетов! Многие лета партнерским отношениям России и Китая!

Ректор университета Михаил Груздев

Приветствие ректора Юго-Западного университета КНР

“文明因多样而交流，因交流而互鉴，因互鉴而发展。”中国和俄罗斯联邦互为最

重要的战略合作伙伴，不仅山水相连且都具有悠久历史和灿烂文化，为双方的友好合作交流奠定了坚实的基础。

在中国“一带一路”倡议展现勃勃生机的良好环境下，中俄两国全方位密切合作，教育作为其中的重要内容，沐浴以和平合作、开放包容、互学

互鉴、互利共赢为核心的丝路精神，广泛开展交流合作，已成为增进两国人民友谊，推动两国高水平发展的重要支撑。

中国西南大学长期关注俄联邦文化研究，并于2017年成立了“俄语国家研究中心”；重视发展与俄罗斯联邦高校的合作，特别是与雅罗斯拉夫尔国立师范大学的友好合作堪称典范：2016年，两校共建的“中国语言文化教育中心”在雅师大正式挂牌成立；2018年，两校开展本科生交流项目，并在“2+2+1”联合培养俄罗斯本科生、联合培养研究生、高水平教师互派及学术研究等方面展开了一系列切实有效的合作。

《俄语国家评论》是两校在持续合作的过程中结出的又一硕果，同时也标志着两校朝着深度合作、联合科研的方向迈出坚实的步伐。我谨代表西南大学对《俄语国家评论》在俄成功创刊表示衷心祝贺。我相信，在双方共同努力下，我们的期刊定会越办越好，成为俄语国家研究领域内具有世界性影响的学术平台，成为沟通西南大学与雅师大密切合作、连接中俄以及其它俄语国家学界友谊的重要桥梁！

祝愿两校的合作长久共赢！祝愿中俄两国友谊经久绵长。

校长：张卫国

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Син Гуанчен</i> Российско-китайские отношения – модель отношений между новыми державами _____	8
<i>Степанян Х. Р.</i> Советизация Армении (попытка сравнительного анализа) _____	15
<i>Чэн Ицзюнь</i> Анализ неблагоприятных факторов при строительстве экономического коридора Китай – Монголия – Россия _____	21
<i>Пан Данзэн</i> Исследования российской политики за последние семьдесят лет _____	27

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Се Чжоу, Колода С. А.</i> К вопросу об использовании термина «русскоязычные (русскоговорящие) страны» в гуманитарных исследованиях _____	36
<i>Астафьева О. Н.</i> Стратегия устойчивого развития в культурной политике российских регионов _____	43
<i>Пермиловская А. Б.</i> Сохранение русской этнокультурной традиции в северном деревянном зодчестве _____	52
<i>Мазилев В. А.</i> Китайский опыт В. С. Филатова при создании Ярославской психологической школы _____	61

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Чжэн Ту</i> О принципах написания «Истории русской поэзии. С древних времен до наших дней» в китайском литературоведении _____	67
<i>Голубков М. М.</i> Научные принципы периодизации русской литературы XX века _____	78
<i>Болдырева Е. М.</i> Миф о России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева _____	85
<i>Блищ Н. Л.</i> Литературная орнитология: Гоголь – Ремизов – Сирин – Соколов _____	92

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Кузин А. С.</i> Диалог культур на китайских театральных подмостках: ментальные различия и эстетическая интеграция _____	97
<i>Злотникова Т. С.</i> Русский театр – концепт и культурный феномен _____	107
<i>Ли Сяотао</i> Российская интеллигенция в начале XXI века _____	116
<i>Ухова Л. В.</i> Диалог культур в гуманитарном поле российской провинции _____	125
<i>Воронина Н. И.</i> Метафизика городского пространства _____	132
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	140

**World of Russian-
speaking countries**
俄语国家评论

Scientific Journal
Published since 2019
№ 1 – 2019

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

<i>Xing Guangcheng</i> Russian-Chinese relations – a model of the relations between new powers _____	8
<i>Stepanyan Kh. R.</i> Sovietization of Armenia (an attempt of a comparative analyses) _____	15
<i>Cheng Yijun</i> The analysis of adverse factors at construction of the economic corridor China – Mongolia – Russia _____	21
<i>Pang Dapeng</i> Research of the Russian policy for the last seventy years _____	27

AREAS STUDIES

<i>Xie Zhou, Koloda S. A.</i> On the use of the term «Russian-speaking countries» in the humanitarian studies _____	36
<i>Astafieva O. N.</i> The strategy of sustainable development in cultural policy of Russian regions _____	43
<i>Permilovskaya A. B.</i> Conservation of the Russian ethnocultural tradition in northern wooden architecture _____	52
<i>Mazilov V. A. V. S.</i> Filatov’s Chinese experience during the Yaroslavl psychological school foundation _____	61

PHILOLOGY

<i>Zheng Tiwu</i> About principles in writing «History of Russian poetry. From ancient times to the present day» in the Chinese literary criticism _____	67
<i>Golubkov M. M.</i> Scientific principles of periodization of the XX century Russian literature _____	78
<i>Boldyreva E. M.</i> The myth about Russia in I. S. Shmeliov’s emigrant creativity _____	85
<i>Blishch N. L.</i> Literary ornithology: Gogol – Remizov – Sirin – Sokolov _____	92

CULTURAL SCIENCE

<i>Kuzin A. S.</i> Dialogue of cultures on the Chinese stage: mental differences and aesthetic integration _____	97
<i>Zlotnikova T. S.</i> The Russian theater – a concept and a cultural phenomenon _____	107
<i>Li Xiaotao</i> Russian intelligentsia at the beginning of the XXI century _____	116
<i>Ukhova L. V.</i> Dialogue of cultures in the humanitarian field of the Russian province _____	125
<i>Voronina N. I.</i> City space metaphysics _____	132
AUTHORS _____	142

Син Гуанчен

<https://orcid.org/0000-0002-6818-2002>

Российско-китайские отношения – модель отношений между новыми державами

В статье предлагается анализ становления и развития российско-китайских отношений как новой модели сотрудничества между государствами, дается подробная характеристика основных аспектов российско-китайского взаимодействия: это партнерские отношения всестороннего стратегического взаимодействия, перешедшие в стадию «конструктивного партнерства», основанные на равенстве и доверии, развитие российско-китайских отношений включает сотрудничество в области политики, экономики, дипломатии, военного дела, культуры, образования, туризма, гуманитарных наук и так далее. Российско-китайские отношения основаны на принципах «четыре без», то есть без вступления в союз, без конфронтации, без ориентации на третьих лиц, без идеологического давления. Данные принципы постоянно внедряются в различные совместные декларации, соглашения и подписанные договоры между двумя странами. В статье отмечается, что новая модель государственного сотрудничества российско-китайских отношений отражается в многостороннем механизме международного сотрудничества, что Китай и Россия активно развивают международное региональное сотрудничество, и важной платформой для российско-китайских связей в аспекте регионального стратегического сотрудничества стал проект «Один пояс, один путь»: совместная реализация «Соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Евразийским экономическим союзом», сотрудничество в строительстве скоростных железных дорог, строительство китайско-российско-монгольского экономического коридора, совместные планы по развитию Дальнего Востока, укрепление экономического сотрудничества России с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, совместное участие России и Китая в сотрудничестве со странами БРИКС (Индия, Бразилия и Южная Африка).

Ключевые слова: российско-китайские отношения, советско-китайские отношения, конструктивное партнерство, стратегическое взаимодействие, международное региональное сотрудничество, «один пояс, один путь», экономический коридор «Китай – Россия – Монголия», Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

POLITICAL SCIENCE

Xing Guangcheng

Russian-Chinese relations – a model of the relations between new powers

In the article the analysis of formation and development of the Russian-Chinese relations is offered as a new model of cooperation between the states, detailed characteristic of the main aspects of the Russian-Chinese interaction is given: it is the partnership of comprehensive strategic interaction which passed into the stage of «constructive partnership», based on equality and trust, development of the Russian-Chinese relations includes cooperation in policy, economy, diplomacy, military science, culture, education, tourism, the humanities and so on. The Russian-Chinese relations are based on the principles «four without», that is without accession to the union, without confrontation, without orientation to the third parties, without ideological pressure. These principles constantly take root in various joint declarations, agreements and the signed contracts between two countries. In the article it is noted that the new model of the state cooperation of the Russian-Chinese relations is reflected in the multilateral mechanism of the international cooperation that China and Russia are actively developing the

international regional cooperation, and the «One Belt, One Way» project became the important platform for the Russian-Chinese communications in aspect of regional strategic cooperation: joint implementation of «Agreement on economic and trade cooperation between the People's Republic of China and the Eurasian Economic Union», cooperation in construction of the high-speed railroads, construction of a Chinese-Russian-Mongolian economic corridor, joint plans for development of the Far East, strengthening of economic cooperation of Russia with the Association of Southeast Asian Nations, joint participation of Russia and China in cooperation with BRICS countries (India, Brazil and South Africa).

Ключевые слова: российско-китайские отношения, советско-китайские отношения, конструктивное партнерство, стратегическое взаимодействие, международное региональное сотрудничество, «один пояс, один путь», экономический коридор «Китай – Россия – Монголия», Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

В этом году исполняется 70 лет со дня не только основания Китайской Народной Республики, но и установления дипломатических отношений между Китаем и Россией (СССР). После распада СССР Китай и Россия установили дружеские отношения сотрудничества на основе выстроенных ранее советско-китайских отношений. С того времени российско-китайские отношения непрерывно развивались: от отношений конструктивного партнерства до стратегического взаимодействия, а затем до партнерских отношений всестороннего стратегического взаимодействия.

Сейчас в стране и за рубежом существует такое признанное многими мнение, что российско-китайские отношения находятся в наилучшем периоде в истории. Китай и Россия являются соседями, и оба государства являются двумя странами, которые играют важную роль в мире. Продолжительное развитие российско-китайских отношений не только приносит благополучие народу обеих стран, но также обеспечивает мир и безопасность для современного сложного и постоянно меняющегося мира и одновременно придает жизнеспособность мировому развитию. Российско-китайские отношения – это модель отношений между новыми мировыми державами.

Во-первых, это партнерские отношения всестороннего стратегического взаимодействия. Данный тип отношений включает в себя два аспекта. Отношения между Китаем и Россией не являются ни коалиционными, ни враждебными. Основная ориентация российско-китайских отношений отражена в понятии «партнерства», но очевидно, что такие отношения не являются «партнерскими» в общем смысле, а «партнерскими отношениями по стратегическому взаимодействию» с акцентом на «стратегическое взаимодействие» [1].

Установление «партнерства» между Китаем и Россией прошло процесс постепенного развития. После распада СССР российско-китайские отношения были отношениями «дружественных стран». Другими словами, было партнерство в общем смысле. Тем более, после распада СССР и окончания холодной войны на международной арене поднялась волна «партнерских» отношений. Однако российско-китайские отношения вскоре переросли «партнерские» отношения в общем смысле. В 1996 году российско-китайские отношения перешли в стадию «конструктивного партнерства». В том же году отношения обеих стран стали «партнерскими отношениями стратегического взаимодействия с ориентацией на XXI век». С 1996 года по настоящее время российско-китайские отношения функционируют в рамках «партнерства стратегического взаимодействия», что свидетельствует о том, что партнерство стратегического взаимодействия между Китаем и Россией становится все более прочным и многосторонним [2].

Российско-китайские отношения воплотили всесторонность развития «партнерства стратегического взаимодействия» между двумя странами. Партнерские отношения всестороннего стратегического взаимодействия – самое классическое описание сегодняшних российско-китайских отношений. Многосторонность российско-китайских отношений проявляется в следующих аспектах: в первую очередь, развитие российско-китайских отношений включает сотрудничество в области политики, экономики, дипломатии, военного дела, культуры, образования, туризма, гуманитарных наук и так далее. Российско-китайские отношения показывают тенденцию и состояние всестороннего со-

трудничества в различных областях [3]. И это именно «многоотраслевое сотрудничество», о котором Китай и Россия неоднократно говорят в совместных заявлениях. Во-вторых, развитие российско-китайских отношений отражается как в официальной, так и в народной сфере. Правительства Китая и России играют важную стимулирующую и ведущую роль в развитии двусторонних отношений. В частности, ежегодно главы государств Китая и России проводят встречи на двусторонней и многосторонней основе. Между лидерами двух стран сложились очень дружеские личные отношения. Премьер-министры правительств Китая и России встречаются каждый год. Правительствами двух стран создан ряд комитетов двустороннего сотрудничества, установилось общение между двумя парламентами. И между двумя правящими партиями тоже установлен канал для постоянного взаимодействия. Кроме официальных контактов, все чаще происходит «народный обмен» между Китаем и Россией. Туристы из обеих стран как бы измеряют длину и ширину развития российско-китайских отношений своими шагами. В то же время иностранные студенты Китая и России выполняют важную миссию гуманитарных обменов между обеими странами. В-третьих, интенсивнее развивается региональная связь между Китаем и Россией. Сейчас в Китае и в России многие города установили контакт друг с другом, стали городами-побратимами. Китай и Россия – соседи, и приграничные районы двух стран являются взаимно дружественными и кооперативными территориями. Например, установлено региональное стратегическое сотрудничество между тремя северо-восточными провинциями Китая и Автономного региона Внутренней Монголии и Дальневосточного региона России все больше внимания привлекает сотрудничество между районами Поволжья и средним и верхним течением реки Янцзы в Китае. Региональное сотрудничество является одним из важных аспектов всестороннего сотрудничества Китая и России.

Во-вторых, важно охарактеризовать базовые рамки российско-китайских отношений. Причина, по которой российско-китайские отношения могут развиваться очень стабильно, заключается в том, что два великих соседа – Китай и Россия нашли способ удовлетво-

рить интересы двух стран и создали базовые рамки для развития отношений между двумя странами [4]. Российско-китайские отношения основаны на принципах «четыре без», то есть без вступления в союз, без конфронтации, без ориентации на третьих лиц, без идеологического давления. Вышеупомянутые принципы «четыре без» постоянно внедряются в различные совместные декларации, соглашения и подписанные договоры между двумя странами. Устойчивому развитию китайско-российских отношений способствовало установление вышеупомянутых принципов «четыре без» и их реализация на практике.

Принцип «без вступления в союз» устанавливает «верхнюю границу» для развития российско-китайских отношений. То есть в настоящее время и в будущий долгосрочный период российско-китайские отношения не перерастут в союзные. В 50-60 годах прошлого века Китай и Советский Союз создали альянс. Китай являлся членом социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Тогда Советский Союз был «старшим братом», а Китай – «младшим братом». Советско-китайские отношения были братскими. В настоящее же время российско-китайские отношения не являются ни союзными, ни братскими. Принцип «без конфронтации» определяет нижнюю границу российско-китайских отношений. Китаю и России запрещено вступать в конфронтацию. Это необходимое условие для управления отношениями между Россией и Китаем. Можно вспомнить горький опыт в истории российско-китайских отношений, когда с конца 1960-х до начала 1980-х годов Китай и Советский Союз находились в состоянии напряженной конфронтации с точки зрения межпартийных отношений, государственных контактов и неправительственных обменов. Тогда часто возникали пограничные конфликты между Китаем и Советским Союзом, Советский Союз направлял на границу свои войска, что представляло угрозу национальной безопасности Китая и нанесло огромный ущерб отношениям двух стран. Поэтому в настоящее время российско-китайские отношения – это новые государственные отношения. Одна из важных особенностей этих отношений заключается в том, что две страны больше не участвуют в «конфронтации», а сосредотачивают внимание на сотрудниче-

стве. Принцип «без ориентирования на третьих лиц» обозначает, что в процессе развития российско-китайских отношений главное – создать базовую основу для отношений между двумя странами, что будет соответствовать государственным и народным интересам двух стран. Развитие отношений между Китаем и Россией обусловлено общими интересами обеих стран и не зависит ни от каких третьих сторон, не направлено на третьих лиц. Такой принцип определяет основной диапазон российско-китайских отношений, то есть развитие российско-китайских отношений не ограничивает эти две страны в стремлении развивать кооперационные связи с другими странами на международной арене. Принцип «без идеологии» заключается в том, что развивая отношения, Китай и Россия не подчиняются ограничениям ведущей идеологии, присущей двум странам. Китай и Россия взаимно уважают выбранный ими путь развития, государственную систему и ценностную ориентацию, не вмешиваются во внутренние дела партнера. Они уважают выбор народов обеих стран и не оказывают внешнее давление на другую сторону.

Факты доказали, что «рамочный» характер принципов «четыре без» российско-китайских отношений определил основные закономерности и стандарты для развития отношений обеих стран. Одновременно такие принципы установили новые нормы для развития китайско-российских отношений, заложили фундамент для развития отношений между новыми державами.

В-третьих, важно отметить, что Китай и Россия активно развивают международное региональное сотрудничество. После того, как Китай предложил проект «Один пояс, один путь», на который Россия отреагировала положительно, на зимних Олимпийских играх 2014-го года в Сочи председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин достигли консенсуса по вопросам сотрудничества в рамках проекта «Один пояс, один путь» [5]. В 2015 году, когда председатель КНР Си Цзиньпин прибыл в Россию с официальным визитом, он подписал соглашение с президентом России Путиным о стыковке Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Проект «Один

пояс и один союз» стал важной платформой для российско-китайских связей в аспекте регионального стратегического сотрудничества. Например, Китай и Россия совместно реализовали «Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Евразийским экономическим союзом», подписанное в Астане 17 мая 2018 года. Помимо этого, Китай и Россия сотрудничают в строительстве скоростной железной дороги Москва-Казань и железнодорожных магистралей в других регионах. Китай, Россия и Монголия совместно строят китайско-российско-монгольский экономический коридор, который становится одним из шести экономических коридоров Экономического пояса Шелкового пути, поддерживаемого Китаем. Россия является очень важным партнером для Китая в реализации проекта «Один пояс, один путь». В последние годы Россия предложила ряд стратегических планов, важных для данного проекта: так, очень значимым является план по развитию Дальнего Востока. Вместе с этим, Россия также стремится укрепить экономическое сотрудничество с Азиатско-Тихоокеанским регионом, активно развивать экономическое сотрудничество с Северо-Восточной Азией, и усилить экономическое сотрудничество с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии.

В 2016-м году президент России Владимир Путин предложил программу Евразийского экономического партнерства, которая нацелена на тесное экономическое сотрудничество между Евразийским экономическим союзом и сферами деятельности Шанхайской организации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Программа президента Владимира Путина аналогична китайской инициативе «Один пояс, один путь». Китай надеется, что Россия сыграет активную и конструктивную роль в реализации концепции «Один пояс и один путь», поскольку Россия является ключевой страной на евразийском континенте. После распада Советского Союза Россия также предложила идею создания плана «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока. Это объясняется тем, что Россия очень заинтересована в экономическом сотрудничестве в евразийском регионе. Европа также является важной областью экономического сотрудни-

чества для Китая, и Китай не может выйти в Европу без участия России. В таком случае Россия становится важным мостом и связующим звеном для Китая, чтобы идти к Европе. В 2018-м году Китай и Россия заявили в совместной декларации обеих стран, что они будут изучать вопрос об установлении «евразийского партнерства» на основе открытости, прозрачности и учета взаимных интересов. Обе страны приветствуют подписание совместного заявления о завершении исследования возможности соглашения о евразийском экономическом партнерстве, и ожидают последующей работы, что позволит добиться прогресса как можно скорее. Это свидетельствует, что Китай и Россия готовятся к более тесному стратегическому сотрудничеству на евразийском пространстве [6].

В-четвертых, новая модель государственного сотрудничества российско-китайских отношений отражается в многостороннем механизме международного сотрудничества.

Китай и Россия уважают и поддерживают ведущую позицию и роль Организации Объединенных Наций в решении международных дел, подчеркивают ключевое место ООН в защите мира во всем мире. Обе страны выступают против любых действий, которые ослабляют роль ООН или пытаются обойти ООН, чтобы поставить интересы и стремления своей страны выше ООН.

Совместное создание Шанхайской организации сотрудничества со странами Центральной Азии является воплощением глубокого международного сотрудничества между Китаем и Россией. За 17 лет с момента своего создания Шанхайская организация сотрудничества внесла выдающийся вклад в поддержание безопасности, стабильности и развития Центральной Азии и сыграла важную роль, одновременно стала новой национальной организацией регионального сотрудничества с международным влиянием [7]. Кроме того, Китай и Россия совместно способствуют развитию механизма сотрудничества стран БРИКС, ведут тесное сотрудничество с такими странами как Индия, Бразилия и Южная Африка. Таким образом, организация БРИКС стала важной платформой для международного сотрудничества, и роль развивающихся стран на международной арене существенно выросла. Китай и Россия также работают вместе с Индией, чтобы продвигать

механизм сотрудничества среди этих трех стран и укреплять связь и сотрудничество во имя мира, стабильности и процветания в Азии. Кроме того, Китай и Россия предприняли усилия по обеспечению стабильности и мира в Северо-Восточной Азии с помощью таких механизмов, как шестисторонние переговоры по ядерной энергии в Северной Корее. После международного финансового кризиса 2008-ого года Китай и Россия стремятся к укреплению связи и сотрудничества международного сообщества в рамках саммита G20 и играют конструктивную роль в саммите G20. И это, безусловно, демонстрирует роль отношений новых держав в поддержании мира и развития международного сотрудничества.

В-пятых, особенно значимым представляется формирование стратегического консенсуса в решении международных дел. Столкнувшись со сложной и нестабильной международной обстановкой после холодной войны, Китай и Россия совместно выступают против попыток установить «однополярный» мир и за «многополярность» мира. Обе страны также выступают за решение глобальных проблем путем открытости, солидарности, сотрудничества на взаимовыгодных условиях. Они прилагают силы для содействия справедливости и рационализации международного политического и экономического порядка, сосредотачиваются на развитии конструктивного диалога и сотрудничества между цивилизациями всего мира. И Китай, и Россия противостоят так называемой «цветной революции» на международной арене, подчеркивают уважение основополагающего права выбора национальной политики во всех странах, и соблюдают инициативу ООН по запрещению вмешательства во внутренние дела. И Китай, и Россия выступают против введения односторонних санкций на международном уровне, потому что, на их взгляд, это не соответствует нормам международного права. Оба государства противодействуют осуществлению политической подрывной деятельности в любой стране посредством незаконной внешней сильной власти. Кроме того, Китай и Россия устанавливают чрезвычайно тесную связь и интеракцию в области защиты международной безопасности, безопасности и процветания международного сетевого пространства,

поддержания финансовой стабильности и многосторонних торговых механизмов, а также сотрудничества в отношении прав человека. В 2016-м году в ответ на растущие негативные факторы, влияющие на глобальную стратегическую стабильность, главы государств Китая и России опубликовали «Совместное заявление об укреплении глобальной стратегической стабильности». Выражая свое отношение к современным проблемам международного права в решении международных делах главы государств Китая и России в 2016-м году подписали «Заявление о продвижении международного права» [8], которое делало акцент на том, что принцип международного права является краеугольным камнем формирования справедливых и разумных международных отношений, основанных на сотрудничестве и взаимной выгоде. В 2018-м году в «Совместном российско-китайском заявлении» было четко подчеркнуто: «Перед лицом сложной и постоянно меняющейся международной ситуации Китай и Россия будут и дальше укреплять стратегическое взаимодействие в международных делах, глубоко исследуют обширные международные и региональные проблемы, и выдвигают сотрудничество между иностранными дипломатическими ведомствами и взаимную поддержку в международных делах на новый уровень».

В-шестых, самыми ценными составляющими российско-китайских отношений являются равенство и доверие.

Наиболее фундаментальная причина, по которой российско-китайские отношения могут продолжать развиваться, заключается в том, что китайско-российские отношения основаны на равенстве. Отношения между Китаем и Россией не могут определяться в категориях «зависимости – независимости» или «подчиненности – неподчиненности». После распада Советского Союза Китай и Россия всегда придерживались принципа равенства и развивали двусторонние отношения. Точнее говоря, после распада СССР российско-китайские отношения оказались в состоянии неопределенности. Во-первых, советско-китайские отношения недавно нормализовались, и основа двусторонних отношений была достаточно стабильна. Во-вторых, ранее существующая граница между

Китаем и Советским Союзом стала границей Китая с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, что также создавало некую «зону неопределенности». Зато совместными усилиями Китая, России и Центральной Азии была сформулирована модель «четыре плюс один» для решения пограничных проблем. Решая такую очень сложную проблему, как граница, Китай, Россия и страны Центральной Азии постоянно повышали уровень доверия, настаивали на выстраивании двусторонних отношений на равной основе. При решении необычно сложных пограничных проблем Китай, Россия и страны Центральной Азии содействовали появлению «встреч глав государств «Шанхайской пятёрки», на основе которого впоследствии создали Шанхайскую организацию сотрудничества. Все это показывает, что российско-китайские отношения не являются отношениями великих держав в общем смысле, а последовательно формируют базовые характеристики отношений нового типа между великими державами. Равенство и доверие – краеугольные камни новых отношений между Китаем и Россией. Когда Китай и Россия выстраивают двусторонние и многосторонние отношения, невозможно избежать некоторых конфликтов интересов. Зато обе страны придерживаются принципа равенства и доверия, и в конце концов, разрешают эти проблемы должным образом. Например, российско-китайские переговоры по энергетическому сотрудничеству часто продолжают долгое время. Это объясняет тот факт, что сотрудничество между Китаем и Россией в области энергетики основано на равноправном сотрудничестве. Не существует вопроса о том, кто кого подавляет, кто кому уступает. Причина, по которой советско-китайские отношения в определенный период ухудшились от «альянса и медового месяца» до конфронтации и даже конфликта, заключалась в том, что китайско-советские отношения были основаны на неравенстве, что разрушало узы доверия между двумя странами.

В 2018-м году было принято «Совместное российско-китайское заявление», которое гласит: «Российско-китайское партнерство – модель современных межгосударственных отношений. Взаимодействие между Китаем и Россией является ключевым фактором под-

держания баланса и стабильности международной стратегии в мире». Следует подчеркнуть, что по мере развития реформ открытости в Китае, отношения между Китаем и Советским Союзом перешли из конфронтационного состояния в стабильное. После распада СССР российско-китайские отношения непрерывно развивались и углублялись, и было сформировано всестороннее стратегическое партнерство и взаимодействие. На практике две соседние страны, Китай и Россия, постоянно искали оптимальную модель отношений между новыми державами. Это не только приносит ощутимую пользу развитию китайско-российских отношений, но и предлагает современному сложному и меняющемуся миру парадигмы регулирования отношений между великими державами, которую стоит заимствовать другим крупным государствам. Международная ситуация в 2018-м году становится более сложной и неспокойной. Соединенные Штаты провоцировали так называемую «торговую войну» против таких стран как Россия и Китай, которая сильно подорвала основные нормы международных отношений. В ситуации, когда «в современной ситуации все чаще происходят мировые конфликты, геополитические противоречия усиливаются, пространство для конструктивного сотрудничества сокращается, экономический протекционизм растет», Китай и Россия должны укреплять всестороннее стратегическое сотрудничество и вместе противостоять международным проблемам. В 2019-м году международная ситуация все еще находится в состоянии сложности и нестабильности, что требует от Китая и России укрепления многослойного стратеги-

ческого взаимодействия на глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем уровнях для защиты безопасности, стабильности и мира как во всем мире, так и в регионе.

Reference List

1. 习近平：中俄全面战略协作伙伴关系处于历史最好时期，
<http://politics.rmlt.com.cn/2017/0705/482064.shtml>
2. 邢广程：《中俄关系是新型大国关系的典范》，载《世界经济与政治》2016年第9期
3. 中俄关于全面战略协作伙伴关系新阶段的联合声明-新华网
http://www.xinhuanet.com/world/2014-05/20/c_1110779577.htm
4. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于进一步深化全面战略协作伙伴关系的联合声明（全文）-新华网
http://www.xinhuanet.com/world/2017-07/05/c_1121263941.htm
5. 中华人民共和国与俄罗斯联邦关于丝绸之路经济带建设和欧亚经济联盟建设对接合作的联合声明（全文）-新华网
http://www.xinhuanet.com/world/2015-05/09/c_127780866.htm
6. 中华人民共和国和俄罗斯联邦联合声明（全文） — 中华人民共和国外交部
https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/t1567243.shtml
7. 中华人民共和国主席和俄罗斯联邦总统关于加强全球战略稳定的联合声明（全文） — 中华人民共和国外交部
<https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1375312.shtml>
8. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于促进国际法的声明（全文） — 中华人民共和国外交部
<https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1375313.shtml>

Х. Р. Степанян

<https://orcid.org/0000-0002-8219-080X>

Советизация Армении (попытка сравнительного анализа)

В статье сравнивается советизация Армении с советизацией Грузии и Азербайджана. Очевидно, что военное вмешательство Советской России в приведение большевиков к власти в трех республиках. В статье отражены условия для большевистской революции в Азербайджане. Представлено, что советская армия фактически помогала повстанцам, большевики Армении были достаточно слабы, чтобы подготовиться к восстанию в стране. В то же время, правительство, которое воевало против кемалистской Турции, также не боролось против вторжения Красной Армии в Армению. Что касается Грузии, то здесь большевистской революции не было, и у правительства не было оснований для отказа от власти. Эта страна была оккупирована без формальностей.

Ключевые слова: Армения, советизация, Советский Азербайджан, Советская Грузия, 11-я Красная Армия, Ереванское соглашение.

Kh. R. Stepanyan

Sovietization of Armenia (an attempt of a comparative analyses)

In the article Sovietization of Armenia is compared to Sovietization of Georgia and Azerbaijan, it is obvious that there was military intervention of the Soviet Russia in bringing Bolsheviks to the power in the three republics. In the article conditions for the Bolshevik revolution are reflected in Azerbaijan. It is presented that the Soviet army in fact helped insurgents, Bolsheviks of Armenia were quite weak to be prepared for a revolt in the country. At the same time, the government which was at war against kemalist Turkey also did not fight against invasion of the Red Army into Armenia. As for Georgia, there was not a Bolshevik revolution, and the government had no bases to refuse the power. This country was occupied without formalities.

Key words: Armenia, Sovietization, Soviet Azerbaijan, Soviet Georgia, the 11th Red Army, Yerevan agreement.

После победы над внутренними противниками в гражданской войне, власти Советской России не скрывая объявили о намерении восстановления влияния над Закавказьем. Очевидно, что влияние над Закавказьем означала установление там советского строя. 28 апреля 1920 г. Азербайджан был советизирован. Через месяц благодаря активной поддержке 11-й Красной армии, Советский Азербайджан захватил Арцах, который также был провозглашен советским. В конце июля 1920 г. Красная армия советизировала также и Нахиджеван. Будучи в напряженных военных отношениях с Азербайджаном и кемалистской Турцией, Республика Армения, сконцентрировав свои силы на подавлении внутренних антигосударственных большевистских, а также турецко-татарских беспорядках, оказалась не в состоянии достойным образом отразить вторжение большевиков в Арцах и Нахиджеван.

В турецко-армянской войне 1920 г., получив поддержку Советской России, кемалисты одержали победу над армянской армией. Воспользовавшись данной ситуацией, заведомо сформированный в Баку Революционный комитет Армении, 29 ноября 1920 г. войдя в Иджеван с северо-запада Армении, выступил с провозглашением советского строя в Армении [18].

1 декабря 1920 г. на совместном заседании правительства Республики Армении, партийной фракции парламента и Бюро АРФ Дашнакцутюн было принято решение назначить членов правительства РА Драстамата Кананяна и Амбарцума Тертеряна уполномоченными по переговорам с представителем РСФСР Борисом Лиганом касательно передачи власти большевикам [19]. Переговоры велись по принципу обеспечения гарантии независимости Армении [22].

2 декабря 1920 г. представители правительства Республики Армения Дро и А. Тертерян подписали ереванское соглашение. Это обеспечило мирный переход власти от АРФ Дашнакцутюн к большевикам. Были определены основные принципы передачи власти. До созыва Съезда Советов в Армении, власть временно передается Военно-революционному комитету, в который вошли 5 коммунистов и 2 левых дашнакцаканов, Дашнакцутюн и другие не большевистские социалистические партии не должны были преследоваться за прежнюю борьбу против коммунистической партии, Советская Россия гарантировала независимость Советской Армении [27]. Позиция Дашнакцутюн в отношении признания независимости Армении, примирения с турками, недопущения гражданской войны, а также представления нового правительства была принята 1 декабря на вышеупомянутом совместном заседании Бюро партии, парламентской фракции и правительства [21].

Последний премьер-министр Армении Симон Врацян ссылается на причины мирной передачи власти большевикам. «С пессимизмом или с оптимизмом, но ожидалось, что 1. Будет положен конец военным разрушениям; 2. Война закончится, и турки покинут границы Армении; 3. Дружба между Арменией и Турцией будет установлена путем посредничества Советской России. С помощью Советской России так или иначе будет решен турецко-армянский вопрос; 4. Будет восстановлено внутреннее спокойствие страны, и народ снова сможет заниматься мирной и конструктивной работой. Большевики, в свою очередь, усилили эти настроения с помощью официальных и неофициальных обещаний» [5]. Прежде чем писать эти строки, С. Врацян признал, что в советское время советская власть была необходимостью для армянского народа. По его убеждению, с помощью Советской России проблемы, стоящие перед страной, будут решены. Более того, члены правительства Дашнакцутюн были готовы помочь новым властям, большевикам, вывести страну из тяжелого положения. С этой целью представителям Дашнакцутюн был послан приказ, где обстоятельным образом разъяснялась необходимость сотрудничества с большевиками [6].

Фактически, премьер-министр Армении, который находился в ссылке, приходит к вы-

воду, что советизация страны была обусловлена безнадежной ситуацией, надеждой на помощь России в спасении армянского народа от турецкого ятагана, необходимостью восстановления внутреннего мира нации.

В своей телеграмме лидер большевиков Владимир Ленин приветствует «рабочих Советской Армении, избавившихся от ига империализма» [17].

2 декабря 1920 г. Дро и представитель советской власти Отто Силян выпустили приказ о реорганизации армянской армии, согласно которому весь командный состав был сохранен [24]. Тем же указом все госучреждения, чиновники и граждане Армении были обязаны выполнять приказы военного командования. Сопротивляющиеся будут преследоваться по законам революционного времени [16]. Такой шаг был сделан Дро с целью не допустить нарушений в прежней дисциплине и подчиниться новому правительству [4].

Как видим, руководство Дашнакцутюн, смирившись с ситуацией, не только передало власть большевикам, но и пыталось поддержать вновь сформированные Вооруженные силы в установлении порядка и порядка в стране. Дашнакцакани были готовы сотрудничать с большевиками в восстановлении родины на самых низких позициях после советизации, надеясь на неконфликтную передачу власти [25].

Советско-армянская историография описала Ереванское соглашение как капитуляцию правительства Дашнакцаканов [3]. В постсоветский период придавалось большое значение этому соглашению с внешнеполитической точки зрения, поскольку Советская Россия и Армения стали союзниками по соглашению от 2 декабря [28].

Очевидно, что в основе подхода властей РА к советизации Армении лежал вопрос о безопасности армянского народа. Предполагалось, что с помощью советизации будет спасен остаток армян, укрытых в восточной части Армении от турецкого ятагана. Особенно давление со стороны турок и очевидная возможность их новых массовых убийств заставили их идти на советизацию Армении.

Также верно, что была надежда на то, что советская власть Армении будет регулировать жизнь государства при поддержке России. Однако были государственные деятели, которые выступали против мирной советизации и предлагали бороться до конца. Член

правительства С. Врацяна, министр сельского хозяйства и труда Аршак Ованнисян даже предложил «немедленно задержать весь состав советской делегации вместе с Леграном и принять жесткие меры против всех тех, кто попытается сдать большевикам» [9]. Бывший министр обороны Саргис Араратян также был сторонником А. Ованнисяна.

Таким образом, 2 декабря 1920 года, передавая власть большевикам мирным путем, дашнакцакани рассчитывали на физические гарантии безопасности армянского народа с помощью России. Лидеры независимой Армении надеялись, что фактор присутствия Советской России помешает кемалистам уничтожить армянский народ на своей родине. А российский фактор сам по себе предполагал советизацию Армении. С этим сознанием произошла мирная передача власти большевикам.

Советизация Армении была также обусловлена кемальско-большевистским сотрудничеством. Очевидно, что Советская Россия была союзником кемалистской Турции в вопросе советизации Армении. Турки были заинтересованы в советизации Армении, потому что с введением советских войск в Армению они бы ощутили уверенность с тыла, а силы их сконцентрировались бы на Западе, против Антанты. Бывший министр юстиции РА Рубен Дарбинян пишет, что «дружба с Кемалем и мусульманским миром гораздо ценнее для советского правительства, чем с партией Дашнакцутюн и армянами» [8]. Власти Советской России подчеркивали важность советизации Армении, исходя из необходимости установления сухопутного сообщения непосредственно с кемалистской Турцией.

Россия и Турция пришли к соглашению атаковать Армению. Согласно этому соглашению, турки должны были достичь Сарикамыш [20]. Затем они нарушили первоначальное соглашение, углубились дальше. Кемалистам удалось убедить большевиков Москвы в том, что с их помощью легче будет осуществить революцию в странах Востока и «полагаясь на многомиллионных мусульман Востока положить конец господству Англии в Индии и в других странах» [26]. Армянские большевики считали, что вмешательство кемалистов в суверенитет Армении исходило из «интересов» армянского и турецкого народов. Председатель Армянского Революционного Комитета

С. Касьян пишет, что при советизации Армении победили «братская солидарность и согласие свободных народов Советской Армении и трудовой Турции» [14].

В результате одновременного нападения кемалистских и большевистских сил на Армению правительство Армении было вынуждено уйти в отставку, отменить свои полномочия и передать свою власть наименьшему злу – Советской России [29].

После Армении, Грузия оказалась последней принявшей советский строй страной в конце февраля 1921 года.

Безусловно интересно сравнить советизацию Армении с аналогичным процессом в Азербайджане и Грузии.

Понятно, что Советская Россия не стала бы руководствоваться одними и теми же принципами в отношении этих трех республик и при необходимости применила бы разные подходы.

Например, в случае Азербайджана советские войска также атаковали страну. Однако, в отличие от Армении, в то же время в Азербайджане произошло восстание. Местные коммунисты, имевшие соответствующую сферу деятельности, проделали серьезную работу, чтобы рабочие совершили революцию. В Армении не было рабочего класса, поэтому не могло быть и рабочей революции.

Если правительственный кризис в Армении был обусловлен внешними факторами, в Азербайджане также были серьезные внутренние проблемы. Здесь назрел кризис внутригосударственного правительства. Парламент долго не заседал [7]. С февраля 1920 года большевики действовали против правительства. Правда, правительство запретило их деятельность [11], но было уже поздно.

Взяточничество, вседозволенность достигли своего пика. Назревала серьезная социальная неудовлетворенность. В апреле правительство покинули не-мусаватские министры. Мусават стал по сути изолированным [1].

В конце апреля коммунистическое подполье уже готовилось к восстанию. 24 апреля Кавказский краевой комитет РК(б)К, ЦК К(б)К Азербайджана и Комитет города Баку объявили военное положение и мобилизовали весь партийный потенциал [10]. Была опубликована нелегальная газета коммунистов «Новый мир», которая вышла под лозунгами: «Долой бека-ханское правительство мусавата»

та!», «Да здравствует советская власть», «Да здравствует Советский независимый красный Азербайджан!» [12]. На самом деле, в отличие от Армении, коммунистические силы в Азербайджане серьезно подготовились к встрече с красными. Можно даже признать, что Красная Армия поддержала восстание местных коммунистов в Азербайджане.

Подобное не произошло в Армении. Для коммунистического рабоче-крестьянского восстания в Армении не было ни сил, ни основания. Хотя большевики Армении иначе отнеслись к властям Первой республики. Помимо Советской России, большевики Армении также были вовлечены в армяно-турецкую войну. В частности, местные большевики в Александрополе заняли ярко выраженную антигосударственную и протурецкую позицию. Орган Александропольских большевиков – газета «Коммунист», настаивая на своем неверном мнении, в ноябре 1920 года охарактеризовала агрессивную, кровавую войну кемалистов против армян как «гражданскую войну против партии Дашнакцутюн, которая открывает новую эру для угнетенного армянского народа» [13]. Это также стало причиной того, что армянские войска не вели героической борьбы против турок. Из-за неправильной пропаганды, распространяемой коммунистическими лидерами Александрополя, жители провинции приветствовали турецких солдат с солью и хлебом.

Прежде чем передать власть большевикам, мусаватское правительство Азербайджана совершило отчаянный шаг, чтобы сохранить независимость страны. 27 апреля, после 11 часов обсуждений, парламент страны решил обратиться с требованиями к Революционному Комитету Азербайджана по передаче власти, среди которых первое касалось защиты независимости Советского Азербайджана [2]. Не рассмотрев данные условия, Революционный Комитет Азербайджана был утвержден рано утром 28 апреля в самораспущенном здании парламента и провозгласил Азербайджан Советской Республикой.

Выше мы увидели, что в случае Армении также в ходе переговоров правительство С. Врацяна настаивало на независимости Советской Армении, что также было выражено в Ереванском соглашении от 2 декабря. Другое дело, что тогда Советская Россия нарушила свое обещание. Но в случае с Азербай-

джаном, по сути, не было никаких переговоров о передаче власти.

С юридической точки зрения в Армении произошла передача власти от одной политической силы к другой. В случае с Азербайджаном правящая сила попыталась официально передать власть, но коммунистам она больше не была нужна.

Совершенно иное произошло в Грузии. Здесь фактически власть была захвачена посредством войны.

Если сразу после советизации Азербайджана была предпринята попытка установить большевистскую власть в Армении путем авантюры под названием «майская революция», то в случае с Грузией Советская Россия поступила иначе. 7 мая Москва подписала договор между Советской Россией и Демократической Республикой Грузия, в соответствии с которым Россия признала независимость Грузии, пообещала не вмешиваться во внутренние дела страны, а Грузия обязалась узаконить деятельность Коммунистической партии [30].

Однако после советизации Армении Г. Орджоникидзе начал убеждать Москву ускорить советизацию Грузии. Он думал, что в Грузии также назревает восстание [23].

16 февраля 1921 года советские войска пересекли южную границу Грузии и заняли Красный мост и село Шулавер. Начался захват Тифлиса [31]. Сначала грузинская сторона была настроена на воинственное сопротивление советским войскам [31, с. 303]. Однако грузинская армия не смогла противостоять Советской Армии.

24 февраля правительство Республики Грузия было вынуждено перебраться на запад страны – в Кутаиси. 25 февраля Красная Армия напала на Тбилиси. Грузинская сторона решила сдаться, чтобы сохранить армию и не жертвовать ею без необходимости. Большевистское красное знамя начало развеиваться над Тбилиси.

Посредством такой вот военной интервенции произошла советизация Грузии. В отличие от Армении, там даже не обратили внимания на международно-правовые нюансы.

Таким образом, сравнивая советизацию Армении с советизацией Грузии и Азербайджана, можно выделить две группы важных факторов.

Не подвергается сомнениям тот факт, что военная интервенция Советской России в трех республиках была вопросом приведения

большевиков к власти, и если в Азербайджане было достаточно условий для большевистской революции, а советская армия фактически помогала мятежникам, то в Армении не было оснований для большевистской революции, большевики Армении были слабы для подготовки бунта в стране. Другое дело, что правительство, которое воевало против кемалистской Турции, проявило осторожность, чтобы не бороться и против Красной Армии, вторгшейся в Армению. Что касается Грузии, то здесь не было ни предпосылок для большевистской революции, ни оснований у правительства для отказа от власти. Эта страна была оккупирована без формальностей.

Библиографический список

1. Агамалиева, Н., Худиев, Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918-1920 гг. [Текст] / Н. Агамалиева, Р. Худиев. – Баку, 1994. – С. 214.
2. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920) [Текст] / отв. ред. Н. Агамалиева. – Баку, 1998. – С. 265-266.
3. Алиханян, С. Роль Советской России в освобождении армянского народа (на арм. яз.) [Текст] / С. Алиханян. – Ереван, 1966. – С. 197.
4. Ашхатуни, З. Эпизоды борьбы за нашу свободу (арм. яз.) [Текст] // Айреник (Родина). – 1925, июль. – С. 126.
5. Врацян, С. Республика Армения (на арм. яз.) [Текст] / С. Врацян. – Ереван, 1993. – 542 с.
6. Врацян, С. Страницы из недавнего прошлого (арм. яз.) [Текст] // Айреник (Родина). – 1923, февраль. – С. 33.
7. Гулиев, Дж. Против буржуазной фальсификации истории (к характеристике сущности мусаватского правительства) [Текст] // Труды Института истории партии ЦК КП Азербайджана. – Т. 28. – 1967. – С. 161-162.
8. Дарбинян, Р. Скитания армянской политической мысли (на арм. яз.) [Текст] // Айреник (Родина). – 1923, июль. – С. 128.
9. Дарбинян, Р. Сочинения (на арм. яз.) [Текст] // т. 1, Бейрут, 1972. – 502 с.
10. Интернациональная помощь XI армии в борьбе за победу советской власти в Азербайджане [Текст]. – Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1989. – 196 с.
11. История Азербайджана Т. 3, часть 1 [Текст]. – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1963. – С. 220-221.
12. История Коммунистической партии Азербайджана, часть 1 [Текст]. – Баку, 1958. – 351 с.
13. Карапетян, С. Армяно-турецкая война 1920 г. и Советская Россия [Текст] / С. Карапетян. – Ереван, 1965. – С. 32.
14. Касьян, С. Избранные сочинения (на арм. яз.) [Текст] / С. Касьян. – Ереван, 1967. – С. 181.
15. Коммунист, Тбилиси (на груз. яз.) [Текст]. – 1921. – 2 марта.
16. Лазян, Г. Армения и Армянский вопрос (документы) (на арм. яз.) [Текст] / Г. Лазян. – Каир. – 300 с.
17. Ленин, В. Полное собрание сочинений (на арм. яз.). Т. 31 [Текст] / В. Ленин. – Ереван, 1980. – С. 350.
18. Национальный архив Армении (НАА), ф. 113, оп. 1, д. 1, л. 1, 1 обр. 2.
19. Национальный архив Армении (НАА), ф. 119, оп. 1, д. 248, л. 1.
20. Национальный архив Армении (НАА), ф. 144, оп. 2, д. 25, л. 94.
21. Национальный архив Армении, ф. 119, оп. 1, д. 248, л. 1, 2.
22. Ованнисян, А. Общенациональный кризис (на арм. яз.) [Текст] / А. Ованнисян. – Ереван, 1926. – С. 26.
23. Орджоникидзе, Г. Отборные статьи и речи [Текст] / Г. Орджоникидзе. – Ереван, 1950. – С. 304.
24. Революционные комитеты в Армении (Сборник документов и материалов, ноябрь 1920 г. – январь 1922 г.), (на арм. яз.) [Текст]. – С. 34.
25. Севан, А. Революция 18-ого февраля (на арм. яз.) [Текст] // Вем. – Париж. – 1936. – No 1. – С. 91.
26. Тертерян, А. Переговоры Республики Армения и Советской России: Делегация Левона Шанта (на арм. яз.) [Текст] // Айреник (Родина). – 1954, май. – С. 10.
27. Хатисян, А. Зарождение и развитие Республики Армения (на арм. яз.) [Текст] // Айреник (Родина). – Бостон, 1926, октябрь. – С. 101-102.
28. Хачатрян, К. Армяно-русские отношения в 1920-1922 гг. (на арм. яз.) [Текст] / К. Хачатрян. – Ереван, 2007. – С. 50.
29. Хуршудян, Л. Разделение Армении в 1920 г. (на арм. яз.) [Текст] / Л. Хуршудян. – Ереван, 2002. – С. 314.
30. Beichman A., The Long Pretense: Soviet Treaty Diplomacy from Lenin to Gorbachev, Transaction Publishers, 1990, 165 с.
31. Kvinitadze G., My Memoirs from the Years of Independence 1917-1921, Paris, 1985, 282 с.

Reference List

1. Agamaliev, N., Hudiev, R. Azerbajdzhanskaja Respublika. Stranicy politicheskoi istorii 1918-1920 gg. = The Azerbaijan Republic. Pages of political history in 1918-1920. [Tekst] / N. Agamaliev, R. Hudiev. – Baku, 1994. – S. 214.
2. Azerbajdzhanskaja Demokraticheskaja Respublika (1918-1920) = The Azerbaijan Democratic Re-

public (1918-1920) [Tekst] / otv. red. N. Agamalieva. – Baku, 1998. – S. 265-266.

3. Alihanjan, S. Rol' Sovetskoj Rossii v osvobodzenii armjanskogo naroda (na arm. jaz.) = Role of Soviet Russia in liberation of the Armenian people (in the Armenian language) [Tekst] / S. Ahihanjan. – Erevan, 1966. – S. 197.

4. Ashhatuni, Z. Jepizody bor'by za nashu svobodu (arm. jaz.) = Episodes of fight for our freedom (in the Armenian language) [Tekst] // Ajrenik (Rodina). – 1925, ijul'. – S. 126.

5. Vracjan, S. Respublika Armenija (na arm. jaz.) = The Republic of Armenia (in the Armenian language) [Tekst] / S. Vracjan. – Erevan, 1993. – 542 s.

6. Vracjan, S. Stranicy iz nedavnego proshlogo (arm. jaz.) = Pages from the recent past (in the Armenian language) [Tekst] // Ajrenik (Rodina). – 1923, fevral'. – S. 33.

7. Guliev, Dzh. Protiv burzhuznoj fal'sifikacii istorii (k karakteristike sushhnosti musavatskogo pravitel'stva) = Against bourgeois falsification of history (to characteristic of the essence of the Musavat government) [Tekst] // Trudy Instituta istorii partii CK KP Azerbajdzhana. – T. 28. – 1967. – S. 161-162.

8. Darbinjan, R. Skitanija armjanskoj politicheskoj mysli (na arm. jaz.) = Wanderings of the Armenian political thought (in the Armenian language) [Tekst] // Ajrenik (Rodina). – 1923, ijul'. – S. 128.

9. Darbinjan, R. Sochinenija (na arm. jaz.) = Compositions (in the Armenian language) [Tekst] // t. 1, Bejrut, 1972. – 502 s.

10. Internacional'naja pomoshh' XI armii v bor'be za pobedu sovetskoj vlasti v Azerbajdzhane = International help to the XI army in fight for the Soviet power victory in Azerbaijan [Tekst]. – Baku : Azerbajdzhanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1989. – 196 s.

11. Istorija Azerbajdzhana T. 3, chast' 1 = History of Azerbaijan V. 3, Part 1 [Tekst]. – Baku : Izd-vo AN Azerbajdzhanskoj SSR, 1963. – s. 220-221.

12. Istorija Kommunisticheskoj partii Azerbajdzhana, chast' 1 = History of the Communist Party of Azerbaijan, Part 1 [Tekst]. – Baku, 1958. – 351 s.

13. Karapetjan, S. Armjano-tureckaja vojna 1920 g. i Sovetskaja Rossija = Armenian-Turkish war of 1920 and Soviet Russia [Tekst] / S. Karapetjan. – Erevan, 1965. – S. 32.

14. Kas'jan, S. Izbrannye sochinenija (na arm. jaz.) = The chosen compositions (in the Armenian language) [Tekst] / S. Kas'jan. – Erevan, 1967. – S. 181.

15. Kommunist, Tbilisi (naруз. jaz.) = The communist, Tbilisi (in Georgian) [Tekst]. – 1921. – 2 marta.

16. Lazjan, G. Armenija i Armjanskij vopros (dokumenty) (na arm. jaz.) = Armenia and the Armenian question (documents) (in the Armenian language) [Tekst] / G. Lazjan. – Kair. – s. 300.

17. Lenin, V. Polnoe sobranie sochinenij (na arm. jaz.). T. 31 = Complete set of works (in the Armenian language). V. 31 [Tekst] / V. Lenin. – Erevan, 1980. – S. 350.

18. Nacional'nyj arhiv Armenii (NAA), f. 113, op. 1, d. 1, l. 1, 1 obr. 2: = National Archive of Armenia (NAA), v. 113, list. 1, 1, l. 1, 1 ref. 2.

19. Nacional'nyj arhiv Armenii (NAA), f. 119, op. 1, d. 248, l. 1. = National Archive of Armenia (NAA), v. 119, list. 1, 248, l. 1.

20. Nacional'nyj arhiv Armenii (NAA), f. 144, op. 2, d. 25, l. 94 = National Archive of Armenia (NAA), v. 144, list. 2, 25, l. 94.

21. Nacional'nyj arhiv Armenii, f. 119, op. 1, d. 248, l. 1, 2. = National archive of Armenia, v. 119, list. 1, 248, l. 1, 2.

22. Ovannisjan, A. Obshhenacional'nyj krizis (na arm. jaz.) = National crisis (in the Armenian language) [Tekst] / A. Ovannisjan. – Erevan, 1926. – S. 26.

23. Ordzhonikidze, G. Otbornye stat'i i rechi = Perfect articles and speeches [Tekst] / G. Ordzhonikidze. – Erevan, 1950. – S. 304.

24. Revoljucionnye komitety v Armenii (Sbornik dokumentov i materialov, nojabr' 1920 g. – janvar' 1922 g.), (na arm. jaz.) = Revolutionary committees in Armenia (The collection of documents and materials, November, 1920 – January, 1922), (in the Armenian language) [Tekst]. – S. 34.

25. Sevan, A. Revoljucija 18-ogo fevralja (na arm. jaz.) = Revolution on February 18 (in the Armenian language) [Tekst] // Vem. – Parizh. – 1936. – No 1. – S. 91.

26. Terterjan, A. Peregovory Respubliki Armenija i Sovetskoj Rossii: Delegacija Levona Shanta (na arm. jaz.) = Negotiations of the Republic of Armenia and Soviet Russia: Levon Shant's delegation (in the Armenian language) [Tekst] // Ajrenik (Rodina). – 1954, maj. – S. 10.

27. Hatisjan, A. Zarozhdenie i razvitie Respubliki Armenija (na arm. jaz.) = Origin and development of the Republic of Armenia (in the Armenian language) [Tekst] // Ajrenik (Rodina). – Boston, 1926, oktjabr'. – S. 101-102.

28. Hachatrjan, K. Armjano-russkie otnoshenija v 1920-1922 gg. (na arm. jaz.) = The Armenian-Russian relations in 1920-1922 (in the Armenian language) [Tekst] / K. Hachatrjan. – Erevan, 2007. – S. 50.

29. Hurshudjan, L. Razdelenie Armenii v 1920 g. (na arm. jaz.) = Desintegration of Armenia in 1920 (in the Armenian language) [Tekst] / L. Hurshudjan. – Erevan, 2002. – S. 314.

30. Beichman A., The Long Pretense: Soviet Treaty Diplomacy from Lenin to Gorbachev, Transaction Publishers, 1990, 165 s.

31. Kvinitadze G., My Memoirs from the Years of Independence 1917-1921, Paris, 1985, 282 s.

Чэн Ицзюнь

<https://orcid.org/0000-0003-3836-5817>

Анализ неблагоприятных факторов при строительстве экономического коридора Китай – Монголия – Россия

В статье рассматриваются проблемы и перспективы строительства экономического коридора Китай – Монголия – Россия, констатируется, что хотя Китай, Монголия и Россия все еще относятся к развивающимся странам и имеют много общего в плане национальных интересов и требований к развитию, между тремя странами также есть огромные различия, особенно в обстановке внутри страны, международном статусе, степени экономического развития, экономическом объеме, внешнеторговом масштабе, международном финансовом положении, экономической структуре, темпах экономического роста и тенденции экономического развития, доходе на душу населения и потенциале потребления, и эти различия, несомненно, оказывают прямое или косвенное влияние на сотрудничество стран друг с другом.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономический коридор Китай-Монголия-Россия, торгово-экономическое сотрудничество, темпы экономического роста, ВВП, экспорт, импорт

Cheng Yijun

The analysis of adverse factors at construction of the economic corridor China – Mongolia – Russia

In the article problems and prospects of construction of the economic corridor China – Mongolia – Russia are considered, it is noted that though China, Mongolia and Russia are still referred to developing countries and have much in common in respect of national interests and requirements to development, between three countries there are also huge distinctions, especially in the situation within the country, the international status, extent of economic development, economic amount, the foreign trade scale, the world financial position, economic structure, rates of economic growth and trends in economic development, income per capita and consumption potential, and these distinctions, undoubtedly, have a direct or indirect influence on cooperation of the countries with each other.

Key words: economic development, economic corridor China-Mongolia-Russia, trade and economic cooperation, rates of economic growth, GDP, export, import.

23 июня 2016 года Китай, Монголия и Россия провели третью встречу на высшем уровне в столице Узбекистана – Ташкенте, где председатель КНР Си Цзиньпин, президент РФ Владимир Путин и президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж отметили, что будут активно продвигать трехстороннее сотрудничество, и затем подписали соглашение «Программа создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия». Подписание соглашения имеет важное символическое значение: оно знаменует собой новую страницу в истории торгово-экономического сотрудничества между Китаем, Монголией и Россией. Сотрудничество между тремя странами сделало новый шаг. Китайский проект «Один пояс, один путь», проект «Евразийский экономический союз» под руководством России и запланированные Монголией проекты «Цели развития

тысячелетия» и «Дорога прерий» будут идеально интегрированы в создании экономического коридора Китай-Монголия-Россия. Не только важным событием в торгово-экономическом сотрудничестве между тремя странами, но и важными компонентом регионального экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии является строительство экономического коридора Китай-Монголия-Россия. Завершение проекта не только приблизит к экономическим связям трех стран, но и ускорит интеграцию местной экономики, а также будет способствовать эффективному экономическому развитию и процветанию Северо-Восточной Азии.

В надежде на реальный прогресс в строительстве экономического коридора Китай-Монголия-Россия, мы должны объективно относиться к сложным факторам, с которыми

приходится сталкиваться при реализации этой концепции, чтобы этот вековой проект работал гладко. Хотя Китай, Монголия и Россия принадлежат к развивающимся странам, и у них много общего с точки зрения национальных интересов и требований к развитию, но между ними также есть огромные различия, которые, несомненно, окажут прямое или косвенное влияние на сотрудничество друг друга. Мы должны полностью понять сущность этих различий. В частности, основные различия между тремя странами касаются следующих аспектов.

1. Различие основных национальных особенностей Китая, Монголии и России

Площадь государственной территории России составляет 17 098 млн км², занимая первое место по всему миру, но общая численность населения составляет всего 154 млн человек (восьмое место в мире, в среднем всего 9 человек на км²). Россия чрезвычайно богата природными ресурсами и занимает одно из веду-

щих мест в мире по объему добываемых природных ресурсов на душу населения, особенно таких крупных стратегических ресурсов, как нефть и природный газ, а также некоторых редких минеральных ресурсов. Площадь Китая составляет 9,6 млн км², он занимает третье место в мире. Но китайское население составляет 1,386 млрд человек (первое место в мире). Это означает в среднем 148 человек на км², что в 16 раз больше, чем в России. В связи с большим населением китайские природные ресурсы скудны, и количество природных ресурсов на душу населения ниже, чем средний уровень в мире. По сравнению с Россией, китайские недостатки более очевидны.

По сравнению с Китаем и Россией, Монголия имеет гораздо меньшую территорию, с площадью 1,564 млн км² и населением 3,08 млн человек. Плотность населения низкая, и объем природных ресурсов на душу населения не так велик, как в России, но выше, чем в Китае.

Таблица 1.

Сравнение площади и населения Китая, Монголии и России (2017) [1, с. 935]

	Площадь территории (10 000 км ²)	Количество населения (10 000 человек)	Плотность населения (Человек/ м км ²)
Китай	960,0	138 640	148
Россия	1709,8	14 450	9
Монголия	156,4	308	2

2. Различие международного статуса Китая, Монголии и России

И Китай, и Россия являются мировыми державами и постоянными членами Совета Безопасности ООН. Они играют важную роль в политической, экономической, дипломатической, научной, военной и культурной сферах в современном мире, а также имеют большое влияние на мировую политику и экономику. Оба государства представляют собой полюсы многополярного мира. С исторической точки зрения, Россия является традиционной крупной страной, а Китай – новой. Международный статус и государственная сила обеих стран постоянно претерпевают изменения.

3. Различная степень экономического развития трех стран

На третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 года Китай заявил о необходимости всесторонне развернуть реформу и придать ей открытый характер. После 40 лет устойчивого и быстрого развития была создана довольно полная и относительно раз-

витая промышленная система. В настоящее время Китай превратился из ранее отсталой сельскохозяйственной страны в мощную индустриальную державу с гигантским инновационным потенциалом. Россия еще в советское время уже вступила в индустриальную фазу развития. Однако распад СССР привел к распаду первоначального единого экономического пространства, рынок был разделен, и Россия была вынуждена пройти длительный и жестокий процесс деиндустриализации. При этом многие отрасли производства либо резко сократились, либо полностью исчезли. Большинство отечественной промышленной продукции зависели только от импорта. Россию сегодня можно определить как развивающуюся страну, которая нацелена на реиндустриализацию.

Монголия является слаборазвитой страной сельского хозяйства и скотоводства с недостаточным промышленным развитием. Кроме двух основных отраслей сельского хозяйства и скотоводства, существует лишь

небольшое количество добывающей промышленности, строительства и транспорта. Монголия не имеет преимуществ ни в традиционных отраслях производства, ни в новых.

4. Различия экономических объемов трех стран

Согласно статистике Всемирного банка, мировой ВВП в 2017 году составил 80 683,8 млрд долларов, а на долю 15 крупнейших экономических организаций приходилось 75,0 % мирового объема. По экономическим объемам рейтинг стран выглядит следующим образом: США, КНР, Япония, Германия, Великобритания, Индия, Франция, Бразилия, Италия, Канада, Россия, Южная Корея, Австралия, Испания, Мексика. ВВП Китая составляет 12 237,7 млрд долларов, что составляет 15,2 % от общемирового показателя, уступая только США, занимая второе место в мире; ВВП России составляет

1 577,5 млрд долларов, что составляет 1,96 % от общего объема в мире, занимая одиннадцатое место в мире. Согласно статистике ГУС Монголии, ВВП Монголии в 2017 году составил 27,2 трлн тугриков, что эквивалентно примерно 11,149 млрд долларов [2]. Можно видеть, что в то же время экономический объем Китая был в 7,76 раза больше, чем в России и в 1098 раз – чем в Монголии. ВВП Монголии даже гораздо меньше, чем ВВП Тибетского автономного района, который является самым маленьким экономическим объектом среди 31 провинции и автономных районов КНР (пересчитанный по среднегодовому обменному курсу доллара, в 2017 году ВВП Тибетского автономного района составляет примерно 19,4 млрд долларов).

Таблица 2.

Рейтинг валового внутреннего продукта (ВВП) крупнейших экономических организаций в мире в 2017 году [1, с. 938]

Очередь	Экономическая организация	ВВП (млрд долларов)	Коэффициент (%)
	Мир	80 683,8	100
1	США	19 390,6	24,03
2	КНР	12 237,7	15,17
3	Япония	4 872,1	6,04
4	Германия	3 677,4	4,56
5	Великобритания	2 622,4	3,25
6	Индия	2 597,5	3,22
7	Франция	2 582,5	3,20
8	Бразилия	2 055,5	2,55
9	Италия	1 934,8	2,40
10	Канада	1 653,0	2,05
11	Россия	1 577,5	1,96
12	Южная Корея	1 530,8	1,90
13	Австрия	1 323,4	1,64
14	Испания	1 311,3	1,63
15	Мексика	1 149,9	1,43

5. Различия масштабов внешней торговли и экономической структуры трех стран

В 2017 году общий объем мировой торговли достиг 35,75 трлн долларов, на долю Китая пришлось 11,5 % от общего объема, на Россию – только 1,7 %, что касается Монголии, то масштаб ее внешней торговли ничтожно мал [1, с. 945].

Китай является достойной крупной торговой страной. Исторический пик внешней торговли Китая пришелся на 2014 год, когда общий объем внешней торговли Китая достиг 430,53 млрд долларов. С тех пор, из-за комплексного влияния различных факторов, объем внешней торговли Китая сократился.

Согласно данным, опубликованным Всемирной торговой организацией в 2018 году, общий объем импорта и экспорта стоимости китайских товаров в 2017 году составил 410,52 млрд долларов. Среди них стоимость экспорта составила 2 236,3 млрд долларов, и стоимость импорта составила 1 841,9 млрд долларов, а профицит (активное сальдо) составил 421,4 млрд долларов США.

Россия также входит в число крупнейших торговых стран мира, но объем ее товарооборота намного меньше, чем у Китая. Исторический пик внешней торговли России пришелся на 2013 год, когда общий объем внешней торговли составил 842, 233 млрд

долларов [4]. В 2017 году российская стоимость импорта и экспорта составила 590,9 млрд долларов, из которых стоимость экспорта составила 353,1 млрд долларов, и стоимость импорта – 237,8 млрд долларов, а профицит торговли – 115,3 млрд долларов.

Объем внешней торговли Монголии, естественно, невелик: в 2017 году общий объем импорта и экспорта товаров составил всего 10,5 млрд долларов. Среди них стоимость экспорта составила 6,2 млрд долларов, и стоимость импорта составила 4,3 млрд долларов, а профицит (положительное сальдо) составил 1,9 млрд долларов [1, с. 353].

Три страны не только имеют огромные различия в масштабах торговли, но также имеют совершенно разные торговые структуры, что определяется различными ресурсами и экономическим развитием трех стран. Китай является основным производителем и продавцом электромеханической продукции. Механические и электрические производства являются крупнейшими в торговой структуре Китая, на которые приходится 53,7 % от общего объема, что составляет почти 60 % экспорта. Россия является крупнейшим страной-экспортером нефти и природного газа, и ее топливно-энергетические продукты поддерживают высокий уровень экспорта в 60-70 %. Монголия экспортирует в основном уголь, медное сырье, железняк, неочищенную нефть, порошки цинкового концентрата, золото и другие минеральные продукты и металлическое сырье. В структуре международного разделения труда Россия и Монголия находятся в верховьях (в начальных звеньях) «цепочки» современного промышленного производства (то есть, функционируют как поставщики сырья или занимаются только первичной обработкой сырья), а Китай – в низовьях (в последних звеньях этой цепочки производства, то есть, работает в более высокотехнологических отраслях или в отраслях с более высокой добавочной стоимостью). Этим обусловлено, что интересы трех стран на международном рынке не совпадают.

6. Три страны имеют разную степень зависимости от двусторонней торговли

Китай является одним из важнейших торговых партнеров России и на протяжении многих лет неизменно занимает первое место среди ее основных торговых партнеров, в то время как положение России среди торговых партнеров Китая снижается. По данным китайской таможни, объем двусторонней тор-

говли между Китаем и Россией в 2017 году составил 84 220,89 млн долларов. Среди них экспорт Китая в Россию составил 42 830,6 млн долларов, а импорт из России – 41 390,29 млн долларов. Китай находится в активном сальдо. Объем двусторонней торговли составил 14 % от общего объема внешней торговли России, в то же время только 2 % от общего объема внешней торговли Китая.

Китай также является крупнейшим торговым партнером Монголии. Статистика китайской таможни показывает, что общий объем торговли между Китаем и Монголией в 2017 году составил 6 402,93 млн долларов. Среди них китайский экспорт в Монголию составил 1 235,61 млн долларов, а импорт – 5 167,31 млн долларов. Объем двусторонней торговли составляет более 60 % от общего объема внешней торговли Монголии [1, с. 353-363].

7. Различны и финансовое положение данных трех стран и их способность к международным платежам

Китай обладает достаточными валютными резервами. В 2017 году его валютные резервы достигли 3 139,949 млрд долларов, а золотовалютные резервы – 59,24 млн унций. Общий объем золотовалютных резервов занимает первое место в мире [1, с. 605]. Достаточные валютные резервы обеспечивают надежную гарантию стабильности курса национальной валюты и международной платежеспособности и закладывают прочную основу для международного финансового положения. После многих лет исследований и практики в Китае был создан комплекс финансовых систем, подходящих для экономического развития Китая: размер средств, качество производства и сопротивление рискам были весьма улучшены. Эффективное функционирование кредитного рынка, страхового рынка и рынка капитала обеспечивает необходимые условия устойчивому развитию национальной экономики. Широкое применение карты Юнион Пэй (UnionPay) в мире в последние годы показывает, что Китай уже расширил свои финансовые возможности во всех уголках мира и создал собственную независимую международную платежную систему.

8. Различие темпов экономического роста и тенденций развития трех стран

В первое десятилетие этого века национальные экономики Китая, Монголии и России достигли устойчивого и быстрого роста и по-

лучили хорошие результаты. Однако после вступления во второе десятилетие траектории развития трех стран начали различаться. Китай продолжает развиваться со скоростью, значительно превышающей средний мировой уровень, и постепенно стал второй по величине экономической державой в мире, уступая только США. Китай постоянно увеличивает свой вклад в глобальное экономическое развитие и эффективно выполняет роль двигателя мировой экономики. В 2017 году национальная экономика Китая выросла на 6,9 % по сравнению с тем же периодом предыдущего года, хотя темпы ее роста ниже средних темпов роста предыдущих лет, но она все еще находится на ведущих местах в мире.

Российская экономика понесла тяжелые потери в 2008-2009 годах, и ее ВВП тогда резко упал. После этого произошло кратковременное восстановление, а после которой снова началась регрессия. После двух последовательных лет спада, в конце концов, российская экономика возобновила свой рост в 2017 году, но темпы роста составляли всего 1,5 %. Монголия также сильно пострадала от мирового финансового кризиса, но ее развитие немного лучше, чем в России: в 2016 году ВВП вырос на 1 % по сравнению с прошлым годом и увеличился до 5,9 % в 2017 году. С позиции тенденций развития, темпы экономического роста Китая все еще сильны, кроме

того, Монголия не обладает достаточной эндогенной силой, и ситуация в России еще хуже, экономическое развитие находится в стадии стагнации. Несколько лет назад Монголия создала проект «Цели развития тысячелетия», а также разработала поэтапный план развития, но эффект реализации не был удовлетворительным. Россия также установила национальную стратегию развития к 2020 году (иначе называемую «план Путина») и определила приоритеты для каждого этапа, но она тоже не была должным образом реализована.

9. Различия доходов на душу населения и мощность потребления в трех странах

Согласно статистическим данным, опубликованным Всемирным банком, мировой ВВП на душу населения в 2017 году составил 10 714 долларов. В том году ВВП на душу населения в Китае, России и Монголии соответственно составил 8 827 долларов, 10 743 долларов и 3 735 долларов. Согласно стандартам, установленным Всемирным банком в 2010 году, Китай, Россия и Монголия все же принадлежат к странам со средним уровнем дохода (от 3 976 до 12 275 долларов), но разрыв между тремя странами очевиден. Среди них Россия как раз достигла среднего уровня, а Китай еще значительно ниже этого уровня, и Монголия еще довольно далека от этого уровня.

Таблица 3.

Сравнение экономических данных между Китаем, Монголией и Россией (2017) [1, с. 935, 938-939]

	Количество населения	ВВП (млрд долларов)	ВВП на душу населения (доллары)	Темпы роста ВВП (%)
Мир		80 683,8	10 714	3,2
Китай	1,38 млрд	11 590,9	8 827	6,9
Россия	140 млн	1 499,3	10 743	1,5
Монголия	3,08 млн	11,1	3 735	5,9

Вышеуказанные различия не только способствуют экономической взаимодополняемости трех стран, но также определяют противоречия между тремя странами в сферах способности сотрудничества, готовности к сотрудничеству, направления сотрудничества, позиции сотрудничества, масштабов сотрудничества и других вопросов, связанных с сотрудничеством. Поэтому при строительстве экономического коридора Китай-Монголия-Россия все стороны должны постоянно консультироваться, разумно анализировать ситуацию, действовать в соответствии с реальной обстановкой, заботиться об интересах всех сторон, макси-

мально сокращать противоречия, избегать конфликтов, прагматически продвигаться и стабильно развиваться. Только таким образом мы сможем добиться взаимной выгоды и совместного процветания. Достижение этой цели в конечном итоге принесет пользу экономическому процветанию народов трех стран и Северо-Восточной Азии.

Кроме вышеназванных факторов, которые могут тормозить строительство экономического коридора Китай-Монголия-Россия, этот великий проект также сталкивается с некоторыми политическими факторами. В целом следует сказать, что в последние

годы Китай, Монголия и Россия поддерживают хорошие государственные отношения, и в двусторонних и многосторонних рамках политические, экономические, военные и культурные отношения трех стран активно развиваются. После установления стратегического партнерства между Китаем и Россией, Китай и Монголия также установили всесторонние стратегическое партнерство и у России, и у Монголии хорошие двусторонние отношения. Однако в политических взаимоотношениях Китая и Монголии существуют определенные проблемы.

После президентских выборов в июле 2017 года антикитайские мысли и ненависть к Китаю в Монголии вновь всколыхнулась: некоторые политики публично нападали на внешнюю политику Китая и инвестиции из Китая в Монголию, что в определенной степени стало острой социальной проблемой. По историческим причинам «страх перед Китаем» широко распространен в Монголии. Многие монгольские люди считают, что сила Китая представляет собой угрозу для Монголии и боятся, что монгольская территория однажды будет реинтегрирована в Китай. Поэтому они тревожатся за сотрудничество с Китаем. Некоторые монгольские ученые публично отмечают, что развитие экономики – это хорошо, однако, если результатом экономического развития является объединение Монголии и Китайского Монгольского автономного района, даже если Монголия реинкорпорируется на территорию Китая, то лучше не развиваться. Из-за этого сформировался такой странный стереотип: Монголия является крупнейшим и самым прямым бенефициаром строительства экономического коридора Китая-Монголия-Россия, но именно этот крупнейший бенефициар в этом проекте не такой активный.

Кроме того, еще есть некоторые важные проблемы, которые предстоит решить: механизм встречи на высшем уровне Китая, Монголии и России был приостановлен в 2017 году после трех лет реализации; частые обмены на высоком уровне между Китаем и Монголией также внезапно прекратились; в то же время Монголия внесла коррективы в свою внешнюю политику. По сравнению с прошлым Монголия подчеркивает важность и актуальность развития отношений с так называемыми «третьими соседями» то есть фактически сосредотачивается на развитии других стран за пределами Китая и России

(в основном с США, Японией и другими западными странами). Шанхайская организация сотрудничества – это многонациональная организация сотрудничества, возглавляемая Китаем и Россией. Монголия является первой страной-наблюдателем ШОС и раньше рассматривалась как первый кандидат для расширения организации. Однако во время официального расширения ШОС в июне 2017 года в качестве официальных членов в организацию были приняты Индия и Пакистан. Но Монголия действовала не как обычно и в конце концов решила отказаться от своего плана вступления в организацию, и намеренно соблюдает дистанцию с Китаем и Россией. Все это может оказать негативное влияние на строительство экономического коридора Китай-Монголия-Россия.

Библиографический список

1. 国家统计局: 《中国统计年鉴2018》, 中国统计出版社2018年9月第1版.
2. 中国驻蒙古国大使馆网站: 《2017年蒙古国民经济运行整体情况》, <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cemn/chn/gdxw/t1537544.html>.
3. 《2017年西藏自治区国民经济和社会发展统计公报》, <http://mini.eastday.com/bdmip/180415114355972.html>.
4. Экспорт и импорт Российской Федерации, Российский статистический ежегодник – 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d04/26-04.htm. – (Дата обращения: 20.04.2019).

Reference List

1. 国家统计局: 《中国统计年鉴2018》, 中国统计出版社2018年9月第1版.
2. 中国驻蒙古国大使馆网站: 《2017年蒙古国民经济运行整体情况》, <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cemn/chn/gdxw/t1537544.html>
3. 《2017年西藏自治区国民经济和社会发展统计公报》, <http://mini.eastday.com/bdmip/180415114355972.html>.
4. Jeksport i import Rossijskoj Federacii, Rossijskij statističeskij ezhegodnik – 2014 g. = Export and import of the Russian Federation, the Russian statistical year-book – 2014. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d04/26-04.htm. – (Data obrashhenija: 20.04.2019).

Пан Дапэн

<https://orcid.org/0000-0002-9437-4227>

Исследования российской политики за последние семьдесят лет

В статье рассматривается история зарождения и развития в Китае особой отрасли науки, изучающей российскую политику как специальную дисциплину, основанную на теории и методологии политологии и являющейся отраслью региональной политологии и страноведения. В данной статье предлагается опыт обобщения исследований российской политики китайскими учеными Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, обосновывается академическая ценность россиеведения и его тесная связь с местом России во внешней стратегии Китая подробно анализируются пять этапов изучения российской политики: этап подготовки, этап основания, этап корректировки и оптимизации, этап комплексного развития и этап инновационных проектов, комментируются основные методы исследования в рамках данной отрасли науки: системный метод и анализ синхронического и диахронического развития России, синтетический метод и комплексный подход на основе междисциплинарных исследований, теоретический метод, основанные на применении определенных теорий для глубокого анализа объекта исследования. освещается опыт проведения в Китае конференций, посвященных онтологии и методологии данной научной отрасли, характеризуются основные направления фундаментальных и прикладных исследований России: изучение структуры государственной власти России и деятельности парламентских партий; изучение формы государственного устройства России, в том числе истории российского федерализма, этнических и религиозных проблем; изучение политической экологии России, включающее в себя изменения в развитии системы политических партий России, развитие избирательной системы России, процесса выборов Государственной Думы и т. д.; изучение российской элиты, ее появления, дифференциации и модернизации; изучение социальных проблем России; изучение традиционной русской культуры и национальных особенностей.

Ключевые слова: «Россиеведение», российская политика, Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китайская Академия общественных наук, методы политологии, междисциплинарные исследования, инновационные проекты.

Pang Dapeng

Research of the Russian policy for the last seventy years

In the article is considered the history of origin and development in China of the special branch of science studying the Russian policy as a special discipline based on the theory and methodology of the political science and which is an industry of the regional political science and regional geography. In this article is offered experience of generalization of researches of the Russian policy by the Chinese scientists of the Institute of researches of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Academy of social sciences of the People's Republic of China, the academic value of Russian studies and its close connection with the place of Russia in the external strategy of China is proved, five stages in studying of the Russian policy are analyzed in detail : a primary stage, a basis stage, a stage of adjustment and optimization, a stage of complex development and a stage of innovative projects, the main methods of the research within this branch of science are commented on: a system method and the analysis of synchronic and diachronic development of Russia, a synthetic method and an integrated approach on the basis of cross-disciplinary researches, a theoretical method based on applications of certain theories for the deep analysis of the research object. Here is presented the experience of carrying out in China the conferences devoted to ontology and methodology of this scientific industry, the main directions of basic and applied researches of Russia are characterized: studying of the government structure in Russia and activity of parliamentary parties; studying of the government form in Russia, including history of the Russian federalism, ethnic and religious problems; studying of political ecology in Russia including changes in development of the system of political parties in Russia, development of the electoral system in Russia, a process of elections of the State Duma, etc.; studying of the Russian elite, its emergence, differentiation and modernization; studying of social problems in Russia; studying of traditional Russian culture and national peculiarities.

Key words: «Russian studies», Russian policy, the Institute of researches of Russia, Eastern Europe and Central Asia, the Chinese Academy of Social Sciences, political science methods, cross-disciplinary researches, innovation projects.

В этом году исполняется 70 лет с основания Нового Китая и 70 лет с установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. Китайские современные исследования о России также имеют семидесятилетнюю историю. Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР является одним из ведущих и крупнейших институтов страны, занимающихся изучением России. Работа затрагивает вопросы в экономической, политической и социальной и других сферах. Академия Общественных Наук КНР реализовала свои исследования российской политики в рамках научного направления «Российская политика», подведомственного Бюро исследования российской политики, общества и культуры. Бюро является единственной в стране самостоятельной исследовательской организацией, специализирующейся на политических проблемах России. Исследование российской политики относится к международной категории. Это особая отрасль науки, основанная на теории и методологии политологии, она изучает внутреннюю политику объекта исследования – России. Она является отраслью региональной политологии и страноведения «Россиеведение» и практическим приложением политологии к конкретному объекту – российской политике. В данной статье мы предлагаем опыт обобщения исследований российской политики китайскими учеными в последние семьдесят лет, центром которого является развитие научного направления «Российская политика» Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР.

1. Академическая ценность исследований российских проблем

С момента основания первой русской школы в Китае в 1708 году, то есть приказа императора Канси создать русскую библиотеку, российские исследования в Китае существуют уже более 300 лет. Со времени образования Нового Китая в 1949 году российские исследования совершили качественный скачок. В 1950-х годах китайско-советская дружба и тенденция «учиться у Советского Союза» привели к буму популяризации русского языка от простого обучения русскому языку до изучения советской политико-экономической дипломатии. За последние 70 лет международная ситуация непрерывно изменялась, отношения между Китаем и Россией пережили два ос-

новных исторических этапа: китайско-советские и китайско-российские отношения. В 1989 году советско-китайские отношения нормализовались. После распада Советского Союза в 1991 году, в сложной международной и внутренней ситуации, обе страны преодолели множество трудностей, чтобы Российско-китайские отношения неуклонно развивались в намеченном направлении. В 1992 году Китай и Россия объявили, что обе стороны «рассматривают друг друга как дружественные страны». В 1994 году отношения между двумя странами перешли к «конструктивному партнерству». В 1996 году они объявили об установлении равноправных и доверительных отношений партнерства и стратегического взаимодействия, обращенного в XXI век. Китайско-российские отношения непрерывно «поднимались по трем ступеням» в течение пяти лет. В 2001 году Китай и Россия подписали «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией». Договор отвечал желанием двух народов шагнуть в ногу с эпохой взаимовыгодного сотрудничества и ознаменовал начало установления нового типа государственных отношений. Фундаментом договора является взаимное уважение и доверие [1]. В 2011 году Китай и Россия создали всесторонние отношения партнерства и стратегического взаимодействия с установкой на равноправие, взаимное доверие, взаимную поддержку и взаимное процветание. В 2014 году отношения вступили в новую фазу. В 2017 году две стороны предложили установить Евроазиатское экономическое партнерство. Практика подтвердила, что установление и развитие отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией не только приносит подлинную пользу двум народам, но и способствует развитию обеих держав. В новых исторических условиях обе стороны будут глубже развивать и укреплять всесторонние отношения партнерства и стратегического взаимодействия с равным доверием, взаимной поддержкой, взаимным процветанием, углублять политическое взаимодействие, сотрудничество в области безопасности, гуманитарного обмена и международных отношений.

В академическом сообществе Китая «Россиеведение» как самостоятельная отрасль науки начала разрабатываться в начале XXI века. С тех пор многие ведущие университе-

ты в Китае создали свои исследовательские центры по вопросам изучения России. Несмотря на наличие разногласий в определении объекта исследования и теоретических принципов данной отрасли науки, как самостоятельное научное направление, «Россиеведение» уже получило признание большинства китайских коллег, осуществляющих исследования в этой области. В Институте исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР исследования по «Россиеведению» сосредоточены на истории, политике, экономике, дипломатии, обществе, безопасности, культуре России и т. д.

Нет сомнений, академическая ценность «Россиеведения» тесно связана с местом России во внешней стратегии Китая. После распада Советского Союза в конце 1991 года китайско-советские отношения превратились в китайско-российские. За последние 28 лет отношения между двумя странами быстро развиваются. Самая важная геополитическая реальность – то, что Китай и Россия являются крупнейшими соседями друг друга, и это определяет, что обе стороны должны помогать друг другу на стратегическом уровне. Сейчас обе стороны считают, что нынешние китайско-российские отношения являются «лучшим периодом в истории» и можно его назвать «моделью новых отношений держав». Поэтому развитие отношений с Россией является ключевой задачей китайской международной стратегии в ближайшие десятилетия. Для этого нам нужно правильно узнавать и понимать Россию. Подобно тому, как Октябрьская революция повлияла на развитие мировой истории целого XX века, а распад Советского Союза повлиял на всемирную геополитическую обстановку, нынешний процесс возрождения России влияет на весь мир. Кроме того, мы должны понимать, что Россия – уникальная страна с яркими особенностями в своей истории, культуре и национальном характере. Нельзя изучать актуальные проблемы России изолированно, будь то политические, экономические или дипломатические аспекты, необходимо комплексное изучение российских проблем.

Не существует единого мнения об объеме и содержании понятия «Россиеведение», существует и определенная терминологическая вариативность («россиеведение», «русистика» и так далее). Сегодня китайские ученые, изучающие россиеведение, определяют суще-

ность данного понятия следующим образом: «Россиеведение» – это комплексное изучение России и русской нации, общая система знаний и методы исследования, связанные с Россией. Сфера исследований охватывает язык, литературу, искусство, историю, политику, экономику, общество, культуру, дипломатию, стратегию, безопасность, национальность, религию и т. д. Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР является одним из первых научных центров, изучающих «Россиеведение» в Китае. В начале этого века, как самостоятельная отрасль науки, «Россиеведение» была предложена академическим сообществом страны в рамках деятельности ученого общества России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР и Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии. В Китае уже состоялось множество всекитайских академических семинаров «Россиеведение Китая».

По прошествии десяти лет результаты исследований российской политики как важной ветви «Россиеведения» были признаны и высоко оценены большинством китайских коллег. Начиная с специального изучения российских политических тем, пережив распад Советского Союза и кризис 1989 года, несколько поколений исследователей опубликовали целый ряд важных научных работ и монографий, которые имеют широкое распространение в Китае. После 1990-х годов произошел ряд таких важных событий, как вспышка «цветной революции» и беспорядки в СНГ. В настоящее время «Российская политика» имеет более широкую исследовательскую базу, более глубокое теоретическое обоснование и широкие перспективы.

2. Развитие научной отрасли: процесс и специфика

«Российская политика» – новое направление в науке. В начале 1990-х годов Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР начал исследовать российскую политику. Через почти двадцать лет развития, у этой отрасли науки постепенно сформировались свои академические характеристики. В 2002 году в рамках «Проекта создания ключевых научных дисциплин», осуществляемого Академией Общественных Наук КНР, «Российская политика» стала одной из приоритетных отраслей

науки, которая становится более систематической и теоретически обоснованной, система исследований более развернутой, методы исследования более совершенными.

Изучение российской политики прошло пять этапов развития: этап подготовки, этап основания, этап корректировки и оптимизации, этап комплексного развития и этап инновационных проектов.

1. Подготовительный этап (1965-1980)

Институт Советского Союза и Восточной Европы представляет собой одну из новых организаций, образованных ЦК в 1960-х годах для исследования международных проблем, кроме того, это самая первая организация, занимающаяся изучением вопросов Советской и Восточно-европейских стран. В начале 1960-х годов международная обстановка переживала нестабильную ситуацию, в которой перед Китаем стояли три основные задачи: противодействие империализму и ревизионизму, поддержка азиатско-африкано-латиноамериканского национально-освободительного движения и создание единого антиимпериалистического фронта. Новая обстановка выдвинула новую задачу для китайских исследователей в области философии и общественных наук. На четвертом расширенном заседании комитета Министерства философии и социальных наук Академии наук КНР заместитель министра Чжоу Ян выступил с речью о задачах, стоящих перед китайскими исследователями в области философии и социальных наук в новой ситуации. Он отметил, что надо обратить внимание не только на изучение китайских актуальных проблем, но и изучение сегодняшнего положения стран мира, всесторонний и тщательный анализ новых проблем и опыта международной борьбы, опыта в международном коммунистическом движении, а также положительного и отрицательного опыта социалистических стран.

Для выполнения вышеприведенных задач в соответствии с указаниями ЦК был создан ряд исследовательских институтов международных проблем, в том числе Институт Советского Союза и Восточной Европы. Он в основном занимался изучением Советского Союза, а также некоторых социалистических стран таких как Болгария, Венгрия, Румыния, Польша, Чехословакия, Восточная Германия, Албания и Югославия. Приоритет-

ным направлением деятельности Института стали политические проблемы, в том числе внутренняя борьба руководства КПСС, изменение личного состава, теоретические аспекты и политический курс.

Исследования этого периода заложили прочную основу для изучения политических вопросов в будущем: созданный ЦК в 1960-х годах Институт взял на себя историческую миссию по основанию и разработке новых научных направлений.

2. Этап основания новой научной отрасли (1981-1991)

Работа института претерпела большие изменения после того, как он был передан Академии Общественных Наук КНР в 1981 году и перед ним были поставлены задачи фундаментального, систематического и теоретического исследования. Институт начал всестороннее изучение основных реалий и внешних связей Советского Союза со времени его образования, особенно с 50-х по 80-е годы прошлого века. Институт впервые развернул исследования о регулировании отношения Китая к Советскому Союзу и всей внешней политике Китая, внес свой вклад в положительное регулирование внешней деятельности Китая в новой эпохе.

После того как институт был передан АОН КНР в 1981 году, его деятельность претерпела большие изменения: во-первых, от простого анализа политической к специальному академическому исследованию объекта как одной самостоятельной отрасли науки; во-вторых, установление курса двух «ориентирований»: ориентация на Центральный Комитет и общественные потребности.

С вышеуказанными изменениями работа в политической области вступила в новую фазу развития. В этот период были основаны новые научные отрасли – советская политика, экономика, международные отношения и созданы соответствующие отделения, изучающие данные научные направления, а также была разработана отрасль науки, изучающая проблемы Восточной Европы и соответствующие отделы по региональному принципу. В этот период сформировалась и исследовательская структура этой отрасли науки – Центр страноведения.

Научное направление «Российская политика» ставит своей целью углубленное, комплексное и всестороннее исследование в четырех областях: социалистическая теория, ре-

форма политико-экономической системы, стратегии социально-экономического развития и построение духовной цивилизации стран Советского Союза и Восточной Европы. Это способствует пониманию основных реалий Советского Союза со времени его образования, особенно с 50-х по 80-е годы прошлого века. На основе исследований, осуществленных в рамках данного направления, институт впервые приступил к разработке проблемы регулирования отношения Китая к Советскому Союзу и всей внешней политике Китая, внес свой вклад в позитивное регулирование внешней деятельности Китая в новую эпоху.

В течение данного периода были выполнены научные исследования на следующие темы: «Несколько проблем советской политической системы в эпоху И. В. Сталина», «Проблемы демократии и законности Советского Союза в эпоху Л. И. Брежнева», «Внутриполитическая ситуация Советского Союза в эпоху Ю. В. Андропова», «Теория и практика советской политической системы» и т. д. Отдел советской теории изучал социалистическую теорию и политико-экономическую модель Советского Союза, тематика исследований включает в себя и другие аспекты: «Обобщенное изложение теории развитого социализма Советского Союза», «Теория и практика В. И. Ленина против государственной бюрократизации», «Теория построения социалистической цивилизации Советского Союза», «Обзор советской социалистической теории», «Строительство советской цивилизации» и т. д. Многие вышеприведенные исследования являются фундаментальными и новаторскими. Цели данного этапа основания научной отрасли успешно выполнены: опубликованные в трудных условиях работы того времени оказали огромное влияние на развитие научных направлений, связанных с изучением Советского Союза и Восточной Европы.

3. Этап корректировки и оптимизации (1992-2002)

В 1991 году распался СССР. Все пятнадцать союзных республик стали независимыми странами. За исключением пяти стран Центральной Азии, десять стран, включая Россию и Украину, находятся в восточной части Европы. Географическая концепция «Восточная Европа» обозначает именно эти десять стран. Тогда Министерство иностран-

ных дел Китая, агентство Синьхуа и другие организации использовали понятие «Восточная Европа» для обозначения стран восточно-европейской части бывшего Советского Союза. Поэтому с января 1992 года институт был переименован в «Институт исследований Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР». Однако такое название не отражало важнейший объект исследования – Россию. В октябре 2002 года институт был переименован в «Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР». Это название используется до сих пор. Кроме того, в 2002 году была введена система управления ключевыми отраслями науки. Поэтому мы считаем, что период с 1992 по 2002 гг. можно рассматривать как третий этап развития рассматриваемой нами научной отрасли. Главной особенностью этого этапа является определение ее четких границ и детальная разработка принципов исследования.

Изменения в политической ситуации привели к изменению подходов к осмыслению проблем российской политики. Раньше объектом исследования являлись уроки, извлеченные из социалистического строительства стран Советского Союза и Восточной Европы и вопросы развития дружеских отношений с ними. Перемены поставили перед институтом совсем новую задачу, предъявили более строгие требования к политическим отраслям науки. После распада СССР общество России, Восточной Европы и Центральной Азии превратилось из традиционного социализма в так называемое «современное цивилизованное» общество. Это небывалый переход в истории, собственный выбор русского народа. Несомненно, независимо от того, будет ли он гладким или извилистым, успешным или неудачным, этот переход будет занимать важное место в истории социальной деятельности человека. С точки зрения социальных наук, этот переход, несомненно, предоставил новый богатейший материал для развития политологии, особенно формирования и развития «переходной» политологии. С точки зрения безопасности и модернизации Китая, изучение российской политики крайне актуально, поскольку этот регион непосредственно граничит с нами и имеет для нас чрезвычайно важный геополитический и геоэкономический интерес. Поэтому в работе над политическими дисциплинами было произведено значительное изменение. В 1992 году все политические отрасли

науки и закрепленные за их изучением отделения подверглись реструктуризации: отменили бывшую дисциплину, изучающую политику Советского Союза и Восточной Европы и «вспомогательные дисциплины», ввели дисциплину, изучающую политику Восточной Европы и Центральной Азии, новые вспомогательные дисциплины и соответствующие им отделения. Кроме того, была введена научная дисциплина, изучающая проблемы России, и соответствующее отделение. Изучение политических проблем было включено в рамки страноведческих исследований.

До распада СССР институты и ученые, занимающиеся вопросами Советского Союза, акцентировали внимание на политических исследованиях Советского Союза как целого. Хотя были и исследования о России – одной из союзных республик Советского Союза, но все-таки политические исследования России относились к категории исследований советской политики. Больше внимания придавалось изучению политической обстановки и борьбы ЦК КПСС с 1985 по 1991 годы. Поэтому очевидно, что исследования России как важной составной части Советского Союза были явно недостаточны. Это объясняется в основном тем, что центром исследования являлись деятельность Б. Н. Ельцина и других демократов, а политика самой России была изучена недостаточно.

С 1992 по 2002 года после распада СССР Россия стала новым объектом исследования и вызвала большой интерес китайских ученых. Научная дисциплина «Русская политика» была создана и быстро развивалась. После провозглашения независимости России в стране сложилась непростая ситуация, поэтому основной задачей данной отрасли науки стал анализ российской политической ситуации, прогнозирование направлений ее развития и изучение самых актуальных вопросов: трансформация политической системы России, становления системы государственной власти, борьбы партий, прогнозирования тенденций дальнейшего развития и др. Поскольку Россия претерпевала тогда резкие изменения, российская политика как объект исследования специальной научной отрасли находилась в процессе постоянного развития и постепенного формирования.

После почти десятилетнего развития страны, до и после отставки президента Б. Н. Ельцина, область исследований становилась более широкой и глубокой. Вначале работа была со-

средоточена на проблемах политической сферы, а затем на таких областях, как, например, федерализм, местные проблемы, демократия, правовое строительство, партийная система, социальная структура, социальные идеи, социальная культура и др. Анализ конкретной ситуации был заменен теоретическим обсуждением внутренних закономерностей развития России, на основе чего делали теоретический вывод о переходном периоде и дальнейшем пути развития России. В 2002 году в связи с переименованием и созданием системы управления ключевыми научными отраслями, дисциплина «Российские политика, общество и культура» наконец-то вступила в стадию комплексного развития.

4. Этап комплексного развития (2002-2013)

В 2002 году, учитывая фактические потребности структуры данной научной отрасли и в соответствии со стандартами, Институт разделил научные дисциплины и отделы, изучающие Россию на три отрасли (Российская политика, Российская экономика, Российская дипломатия) и создал соответствующие научно-исследовательские отделения (Российское политическое, Российское Экономическое, Российское дипломатическое). Выпущенный в 2006 году план научных исследований «11-я пятилетка» выработал курс укрепления традиционных научных дисциплин института и потребовал, чтобы Российское политическое отделение усилило изучение проблем российского общества и культуры. Поэтому отдел был официально переименован в «Отдел российской политики, общества и культуры».

С 2002 года, когда АОН КНР приступила к осуществлению проекта «Разработка ключевых научных отраслей», дисциплина «Российские политика, общество и культура» была отнесена к ключевым научным дисциплинам института. Сотрудники отделения опубликовали большое количество научных статей, отчетов и более двадцати монографий, таких как «Русские десятилетие: политика, экономика, дипломатия», «Современная российская элита и социальный переход», «Путь к возрождению – шансы и вызовы, стоящие перед развитием России», «Изучение «боли России» – «чеченская проблема», «От Б. Н. Ельцина к В. В. Путину: российское конституционное правление», «Д. А. Медведев и В. В. Путин – объединение верховной власти», «Восемь лет Влади-

мира Путина – путь к возрождению России (политический аспект)», «Концепция и система: российское национальное управление после распада СССР» и др.

В целом с 2002 года научные отрасли «Российская политика», «Российская экономика» и «Российская дипломатия» последовательно вошли в проект «Разработка ключевых научных дисциплин» АОН КНР. Значительный прогресс был достигнут в специализации содержания, научности методов и системности исследовательских подходов. В Китае появилось значительное количество научных исследований влиятельных академических работ, авторы которых утверждали свой академический статус за рубежом и составили одну энергичную научно-исследовательскую команду.

5. Этап инновационных проектов (с 2013 года)

В 2013 году развитие данной отрасли науки вступило в новую фазу – период «инновационных проектов». Центром разработки проектов стал Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии, который сосредоточил свое внимание на исследованиях российских проблем, связанных с политологией, социологией, историей, экономикой, философией и другими дисциплинами. Новым исследованиям присущ междисциплинарный, межрегиональный и синтетический характер, они охватывают огромное историческое время и пространство. Можно сказать, что за счет неустанных усилий нескольких поколений ученых АОН КНР добились замечательных успехов в изучении российских проблем. В состав данной научной дисциплины входят Российская политика, Российская экономика, Российская дипломатия и Евразийские стратегии. В 2017 году в рамках Инновационного проекта АОН КНР предложила стратегию «ПИК», в рамках которой Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии научная дисциплина «Россиеведение» была заявлена как одна из приоритетных. Сегодня «Россиеведение» быстро развивается и превратилось в комплексную отрасль науки, имеющую разветвленную структуру, систему вспомогательных дисциплин, команду известных ученых и экспертов, разрабатывающих данные проблемы как в стране, так и за рубежом.

В качестве основного аспекта «Россиеведения» избрано направление «Русская поли-

тика», в рамках которого проводятся фундаментальные и прикладные исследования. Изучение российской политики учеными КАОН достигло значительного прогресса в аспекте специализации содержания, научности методов и системности исследовательских методов. Институт придает большое значение объективности, теоретичности и комплексности исследования российской политики, общества и культуры и всесторонне изучает эти вопросы. Как произошел переход России от традиционного к современному обществу? Ответы на этот вопрос связаны с исследованием важнейших изменений, произошедших в истории человечества. Можно сказать, что само развитие российской ситуации требует от научной дисциплины «Российская политика, общество и культура» комплексного изучения с историческим и стратегическим мышлением. Проблемы российской политики неоднократно обсуждались в монографиях китайских ученых, анализирующих такие понятия, как политический процесс, политическое течение, политическая культура, политические конфликты, группы интересов, социальное расслоение и т. д. Существует много дискуссий о системе политических партий, федерализме, парламентаризме и судостроительстве. Эти исследования затрагивают сферы политической социологии, институциональной экономики и международной политэкономии и др. [2-21]. Многие статьи опубликованы в ведущих научных журналах. Статьи опубликованы в следующих журналах: «Russian, Central Asian & East European Studies», «Российский академический журнал», «Изучение России», «Экономика России, Восточной Европы и Центральной Азии», «Contemporary International Relations», «International Studies», «Chinese Journal of European Studies», «World Economics and Politics», «Contemporary World and Socialism», «Issues of Contemporary World Socialism» и т. д. Переводы на Русском языке опубликованы на «Foreign Theoretical Trends». Кроме того, в Китае работает исследовательская группа по Россиеведению, включающая в себя представителей разных поколений, экспертов, известных как в стране, так и за рубежом.

3. Российская политика: содержание и метод

Изучение российской политики, прежде всего, неразрывно связано с историей «Русистики» и историей разработки данной отрасли соответствующими журналами, институтами, авторитетными учеными и т. д. В ноябре 2014 г. Отдел российской политики Института исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии провел первую конференцию, посвященную онтологии и методологии данной научной отрасли, имеющую широкий резонанс в научных кругах, что явилось важным шагом в развитии данного научного направления.

Фундаментальные и прикладные исследования России проводятся в трех основных областях.

Во-первых, изучение истории развития и распада Советского Союза и революции 1989 года. Эти вопросы связаны не только с тем, может ли эта полиэтническая страна обеспечить единство своего государства, территориальную целостность и долгосрочную стабильность, но и с основными теоретическими вопросами о том, как поддерживать и развивать модернизацию возможностей государственного управления. Во-вторых, изучение институционального преобразования и внешних связей России. Хотя между Россией и Китаем существует разница в принципах и целях реформ, но раньше Китай и Россия имели одинаковую идеологию и социальную систему, поэтому опыт и уроки распада Советского Союза имеют практическое значение для социалистической реформы и развития Китая. Это связано с тем, как бывшие социалистические страны осуществляют модернизацию, демократизацию, принципы интеграции в современный мир и другие важные имеющие универсальное значение вопросы. Таким образом, изучение процесса реформ и развития России является важной исторической задачей, стоящей перед китайскими социологами. В-третьих, изучение страноведения России и отношений между Китаем и Россией, развитие всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Россией, «Евразийского экономического партнерства», укрепление стратегического сотрудничества двух стран в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества, осуществление сотрудничества между «Экономическим поясом Шелкового пути» и «Евразийским экономическим союзом».

Таким образом, фундаментальное изучение российской политики включает в себя, во-первых, изучение структуры государственной

власти России, отношений между законодательной и исполнительной властями, структуры и формирования ведомств правительства, а также внутреннего состава парламента и деятельности парламентских партий; во-вторых, изучение формы государственного устройства России, в том числе истории российского федерализма, этнических и религиозных проблем; в-третьих, изучение политической экологии России, включающее в себя изменения в развитии системы политических партий России, развитие избирательной системы России, процесса выборов Государственной Думы и т. д.; в-четвертых, изучение российской элиты, ее появление, дифференциацию и модернизацию; в-пятых, изучение социальных проблем России; в-шестых, изучение традиционной русской культуры и национальных особенностей.

Ключевые аспекты изучения российской политики затрагивают следующие направления: во-первых, особенности российской политической системы и выбор пути ее развития, во-вторых, экономические факторы в политическом развитии: взаимосвязь между монополярной экономической структурой и политической тоталитарностью, в-третьих, факторы международных отношений в политическом развитии: влияние международных политических взглядов российской элиты и отношений России с внешним миром, в-четвертых, социальные факторы в политическом развитии: взаимосвязь природы общества и государства и политической стабильности, в-пятых, культурные факторы в политическом развитии: отношения между национальным характером и политическим управлением, в-шестых, исторические факторы в политическом развитии: стремление догнать Запад, осуществить модернизацию и сделать Россию одной из передовых наций в мире.

Существуют *три основных метода* исследования российской политики. Во-первых, *системный метод*. Большое внимание уделяется системности исторических данных, анализу синхронического и диахронического развития России. Во-вторых, *синтетический метод*. Переходные периоды и развитие России представляют собой сложный системный проект, касающийся политики, экономики, общества, истории, культуры, международных отношений и др. Это требует комплексного подхода на основе междисциплинарных исследований. В-третьих, *теоретический метод*. Изучение российской политики, общества и культуры требует применения определенных теорий для глубокого анализа объекта исследования. Со-

временная политология может оценить российские проблемы в рамках сравнительного исследования, в процессе которого выяснится, какие вопросы являются общими, а какие специфическими по отношению к стране-объекту исследования. Конечно, недостаточно использовать только готовые теории, необходима разработка новых теоретических взглядов и подходов.

В последнее время в исследованиях российской политики появляются новаторские методы, например, методы этнологии. Россия представляет собой многоэтническую страну с диверсифицированными культурными и религиозными субъектами, и антропология, объектом исследования которой является «культура», ориентируется на принцип культурного многообразия, имеет уникальные методы исследования – полевые исследования, антропологи не только знакомы с материальной и институциональной культурой чужих стран, но и более глубоко понимают ценности и мировоззрение объекта исследования. Полевой этнографический метод антропологии можно рассматривать как новый метод в развитии страноведения и изучении международных проблем. Заметим, что в страноведении Западной Европы и Северной Америки именно антропологи сыграли важную роль. Антропология обращает внимание на специфику чужой культуры для того, чтобы решить культурные проблемы своей страны, и в этом смысле Россия является самой поучительной «чужой» страной для Китая, интересным объектом для китайских антропологов, что обеспечивает перспективность антропологических исследований России.

В перспективе научная дисциплина «Российская политика» будет уделять особое внимание региональному развитию, способствовать развитию проекта «Один пояс, один путь» и «Евразийского экономического партнерства», а также вносить свой вклад в дипломатические решения страны. Кроме того, отрасль науки «Российская политика» будет акцентировать внимание на роли России в мировой политике, углубленном изучении взаимосвязи внутренней и внешней политики, а также проведению комплексных научных исследований в ключевых областях политики, экономики и дипломатии.

Reference List

1. 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于进一步深化全面战略协作伙伴关系的联合声明
http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/t1475443.shtml.
2. 潘德礼、许志新：《俄罗斯十年》，世界知识出版社，2003.
3. 许志新：《重新崛起之路：俄罗斯发展的机遇与挑战》，世界知识出版社，2005.
4. 邢广程、潘德礼、李雅君：《俄罗斯议会》，华夏出版社，2002.
5. 张树华：《过渡时期的俄罗斯社会》，新华出版社，2001.
6. 张树华、刘显忠：《当代俄罗斯政治思潮》，新华出版社，2003.
7. 冯绍雷、相兰欣主编：《俄罗斯转型时代丛书》，上海人民出版社，2005.
8. 李景阳：《基本经济制度转变中的社会冲突：对俄罗斯的实证分析》，东方出版社，2002.
9. 白晓红：《俄国斯拉夫主义》，商务印书馆，2006.
10. 庞大鹏：《从叶利钦到普京：俄罗斯宪政之路》，长春出版社，2005.
11. 庞大鹏：《普京八年：俄罗斯复兴之路（2000-2008）》，经济管理出版社，2008.
12. 庞大鹏：《观念与制度：苏联解体后的俄罗斯国家治理（1991-2010）》，中国社会科学出版社，2010.
13. 庞大鹏：《普京新时期的俄罗斯：政治稳定与国家治理（2011-2015）》，社会科学文献出版社，2017.
14. 米哈伊尔·杰里亚金：《后普京时代—俄罗斯能避免橙绿色革命吗？》，金禹辰，项红译，社会科学文献出版社，2006.
15. 列昂尼德·姆列钦：《权力的公式：从叶利钦到普京》，徐葵等译，新华出版社、中国财政经济出版社，2001.
16. 卡瑟琳·丹克斯：《转型中的俄罗斯政治与社会》，欧阳景根译，华夏出版社，2003.
17. 普京：《普京文集：文章和讲话文集》，中国社会科学出版社，2002.
18. 格·萨塔罗夫：《叶利钦时代》，高增训等译，东方出版社，2002.
19. 罗伊·麦德维杰夫：《普京时代》，王桂香等译，世界知识出版社，2001.
20. 德·谢·利哈乔夫：《俄罗斯思考》，杨晖、王大伟等译，军事谊文出版社，2002.
21. 安德兰尼克·米格拉尼扬：《俄罗斯现代化之路：为何如此曲折》，徐葵、张达楠等译，新华出版社，2002.

Се Чжоу
<https://orcid.org/0000-0001-8753-7182>

С. А. Колода
<https://orcid.org/0000-0001-8482-1524>

**К вопросу об использовании термина «русскоязычные (русскоговорящие) страны»
в гуманитарных исследованиях**

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

В статье поднимается вопрос об использовании термина «русскоязычные» страны и особенностях его трактовки в гуманитарных исследованиях в Китае. Авторы дают анализ данного понятия, исходя из интерпретации похожих терминов «франкофония», «испаноязычные», «англоязычные» страны как понятий, устоявших в научном мире. Описаны разные точки зрения на данный термин, сложившиеся в научных кругах Китайской академии общественных наук и других научных центрах КНР. Авторами также дано описание исследовательской базы для проведения гуманитарных научных исследований при применении термина «русскоязычные/русскоговорящие страны».

Ключевые слова: русскоязычные страны, русофоны, русский язык, статус русского языка, государственный язык, официальный язык, язык национального меньшинства, франкофония, геополитика, КНР.

AREAS STUDIES

Xie Zhou, S. A. Koloda

On the use of the term «Russian-speaking countries» in the humanitarian studies

The article raises the question of the use of the term «Russian-speaking» countries and the peculiarities of its interpretation in humanitarian studies in China. The authors analyze this concept based on the interpretation of similar terms «Francophonie», «Spanish-speaking», «English-speaking» countries as concepts that have stood up in the scientific world. Different points of view on this term formed in scientific circles of the Chinese Academy of Social Sciences and other scientific centers of the PRC are described. The authors also give a description of the research base for humanitarian research in the application of the term «Russian-language/Russian-speaking countries».

Key words: Russian-speaking countries, Russophones, Russian language, the status of the Russian language, the state language, the official language, the language of the national minority, Francophonie, geopolitics, China.

Расширение экономических и политических связей КНР приводит к расширению спектра научных исследований. Если раньше в области гуманитарных исследований их направление было очерчено странами и регионами (например, Центр исследования СССР, Центр исследования стран Центральной и Восточной Ев-

ропы и т. д.), то в настоящее время, из-за изменений геополитических центров, значительных миграционных процессов в мире, усиление тенденции глобализации, можно говорить о распространении тенденции «размытости» этносоциальных и языковых ареалов государств и народов. Появляется большое количество

новых направлений в гуманитарных исследованиях, а вместе с этим – необходимость введения в научную терминологию новых терминов, концепций и научных теорий.

В этой связи мы бы хотели обратиться к определению термина «русскоговорящие страны».

В практике зарубежных гуманитарных исследований длительное время существуют подобные термины, для определения направления исследований в области социологии, политологии, истории, лингвистики тех стран, которые имели территориальную, историческую и экономическую связь с разными регионами мира, но были объединены языковой и культурной связью. Ярким примером таких исследований являются научные и практические разработки понятия «франкофония» (*Francophonie*), а также межгосударственная, образовательная, культурная деятельность в этой сфере. Впервые термин «франкофония» был употреблен в 1871 году в среде географов, считается, что этот термин ввел французский ученый О. Реклю (*Onsime Reclus*). Появившись в качестве идеи и понятия в конце XIX в., в 60-е годы XX в. она превратилась в широкое международное движение, а в 1970 г. (20 марта) стала международной организацией [8].

Франкофония выступает не только как некая международная организация, но и как социолингвистическая номинация. В первом своем качестве, где главным критерием выступает язык, франкофония возникла в результате колониальной экспансии Франции, вследствие чего французский язык и культура распространились практически по всей планете. Объективно она уже в XIX в. представляла собой широкое лингвистическое пространство, выступала как геолингвистика [2].

Второе качество франкофонии проявляется в объединяющей роли французского языка, составляющего сам фундамент франкофонии, в силу которого она существует как единое лингвистическое пространство. Современная франкофония представляет собой исключительно сложное, многомерное, многообразное и неповторимое явление. Прежде всего, она предстает в трех основных своих ипостасях или качествах: как совокупность всех народов и людей в мире, говорящих на французском языке; как международная организация, включающая 51 государство, рас-

положенных на всех континентах; как франкофонное пространство, наполненное множеством самых разных событий, процессов и акций, принимающих форму двустороннего и многостороннего сотрудничества, охватывающих язык, культуру, экономику, политику, спорт, туризм и т. д.

Само понятия «руссофоны» стало фактически калькой с подобных терминов «франкофоны» (лат. *francus* »франкский, французский») в широком смысле – франкоязычное население планеты, то есть, население таких стран как Франция, Бельгия, Швейцария, Конго и многих других, входящих в так называемую Франкофонию; «англофоны» (*Anglophone*) например, *Quebec's Anglophones* – жители Квебека, говорящие на английском языке, англоязычное население Квебека (Квебек – франкоязычная провинция Канады); «испанидад» (*Hispanidad*, сообщество испаноязычных стран) – многонациональное сообщество народов и государств, в которых значительную роль играет испанский язык и сформированная на его основе культура).

Все эти термины объединяет одна черта – речь идет о многонациональных сообществах и разных государствах, объединенных культурной общностью через единый язык.

Таким образом, под понятием **русскоязычные (русскоговорящие)** мы предлагаем рассматривать людей, использующих русский язык в качестве родного или говорящих на нем по своему собственному выбору, но при этом не обязательно принадлежащие к русскому этносу. Именно сам факт того, что самостоятельный выбор языка определяется не по этнической, по культурной принадлежности, позволяет нам утверждать, что ареал распространения русскоязычных стран гораздо больший, чем границы стран, входивших в состав СССР до 1991 года. Сегодня крупные русскоязычные общины проживают во многих странах Евросоюза (Германии, Франции, Бельгии, Польше, Португалии, Испании), в США, Австралии, в странах Ближнего Востока (самая большая русскоязычная община проживает в Израиле). Термин «русскоязычные» или «руссофоны» также используется в более специализированном значении – для обозначения людей, чья культура связана с русским языком, независимо от

этнической и территориальной принадлежности. Среди русскоязычного населения особенно много украинцев, белорусов, татар, евреев, армян, курдов, грузин, азербайджанцев, а также потомков от смешанных браков русских (или русскоязычных) с латышами, литовцами, казахами, туркменами и др.

Если рассматривать понятие «русскоязычные» с точки зрения его применимости в гуманитарных исследованиях, то необходимо также обратить внимание на устоявшийся термин гуманитарных исследований в центральной Европе, России, странах Балтии и некоторых странах бывшего СССР, «русскоязычные евреи». Данный термин утвердился в таких признанных научных центрах как Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах при Академии наук РФ, Центр русскоязычных евреев Бенилюкса, Институт Евро-Азиатских еврейских исследований и др.

В Китае ситуация с применением понятия «русскоязычные страны» оказывается сложнее, чем об этом могут думать вне Поднебесной. Как представители самой крупной страны-соседки бывшего Советского Союза и нынешней Российской Федерации, китайские ученые всегда поддерживают интенсивный интерес к изучению стран бывшего СССР. Для многих китайских ученых постсоветское пространство, несмотря на всю свою раздробленность в геополитическом отношении, до сих пор сохраняет в себе целостность в той или иной степени, особенно в культурно-историческом аспекте. Поэтому, когда речь пойдет о понятии «русскоязычные (русскоговорящие) страны», китайские исследователи, прежде всего, подразумевают общее наименование стран бывшего СССР.

Однако, после распада Советского Союза в некоторых бывших союзных республиках наблюдается заметная тенденция дерусификации, что вызывает у китайских ученых сомнения в применимости понятия «русскоязычные страны». Конечно, в общем было удобно использовать понятие «страны СНГ», хотя три балтийские страны – Латвия, Литва, Эстония – никогда не были членами этой международной организации. Но, по мере развития мировой политики, исследователи постсоветского пространства сошлись во мнении, что понятие «Страны СНГ» носит слишком конъюнктурный характер из-за по-

стоянного изменения состава членов-государств этой организации.

Итак, в Китае в сфере гуманитарных исследований стали применять устойчивый оборот «Россия, Восточная Европа и Центральная Азия», который в основном обозначает постсоветское пространство, имеет географический характер и несет меньше политической ассоциации. Например, научно-исследовательский институт при Китайской академии общественных наук (КАОН), носящий ранее такие названия «Институт по исследованию СССР», «Институт по исследованию СССР и Восточной Европы», «Институт по исследованию Восточной Европы и Центральной Азии», в 2002 был переименован в нынешний «Институт по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии». Как показано на веб-сайте данного Института, в список стран как объектов его исследования входят все 15 государств бывшего Советского Союза, а также другие 13 стран Восточной Европы: Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Польша, Черногория, Чешская Республика, Словакия, Хорватия, Румыния, Македония, Сербия, Словения и Венгрия) [7]. Под эгидой Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН работает престижный научный журнал «Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии», который выходит раз в два месяца. Другой пример к применению этого устойчивого оборота можно привести факультет русского языка Шанхайского университета иностранных языков, переименовавшийся в 2017 году в факультет России, Восточной Европы и Центральной Азии, где наряду с русским языком стали преподавать украинский, казахский, узбекский и чешский языки. С постепенной популяризацией оборота «Россия, Восточная Европа и Центральная Азия» некоторые китайские ученые стали относиться к понятию «русскоязычные страны» с наибольшей осторожностью. Но, с другой стороны, сложившаяся ситуация все же не удовлетворяет многих китайских исследователей, в особенности китайских филологов-русистов по причинам того, что, во-первых, эти два понятия не совсем совпадают (здесь дело не только в том, что не все страны Восточной Европы и Центральной Азии принято считать русскоязычными, но и в том, что

сами понятия «Восточная Европа» и «Центральная Азия» трактуются по-разному).

Во-вторых, трудно найти общности между Россией, Восточной Европой и Центральной Азией, если специально исключить геополитическое и культурно-историческое влияние России на Восточную Европу и Центральную Азию. Выдвигается положение, по которому, если необходимо нарочно избавиться от такого влияния, то незачем совмещать и смешивать эти три элемента и рассматривать их как нечто единое, как какой-то целостный предмет для научно-исследовательской работы. Именно при таких условиях в последние годы в некоторых китайских учебниках для студентов-русистов, а также в некоторых учебных программах по подготовке специалистов по русскому языку стало встречаться понятие «русскоязычные (русскоговорящие) страны». А в октябре 2017 года в Юго-Западном университете создан Центр по исследованию русскоговорящих стран при Министерстве образования КНР, который главным образом занимается исследованием стран бывшего СССР в политической, экономической, культурно-исторической, религиозно-философской и других сферах.

Таким образом, правомерность понятия «русскоязычные (русскоговорящие)» не вызывает сомнения и может быть применима к исследованиям гуманитарных областей в разных странах мира. При этом научные интересы исследователей охватывают не только Российскую Федерацию или бывшие республики СССР, но и все те страны, где сегодня проживают многочисленные русскоязычные общины.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях функционирования русского языка в разных странах, чтобы определить исследовательскую базу для научной деятельности.

Самой большой русскоязычной страной является Российская Федерация. Во многих близлежащих странах, входивших ранее в состав Советского Союза, есть многочисленные русскоязычные сообщества. В Беларуси, Казахстане, Киргизии, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии русский язык является вторым государственным или официальным. На Украине, в Молдавии, Эстонии и

Латвии значительная часть населения – русскоговорящие. В Таджикистане русский язык официально признан языком межнационального общения, в Узбекистане значительное количество людей владеет русским и использует его для общения в быту и официальной сфере. В Израиле русский язык является третьим по значимости после государственных иврита и арабского.

Дать точную оценку количества русскоговорящих людей в мире очень сложно. Это связано как с отсутствием достоверных, а главное новых данных переписи в разных странах, так и с методикой определения статуса языка с позиции социолингвистики. Но все же можно опираться на обобщенные данные, предоставляемые посольствами Российской Федерации, национальных переписей населения и оценок разных авторов. Наиболее объективной нам представляется оценка данная А. Арефьевым. По его данным в настоящее время русский язык является родным для 130 млн граждан Российской Федерации, для 26,4 млн жителей стран СНГ и Балтии и для почти 7,4 млн жителей стран дальнего зарубежья, то есть в общей сложности для 163,8 млн человек. Еще свыше 114 млн человек владеют русским как вторым языком (преимущественно в странах СНГ и Балтии) или знают его как иностранный (в странах дальнего зарубежья) [1]. Эти данные в основном совпадают с оценками разных исследовательских организаций, изучающих распространенность мировых языков.

Отметим также, что несмотря на то, что количество владеющих русским языком как родным или вторым в странах бывшего СССР значительно сократилось (350 млн в конце 90-х годов XX века) количество членов русскоязычных общин в других странах увеличилось. Некоторые исследователи полагают, что самые большие русскоязычные общины вне стран СНГ сегодня проживают в Германии (около 4 млн человек) США (около 3,1 млн человек) [4].

Русский язык является государственным/официальным в таких странах регионах: Россия, Белоруссия, Южная Осетия (*государственными языками являются осетинский и русский языки*), Приднестровская Молдавская Республика (*статус офи-*

циального языка на равных началах придает-ся молдавскому, русскому и украинскому языкам), самопровозглашенные Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика (государственными языками являются русский и украинский).

Русский язык конституционно признан официальным языком, но его использование законодательно ограничено в некоторых сферах в пользу государственного языка в следующих регионах: Киргизия, Казахстан, Республика Абхазия.

Страны и регионы, где русский язык обладает официальными функциями: Молдавия, Гагаузия, Румыния (в административных единицах Румынии, где старообрядцы-липоване составляют более 20 % населения, русский язык используется в муниципальных учреждениях. Таких административных единиц в Румынии всего 4. Процент русскоязычного населения в них составляет от 94,98 % в регионе Констанца до 21,60 % в регионе Сучава), США (Нью-Йорк – учреждения штата предоставляют письменный перевод части документов и бесплатный устный перевод с/на русский; В 21 штате США из 50 можно сдать письменный экзамен для получения водительского удостоверения на русском языке), Таджикистан, Узбекистан, Израиль (в Израиле производители и импортеры лекарств обязаны помещать в упаковки развернутую информацию о препарате на русском и арабском языках, при этом именно арабский является официальным), Австралия (русский является языком одной из общин Австралии. Его знание учитывается официальной системой подсчета баллов для получения иммиграционной визы).

Русский как язык национального меньшинства. Согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств [5] русский язык признан языком меньшинства или региональным в следующих государствах: Латвия (в Латвии были неудачные попытки признания русского языка официальным наряду с латышским), Украина (закон был отменен в 2014 г.), Белоруссия (государство обеспечивает право свободного пользования русским языком как языком межнационального общения), Казахстан, Молдова, Южная Осетия.

Русский язык в этих странах может иметь статус высокого или низкого престижа. Од-

нако не всегда это связано с языковой политикой. В приобретении статуса языка большое значение имеют также исторические корни, социально-политические условия, традиционные связи с Россией. Это хорошо можно рассмотреть на примере русского языка в Израиле, стране где он является языком высокого статуса. Русский язык является одним из самых распространенных в Израиле (по официальным данным в 2011 г. русским языком владели и использовали его 1 млн 155 тыс 960 человек, что составляет 20 % населения страны), особенно в среде репатриантов из стран бывшего СССР: РФ, СНГ, Балтии. Только после 1989 г. в Израиль прибыло более 1 млн репатриантов, для абсолютного большинства которых русский язык является родным или по крайней мере вторым языком. В отличие от многих других иммигрантских языков, русский язык в Израиле демонстрирует тенденцию к устойчивому сохранению и передаче молодому поколению. В данный момент в Израиле русским языком в совершенстве владеет более 20 % населения, а также функционирует значительное количество русскоязычных СМИ, в стране развита и популярна русскоязычная литература. Ее представители – русскоязычные еврей-репатрианты, постоянно проживающие в Израиле и пишущие на русском языке, их произведения (Дина Рубина, Анатолий Алексин, Игорь Губерман, Феликс Кривин) большими тиражами печатаются в России. После начала массовой репатриации евреев, сначала из СССР, а в последующие годы из постсоветского пространства, русский язык получил широкое распространение в стране. Новая волна иммиграции и желание новых репатриантов сохранять связи со странами СНГ в корне изменила ситуацию с русским языком в Израиле. Если до 1990 г. на русском языке выходила лишь одна ежедневная газета на русском языке («Наша страна»), то уже в 1991–1992 гг. выпускалось множество ежедневных газет, еженедельников и журналов на русском языке. С 1991 г. началось вещание государственной радиостанции «Рэка» на русском языке (ежедневно с 7 час. утра до 22 час.). В 2002 г. был открыт частный телеканал на русском языке «Израиль плюс». По состоянию на 2011 год, русский язык родной для 18 % взрослых жителей Израиля. При

этом 48 % из уроженцев СССР общаются дома только на русском языке, 12 % не пользуются дома русским языком, 6 % пользуются на работе только русским языком (Центральное статистическое бюро Израиля). Из числа прибывших из бывшего Советского Союза в период после 1989 года, русский язык в быту сохраняют 90 % репатриантов первого поколения, 78 % второго поколения и 72 % третьего поколения. Количество браков за пределами общины составляет 15 % для первого поколения, 20-25 % для второго. Из этих данных министерство алии и абсорбции (занимается организационными и правовыми вопросами переселения и устройства новых репатриантов) делает вывод о появлении за последние 25 лет в Израиле ав-

тохтонной русскоязычной субэтнической группы [6]. Для выходцев из других языковых пространств (кроме английского) сохранение языка в третьем поколении не превышает 15 %. Для репатриантов из стран бывшего СССР отмечается некоторое восстановление русскоязычности под влиянием эмигрантов новой волны (начиная с 2000 г). Не удивительно, что в Израиле активно работают как научные центры, направление работы которых связано с изучением русскоязычных (русскоговорящих) стран.

Представим в таблице 1 данные о наиболее крупных русскоязычных общинах в разных регионах мира, где русский язык используют как его носители, так и их потомки в качестве второго языка [4].

Таблица 1.

Крупные русскоязычные общины в разных регионах мира

Страна	Всего населения	Количество русскоговорящих	Процент от населения
Украина	42 604 968	28 971 378	68 %
Казахстан	17 670 957	15 000 000	85 %
Узбекистан	28 600 000	11 800 000	41 %
Беларусь	9 498 700	6 840 000	72 %
Польша	38 501 000	5 500 000	14 %
Германия	81 800 000	5 400 000	7 %
Азербайджан	8 922 400	4 900 000	55 %
США	308 745 000	3 500 000	1 %
Киргизия	6 000 000	2 500 000	42 %
Таджикистан	7 565 000	2 500 000	33 %
Грузия	4 000 000	2 200 000	55 %
Армения	3 017 100	2 100 000	70 %
Болгария	7 202 198	2 000 000	28 %
Чехия	10 408 000	2 000 000	19 %
Литва	3 000 000	1 800 000	60 %
Молдавия	3 500 000	1 700 000	49 %
Сербия	7 121 000	1 400 000	20 %
Словакия	5 425 000	1 300 000	24 %
Монголия	2 648 000	1 200 000	45 %
Израиль	1 155 960	1 000 000	20 %
Туркменистан	5 105 000	900 000	18 %
Латвия	2 000 000	750 000	38 %
Эстония	1 311 759	400 000	30 %

К данному списку можно добавить еще такие страны ЕС как Франция – 500 000 (0,75 % населения), Кипр – 8 000 (1,14 %), Австрия – 44 058 (0,2 %), Норвегия – 16 833 (0,3 %), Великобритания – 150 000 (0,23 %), Румыния – 18 946 (0,09 %), Чехия – 31 622 (0,3 %), Финляндия – 69 600 (1,3 %) [3], Канада – 11 215 (0,3 %).

Анализируя представленные данные отметим, что несмотря на общую тенденцию,

появившуюся после распада СССР на снижение количества русскоговорящих, география распространения русского языка в мире значительно расширилась.

Подводя итог, отметим, что понятие «русскоязычные (русскоговорящие)» страны, которые мы вводим в научную терминологию и в сферу научных исследований в КНР, дает возможность проводить изучение разных аспектов в тех странах мира, где русский язык, в той или

иной мере, используется и стал распространенным в конце 90-х годов XX века, в силу, в том числе, современных изменений и миграции людей, носителей русского языка.

Библиографический список

1. Арефьев, А. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? [Текст] / А. Арефьев // Демоскоп Weekly. – № 251-252. 19 июня – 20 августа 2006.
2. Беннет, Н. Д. Франкофония и мировая культура [Текст] / Н. Д. Беннетт. – М. : Спутник+, 2003. – 141 с.
3. Война до победного словца // Коммерсант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2795055>. – (Дата обращения: 27.04.2019).
4. GEO – Русскоязычное население по странам мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.pp1.ru/geo-russkojazychnoe-naselenie-po-stranam-mira>. – (Дата обращения: 10.04.2019).
5. Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902299>. – (Дата обращения: 25.04.2019).
6. Колода, С. А. Влияние национальной самоидентификации на культурно-лингвистическую принадлежность репатриантов из стран СНГ в Израиле [Текст] / С. А. Колода // Сходознавство, 2013. – № 62-63. – С. 22-33.
7. Сайт Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://euroasia.cssn.cn/>. – (Дата обращения: 24.04.2019).
8. Qu'est-ce que la Francophonie? [Электронный ресурс] // Organisation Internationale de la Francophonie. 2013. – URL: <http://www.francophonie.org/-Qu-est-ce-que-la-Francophonie-/html>. – (Дата обращения: 20.04.2019).

Reference List

1. Aref'ev, A. Skol'ko ljudej govorjat i budut govorit' po-russki? = How many people speak and will speak Russian? [Tekst] / A. Aref'ev // Demoskop Weekly. – № 251-252. 19 ijunja – 20 avgusta 2006.
2. Bennet, N. D. Frankofonija i mirovaja kul'tura = Francophonie and world culture [Tekst] / N. D. Bennet. – M. : Sputnik+, 2003. – 141 s.
3. Vojna do pobednogo slovca = War to a victorious word // Kommersant [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/2795055>. – (Data obrashhenija: 27.04.2019).
4. GEO – Russkojazychnoe naselenie po stranam mira = GEO – The Russian-speaking population over the countries of the world [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://blog.pp1.ru/geo-russkojazychnoe-naselenie-po-stranam-mira>. – (Data obrashhenija: 10.04.2019).
5. Evropejskaja hartija regional'nyh jazykov ili jazykov nacional'nyh men'shinstv = European charter of regional languages or languages of ethnic minorities [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/1902299>. – (Data obrashhenija: 25.04.2019).
6. Koloda, S. A. Vlijanie nacional'noj samoidentifikacii na kul'turno-lingvisticheskuju prinadlezhnost' repatriantov iz stran SNG v Izraile = Influence of national self-identification on cultural and linguistic belonging of repatriates from the CIS countries in Israel [Tekst] / S. A. Koloda // Shodoznavstvo, 2013. – № 62-63. – S. 22-33.
7. Sajt Instituta Rossii, Vostochnoj Evropy i Central'noj Azii AON KNR = Website of the Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Academy of Social Sciences of the People's Republic of China [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://euroasia.cssn.cn/>. – (Data obrashhenija: 24.04.2019).
8. Qu'est-ce que la Francophonie? [Jelektronnyj resurs] // Organisation Internationale de la Francophonie. 2013. – URL: <http://www.francophonie.org/-Qu-est-ce-que-la-Francophonie-/html>. – (Data obrashhenija: 20.04.2019).

О. Н. Астафьева

<https://orcid.org/0000-0001-8727-632>

Стратегия устойчивого развития в культурной политике российских регионов

Материал подготовлен в рамках гранта РФФИ 19-511-93002 КАОН_а
«Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества»

Стабильный интерес к роли культуры в территориальном развитии, демонстрируемый на протяжении последнего десятилетия в российских регионах, – показатель *поворота культурной политики* к проблемам качества жизненной среды, повышения уровня развития человеческого капитала и укрепления культурного разнообразия. Налицо – эволюция *концепции устойчивого развития*. В условиях обострения экологических, финансово-экономических, социально-политических кризисов культура выступает особой «мягкой силой», «слабым воздействием», способным вернуть системе устойчивость и динамизм как условие межцивилизационного взаимодействия. Декларация «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития» была принята на Международной конференции ЮНЕСКО «Культура: ключ к устойчивому развитию» (Ханчжоу, провинция Чжэцзян/Восточный Китай, май 2013 г.). Концептуальная часть документа включает программу действий, позволяющую изменить отношение к культуре и сделать ее *центром политики устойчивого развития*. В России наиболее репрезентативными региональными практиками признаны те, где распространяется программно-проектный метод социокультурного развития. В модели культурной политики Рязанской области внимание концентрируется на реализации масштабных музейных проектов, благодаря которым решаются актуальные социальные проблемы – повышение качества жизни местного сообщества, укрепление имиджа региона. Опыт Ульяновской области очевидно показывает, что региональные власти сконцентрировали усилия на модернизации социокультурной среды, центральное ядро которой должен образовывать двухкомпонентный культурный кластер, направленный на достижение синергического эффекта, – музейный квартал и бизнес-инкубатор «Квартал». Идеи поддержки предпринимательства в сфере культуры в рамках инновационных стратегий развиваются в инновационной модели культурной политики Московской области, где творческие индустрии стимулируют развитие культурного туризма и усиливают экономические эффекты, придает импульс территориям. Модели культурной политики в разных регионах России показывают пути поддержки особого интереса к культуре, которая рассматривается как ресурс модернизации и условие устойчивого развития.

Ключевые слова: Устойчивое развитие, российские регионы, модели культурной политики, синергический эффект, креативные индустрии.

O. N. Astafieva

The strategy of sustainable development in cultural policy of Russian regions

The stable interest in the culture role in territorial development shown during the last decade in Russian regions is an indicator of the turn in cultural policy to problems of quality of the vital environment, increase in the level of development of the human capital and strengthening of cultural diversity. It is obvious that there is evolution of the concept of sustainable development. In conditions of aggravation of ecological, financial and economic, socio-political crises culture is special «soft power», «weak influence» capable to return to the system its stability and dynamism as a condition of interciviliation interaction. The declaration «To Provide the Central Place of Culture in Policy of Sustainable Development» was adopted at the UNESCO International conference «Culture: a key to sustainable development» (Hangzhou, Province of Zhejiang / East China, May, 2013). The conceptual part of the document includes the action program allowing to change the attitude towards culture and to make it the center of sustainable development policy. In Russia the most representative regional practices are recognized the ones where the program and design method of sociocultural development extends. In the model of cultural policy of the Ryazan region the attention is focused on implementation of large-scale museum projects due to which current social problems – improvement of life quality of local community, strengthening of the image of the region are solved. Experience of the Ulyanovsk region obviously shows that the regional authorities concentrated efforts to modernizations of the sociocultural environment which central kernel should be a two-component cultural cluster directed to achieve the synergetic effect – a museum quarter and business incubator «Quarter». The ideas of business support in the sphere of culture within innovative strategy are developed in the innovative model of the Moscow region cultural policy where

the creative industries stimulate development of cultural tourism and enhance economic effects, stimulate territories. Models of cultural policy in different regions of Russia represent ways of support of a particular interest in culture which is considered as a resource of modernization and a condition of sustainable development.

Key words: sustainable development, Russian regions, models of cultural policy, synergy effect, creative industries.

Стабильный интерес к роли культуры в территориальном развитии, демонстрируемый на протяжении последнего десятилетия в российских регионах, – показатель *поворота культурной политики* к проблемам качества жизненной среды, повышения уровня развития человеческого капитала и укрепления культурного разнообразия. Эти цели являются наиболее актуальными для всего человечества на повестке дня в XXI в., который призван стать новым этапом устойчивого развития.

В документах и материалах ЮНЕСКО идеи устойчивого развития получили всестороннее осмысление и рассматриваются как возможность согласования экономической, социальной и экологической (природной) точек зрения на развитие, что позволяет стимулировать рост инвестиций и направлять их как на сохранение природных ресурсов, так и в укрепление человеческого капитала. Начиная с Конференции ООН по проблемам окружающей среды и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) и до настоящего времени эта концепция выступает ценностно-мировоззренческим основанием для гармонизации общественного развития, определяя перспективы будущих поколений. Исходя из обозначенных в рамках этой концепции приоритетов и целей, сложившихся во многом под влиянием глобальных социокультурных изменений, деятельность экспертного и научного сообщества направлена на методологическую поддержку инновационных программ и проектов территориального устойчивого развития, где культура выступает одним из основных ресурсов.

Прошедшее двадцатилетие показало, что «будущее, которое мы хотим» основывается на приоритетах природосберегающей экономики («зеленой экономике») и ориентациях на благополучие людей, на удовлетворении их потребностей в знаниях, информации, культуре и искусстве [10]. И если в той или иной мере данная проблематика уже стала привычной как для ученых, так и для практиков, то сам подход к ее осмыслению, несомненно, изменился. Очевидна смена ракурса обсуждения, разработка методологических основ для практического развертывания («поворота») концепции к человеку как творческой личности, выходы на

уровень практики социальных отношений, производства, потребления и активного участия. В русле общих ориентаций на устойчивое развитие социально значимые цели, характеризующиеся экономической эффективностью, биосферосовместимостью и социальной справедливостью при общем снижении антропогенного давления на биосферу [5], сегодня дополнены идеями культурного разнообразия и творческого самовыражения, обращения к культуре как ресурсу развития.

Налицо – эволюция *концепции устойчивого развития* – выход за пределы экологии и экономических проблем, активное включение в нее социальной тематики (преодоление бедности и распространение грамотности, борьба с ВИЧ-инфекциями, социальными деструкциями и др.), анализа и распространения передовых практик по сохранению культурного наследия, технологий культурного и экологического туризма, творческих индустрий, а также – закрепление в общественном сознании значимости культуры как самоценности. Все это свидетельствует о высшей степени актуальности задачи безопасного цивилизационного развития для всего человечества.

Усложнение социокультурных процессов, связанное с освоением передовых технологий, возрастающие потребности в достижении межкультурного и межрелигиозного диалога и общих этических ценностей активизировало политическую и интеллектуальную элиту на поиски новых оснований для перехода к устойчивому развитию. Сущность такого перехода составляет *ориентация на поддержание социокультурной и социоприродной целостности цивилизации*, кардинально усилившей свои информационные возможности и не до конца осознавшей свое включение в супермагистраль универсальной эволюции.

Актуализация проблематики культурной политики в контексте новых задач, которые предстоит решить российским регионам, дополняется ориентацией на практическую составляющую – результаты должны стать реально заметными для населения страны, включенной в поток социокультурных изменений. Трансформация стилей и образов жизни людей, норм и моделей поведения в условиях

глобализации, подвижность иерархии ценностей и традиций, отношения к вере затрагивают все пласты культуры: личностно-обыденный, национально- и социально-идентификационный, социально-интегративный, регулятивный и нормативный, смысловой и символический, лингво-коммуникативный, политико-идеологический, религиозный, художественно-образный и пр. В этих условиях проблемы культурной политики становятся проблемами национального масштаба – общественного статуса культуры, признания ее мощного интеграционного потенциала социума. Такой культурологический дискурс все чаще получает одобрение со стороны всего российского общества.

Обратим особое внимание на обращение региональных систем управления к ресурсам культуры как результатам интеллектуально-духовной деятельности человечества в контексте идей преодоления цивилизационных противоречий и вызовов глобализации. Учитывая, что Российская Федерация объединяет 83 субъекта, каждый из которых имеет свою региональную и этнокультурную специфику, то вопрос о ценностно-смысловых основаниях, лежащих в основе национальной культурной политики, является одним из центральных. С одной стороны, наличие общих стратегических целей национальной культурной политики обеспечивает социокультурное единство страны. При этом, с другой стороны, каждое региональное образование предлагает самостоятельный сценарий их реализации. Следует также учитывать, что местные сообщества направляют свои усилия на поддержку тех задач, которые отвечают специфике территории, ее социально-экономическим показателям, этническому составу населения, демографическим процессам, историко-культурным традициям и др. В зависимости от этого в региональных моделях культурной политики выделяются актуальные направления развития, приобретающие на новом этапе социокультурной модернизации большую отчетливость. Этому способствует и распространение новых информационно-коммуникативных технологий, укрепляющих региональные взаимодействия и снимающих границы для передачи опыта и технологий.

Если проанализировать региональные практики в контексте обсуждаемой проблемы «культура и развитие», то наиболее репрезентативными из них будут признаны те, где распро-

страняется программно-проектный метод социокультурного развития, где формируется множество дискуссионных площадок, экспериментальных лабораторий и инновационных территориальных зон, где в самых разных формах обсуждаются стратегии культурной политики и анализируются практики взаимодействия субъектов, осмысливается значение культуры для устойчивого развития и ее роли в жизни людей разных поколений. «Взрыв» новых инициатив ожидался в России в 2014 г., поскольку впервые он был объявлен Годом культуры.

Обратим внимание на одну из сторон исследуемой проблемы, ядро которой составляют центральные дефиниции «культура» и «развитие». Существует принципиальное расхождение между теоретическим и ценностным содержанием этих фундаментальных категорий и их узкопрактической трактовкой при механическом перенесении в рамках ведомственного подхода к культуре, то есть происходит переход из области стратегирования в сферу операциональных действий (как принципов менеджмента организаций, локальных идей, проектов и пр.), что приводит к снижению их значимости. При таком подходе осуществляется переход от понимания культуры как полисмыслового феномена, неотделимого от понятий «природа» и «общество», если не к отрицанию, то однозначно – к ослаблению существующей между ними взаимосвязи и взаимозависимости.

При этом в документах ЮНЕСКО внимание акцентируется на отказе от каких бы то ни было упрощений, имеющих место в экономикоцентристской парадигме мышления, потребительской по своей сути, воспроизводящей логику потребности роста. «В этой системе нет места для индивидуальных целей, существуют только цели системы. <...> Так как система обеспечивает производство только для своих собственных потребностей, она тем более скрывается позади алиби из индивидуальных потребностей» [2]. Отсюда вырастает культ потребностей как продуктивистской идеологии, поэтому даже самые позитивные потребности в обучении, культуре, здоровье, транспорте, отдыхе, «будучи отделены от их реального коллективного значения, включаются в той же степени, что и производственные от роста потребности, в систему стимулирования роста» [2, с. 93].

Исходя из этого, последовательная разработка в рамках документов ЮНЕСКО идей о

смене приоритетов и акцентов в понимании культуры как творчества, актуализация перехода к деятельностной концепции подчеркивает значение интеллектуально-духовной деятельности человечества, инновационных подходов в контексте обострения цивилизационных и социальных противоречий, «вызовов» глобализации. Фактически, в условиях обострения экологических, финансово-экономических, социально-политических кризисов, культура выступает особой «мягкой силой», «слабым воздействием», способным вернуть системе устойчивость и динамизм как условие межцивилизационного взаимодействия. Культура оказывается в центре кардинальных общественных изменений, а дефицит культуры выступает фактором, способным трансформировать цивилизационные тренды.

Обсуждение этих проблем сегодня уже не может вестись только на теоретическом уровне, поскольку их социально-практическая значимость в условиях глобализации очевидна и продиктована потребностями в распространении стратегии диалога как парадигмы мышления, позволяющей видеть мир в его целостности и одновременно культурной разнородности, воспринимать культуру как импульс к обновлению территориальных ландшафтов.

Многообразие моделей региональной культурной политики показывает, что идеи ЮНЕСКО, содержащиеся не только в таких основополагающих документах, как Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразных форм культурного самовыражения (2005), но и концептуально обозначенные в Конвенции в Ханчжоу (2013), раскрывают креативный потенциал культуры во имя диалога и развития.

Декларация «Обеспечить центральное место культуры в политике устойчивого развития» стала новым этапом в осмыслении роли культуры в политике устойчивого развития. Она была принята на Международной конференции ЮНЕСКО «Культура: ключ к устойчивому развитию» (Ханчжоу, провинция Чжэцзян/Восточный Китай, май 2013 г.). Помимо теоретических обоснований актуальности такого подхода, концептуальная часть документа включает программу действий, позволяющую изменить отношение к культуре и сделать ее *центром политики устойчивого развития*. Опираясь на опыт разных стран, эксперты ЮНЕСКО посчитали необходимым предложить следующие меры: 1) включать

культуру во все планы и курсы развития; 2) содействовать развитию культуры и взаимопонимания, то есть миру и диалогу; 3) гарантировать выполнение культурных прав всем людям, продвигаться в направлении инклюзивного общества; 4) стимулировать развитие культуры в решении социальных проблем, в целях преодоления бедности; 5) развивать культуру как один из механизмов содействия сохранению устойчивости окружающей среды; 6) использовать адаптационные возможности культуры в периоды стихийных бедствий; 7) воспитывать бережное отношение к культуре для сохранения ее для потомков; 8) использовать ресурсы культуры для реализации устойчивого развития городов; 9) использовать культуру для появления новых устойчивых моделей сотрудничества [3].

Уже сегодня в разных странах мира культурное наследие вводится в современный контекст, становясь туристским продуктом, не разрушающим привычный образ жизни, а формирующим среду, удерживающую целостную среду природно-культурного ландшафта. Как показывает материал конференции в Ханчжоу, развитие творческих индустрий в странах Азии и Африки, в основе которых заложена этнокультурная составляющая, способствует преодолению нищеты и бедности. Совокупность этих направлений в культурной политике подтверждает основной тезис конференции ЮНЕСКО: «Культура рассматривается в качестве ключевого катализатора устойчивости, источника смысла и энергии, творческого подхода и инноваций, средства осознания задач и поиска соответствующих решений» [3].

В целом, принятие Декларации в Ханчжоу стало подготовительным этапом для широкого обсуждения ее идей в контексте подготовки материалов для Генеральной ассамблеи ООН, в частности – Программы глобального развития на период до 2015 г.

Динамика современных социокультурных процессов свидетельствует о значении идей ЮНЕСКО для разработки региональной культурной политики в разных странах, в том числе в России. В свою очередь, российские регионы в последнее десятилетие демонстрируют острое желание «переформатировать» отношение к культуре, отказавшись от старой схемы – оценивать культуру как культурно-досуговую сферу обслуживания населения. Серьезные проекты – Международный культурный форум в Республике Хакасия «Историко-культурное наследие как ресурс устойчивого развития тер-

ритории» (2011 г., 2012 г., 2013 г.), ориентированный на комплексную идею взаимосвязи культуры, экономики и экологии; Международный конгресс–2011 «Культура как ресурс модернизации», Международный форум–2012 «Культура и развитие», Международный форум–2013 «Культура нового поколения» в Ульяновске – известные в России и за рубежом экспертные дискуссионные площадки, сверяющие вектора региональных моделей культурной политики [4, 6].

Остановимся на некоторых примерах, представляющих успешное согласование общенациональных и региональных целей культурной политики посредством обращения к различным практикам организации и регулирования социокультурных процессов, тесную взаимосвязь между культурой и развитием территорий.

В модели культурной политики Рязанской области – региона Центральной части России, внимание концентрируется на реализации масштабных музейных проектов, благодаря которым решаются актуальные социальные проблемы – повышение качества жизни местного сообщества, укрепление имиджа региона. При этом включение создаваемых культурных продуктов в туристические предложения обеспечивает стабильность экономических инвестиций в сферу культуры. Одним из основных факторов избранной стратегии выступает интегрирование музейной среды, включающей 28 разнообразных музеев в историко-культурное пространство региона. Ядро музейного ландшафта образует территория Рязанского кремля с прилегающими к нему территориями, а также музей известного русского поэта Сергея Есенина в с. Константиново. Развернутую по всему пространству региона туристическую зону ежегодно посещают свыше 600 тыс. человек из разных стран мира. Но для людей, проживающих в этом регионе (по большей части, в областных городах и районных центрах, где расположено большинство музеев и пр.), – это не только культурная коммуникативная среда, маркер культурно-исторической памяти и коллективной идентичности, это место их повседневной жизнедеятельности, поэтому идея креативного развития территории рассматривается местным сообществом как цель социокультурного проектирования, достижение которой связывается с повышением качества среды. Этот факт служит также стимулом для модернизации специ-

ализированных видов деятельности, которыми они занимаются. Конечно, сегодня в первую очередь коллективы музейных работников выступают инициаторами интересных проектов, добиваясь позитивных практических результатов в изменении отношения к среде, образу региона, в формировании исторического сознания и гражданственности. Так, в 2012 г. в регионе в рамках федеральной программы «Культура России» (руководитель научного коллектива И. В. Чувилова) было проведено социологическое исследование «Музей и его посетители». По мнению населения, музеям в процессе модернизации Рязанской области принадлежит первое место, а изменение культурного ландшафта и экономическая устойчивость региона как сложнейшей системы связывается с открытием новых музеев – этнографического и литературного.

Решению задач культурной политики и позитивной динамике социально-экономического развития региона способствует преодоление межведомственных барьеров – в единый управленческий комплекс объединены сферы культуры и туризма. В других регионах такой опыт пока распространяется слабо, хотя в федеральном Министерстве культуры в прошлом году уже образован Департамент региональной политики и туризма [9], что направлено на внедрение практик эффективного управления культурно-историческими комплексами за счет обращения к проектному менеджменту территорий. В Рязанской области такой подход признан эффективным, особенно с точки зрения интеграции музейной инфраструктуры и туристических ресурсов: 93 % от числа местных жителей (участников социологического исследования) рассматривают музеи в качестве привлекательного объекта в силу специфики территориальной инфраструктуры и сложившихся историко-культурных традиций, благодаря сформированным брендам. Более того, эксперты указывают на большую потребность в развитии данного сегмента (44,2 %). Относительно форм музеефикации территории для сохранения историко-культурного и природного наследия предпочтения жителей различаются: на первое место выдвигается «выборочная музеефикация зон исторической застройки» (51,2 %), на второе – историко-культурные заповедники (37,2 %), экологические музеи (18,6 %), природные заповедники (11,6 %).

Таким образом, стратегия культурной политики Рязанской области ориентирована на

расширение музейной среды с учетом мнения местного населения и связывается с развитием культурного туризма, его вкладом в устойчивое социально-экономическое развитие территории и перспективами роста по показателям занятости населения.

Однако сегодня недостаточно только экстенсивных способов развития, что и подтвердили результаты проведенного социологического исследования. В современной ситуации сотрудники музейных комплексов вынуждены не только расширять сферу своей деятельности, но прежде всего разрабатывать новые формы работы с посетителями, поскольку музеи вступают в конкурентную борьбу с другими социокультурными институтами. В условиях многообразия предложений в быстро растущих городах с новой информационно-развлекательной инфраструктурой, интенсивно развивающимися сегментами массовой культуры для привлекательности экспозиций посетителям музеев требуется кардинальное преобразование традиционной среды в интерактивную, создание уникальных музейных продуктов и оригинальных способов их презентации. Вопрос *согласования художественно-эстетических задач с социальной эффективностью и маркетинговыми целями* становится центральным для инновационных проектов. В результате на музейной территории кремля, помимо просветительской и выставочной работы, уже в течение ряда последних лет проводятся оперные спектакли на открытом воздухе.

Такой подход к созданию специального события интересен тем, что превращает его в событийный коммуникативный акт, переводит идею специального события в реальное действие. На практическом уровне идеи, разрабатываемые в логике проектного мышления, переводятся на выделение целевого сегмента – потенциального участника коммуникации, чтобы включить в сценарий специального события. Каналы коммуникации (или формы трансляции) обеспечивают успешное достижение целей, отвечая интересам как самой организации, так и целевого потребителя [8]. Благодаря подлинной исторической инфраструктуре, выполняющей функции декораций, во внутреннем дворе кремля воссоздается аутентичная культурная атмосфера. Для привлечения в музей посетителей из числа местных жителей, которые неоднократно бывали в нем ранее, музей постоянно обновляет ландшафт и экспозиции, чтобы удовлетворить культурную потребность в новых впечатлениях.

Если в мегаполисах мира искусственно создаются музейные кварталы и музейные улицы, то для Рязани как историко-культурной территории одной из целей культурной политики становятся задачи корректного проектирования – насыщения социокультурного пространства современными библиотеками, кинотеатрами, информационными центрами, театрами и арт-галереями.

Как следует из результатов социологического исследования, достижение целей культурной политики разных субъектов в пространстве региона с учетом рыночных отношений зачастую приобретает формы жесткой конкуренции в борьбе за своего зрителя, посетителя и др. Нередко это выливается в противопоставление музея как «устаревшего» классического образца новым институтам культуры, наиболее привлекательным для молодого поколения. Как сделать это пространством для совместного творческого участия и сотрудничества региональных властей, сотрудников учреждений культуры и местного населения в территориальном развитии?

Одним из путей преодоления расхождений между содержательными и коммерческими интересами, между тенденциями в продвижении классических видов искусства или традиционных областей культуры, между учреждениями культурно-досуговой сферы и развлекательным сектором выступает практика развития творческих индустрий. В настоящее время этот инновационный сегмент экономики занял промежуточное положение, снимая возможное противостояние разных сфер культуры, поскольку в основе творческих индустрий лежит творческое начало, навык или талант, позволяющий создавать добавленную стоимость, рабочие места и другие экономические достижения на основе интеллектуальной собственности.

В различных регионах России к творческим индустриям, следуя сложившейся типологии, относят изготовление декоративных изделий, кукол, пошив сценических костюмов и дизайнерской одежды; создание и распространения аудиовизуальной и кино-продукции, а также разных видов художественных промыслов; организацию частных музеев, художественных салонов и выставочных залов. Все эти направления деятельности, осуществляемые в организациях разных форм собственности, требуют не меньшей поддержки, чем в бюджетных организациях, особенно на начальном этапе становления. Если проанализировать опыт Улья-

новской области, то становится очевидным, что региональные власти, в том числе Министерство искусства и культурной политики, сконцентрировали усилия на модернизации социокультурной среды, центральное ядро которой должен образовать двухкомпонентный *культурный кластер – музейный квартал и бизнес-инкубатор «Квартал»*.

С одной стороны, идея создания музейного квартала на набережной Волги подсказана самой историей формирования городского пространства, расположением в нем мемориального комплекса, построенного к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, и историческими постройками, связанными со старым Симбирском, а также с появлением в последующие годы новых музеев, дополняющих общую картину губернского города, в котором проживали и творили талантливые земляки ульяновцев – писатели Н. М. Карамзин, И. А. Гончаров, художник А. А. Пластов и другие. С другой стороны, Ульяновску как городу, который ориентируется не только на позитивный демографический тренд и улучшение условий для воспроизводства населения региона, развитие промышленности и рост экономики, но и на интенсивное социокультурное развитие невозможно оставаться с устаревшим образом территории. Начиная с амбициозного проекта «Ульяновск – столица Поволжья», целью инновационной стратегии культурной политики была избрана эволюция территории в современный город, открытый и комфортный для населения всех возрастов. Второй этап этого масштабного проекта – «Ульяновск – культурная столица», в результате которого был сформирован фонд, проведено картирование культурных ресурсов, разработана система поддержки и продвижения проектов культурных (или творческих) индустрий.

На наш взгляд, такая стратегия отвечает не только принципам инновационной экономики, основанной на соединении бизнес-навыков и культурных практик с творческой, интеллектуальной, художественно-эстетической составляющей (наряду с наукой и высокими технологиями), но и одновременно позитивно влияет на обновления имиджа территории. Эти факторы способствовали активному продвижению творческого кластера как особой организационной формы консолидации усилий разных участников, направленного на достижение синергического эффекта. Тем самым усиливаются конкурентные преимущества сферы культуры

в условиях глобализации экономики. Однако, заметим, только стабильная деятельность творческого бизнес-инкубатора, а не сам факт его открытия в совокупности с музейным кварталом как притягательным туристическим объектом смогут действительно стать важной частью экономической стратегии регионального развития. Сосредоточие офисов, школ, высокотехнологичных малых и средних предприятий, к которым относятся и предприятия индустрии гостеприимства творческих индустрий, не нарушающие культурно-историческую самобытность территории, станут символами устойчивого развития.

В настоящее время инфраструктура творческого кластера Ульяновска включает несколько базовых сегментов, таких как цеховые сообщества, творческие бизнесы и образование, импульс к модернизации деятельности которых задается предприятием-лидером – культурным бизнес-инкубатором «Квартал» и координируется центром управления – фондом «Ульяновск – культурная столица» [6].

Какие цели достигаются созданием творческого кластера в Ульяновске? В первую очередь – поддержка инициатив и проектов на начальном этапе («start-up»), поскольку творческий кластер формирует мотивации для креативной молодежи для закрепления в своем родном регионе, открывает возможности для самореализации. И не в последнюю очередь нужно иметь в виду, что для экономики города результатом будут гарантии в сохранении рабочих мест людям, работающим в малом бизнесе в сфере творческих индустрий и создание новых рабочих мест, а также сохранение и увеличение налоговой базы, создание экспортно-ориентированной продукции, товаров. Повышение творческой активности населения учтено в областных целевых программах, но для закрепления культурной стратегии необходима поддержка деятельности на законодательном уровне, в частности, разработать рамочный закон о культуре и культурной политике Ульяновской области, а также внести изменения в инвестиционное законодательство относительно поддержки проектов в сфере культуры [7].

Идеи поддержки предпринимательства в сфере культуры в рамках инновационных стратегий развиваются в инновационной модели культурной политики Московской области. Экономический эффект и положительная динамика роста малого и среднего предпринима-

тельства в сфере культуры были представлены на ярмарках-выставках творческих индустрий Подмосковья, организуемых областным Министерством культуры в партнерстве с предпринимательскими структурами. Как показывают результаты творческой деятельности, осуществляемой небольшими коллективами и индивидуальными производителями с использованием ресурсов культуры, она может быть финансово устойчива и экономически выгодна. Предлагая населению альтернативные товары и услуги лучшего качества, чем это делают крупные предприятия, поточно производящие схожую продукцию в массовых масштабах, небольшие мастерские и цеха поддерживают конкурентность культурной среды за счет уникальности культурных товаров и многообразия предложений. Примерами могут служить небольшие фирмы, выделившиеся из больших предприятий и занимающиеся изготовлением керамики, вышивки, плетения, одежды (народной, модельной, театральной и пр.), металлическойковки и пр., а также сервисы по созданию «культурных событий», корпоративных праздников и пр.

В настоящее время наибольшее число малых и средних предприятий в Московской области относится к зрелищно-развлекательной сфере и деятельности, связанной с производством, прокатом и показом фильмов. Повышение доходности в сегменте проката обеспечивается за счет площадок, расположенных в торговых центрах с современным техническим оборудованием и привлекательным дизайном, которые обладают большими конкурентными преимуществами по сравнению с муниципальной инфраструктурой. В модернизации нуждаются зоны отдыха и парки аттракционов, образующие сферы среднего предпринимательства, а также предприятия народных художественных промыслов. Примером успешной технической модернизации служит Павловопосадская платочная мануфактура, доходы которой составили сегодня 57 % в доле доходов предприятий народных художественных промыслов Подмосковья. Поэтому программы поддержки малого и среднего предпринимательства в Московской области будут развивать бизнес-инкубаторы творческих индустрий и включать их в культурные кластеры в исторических городах Подмосковья.

Опыт городского округа Коломна и городского поселения Сергиев Посад показывает, что творческие индустрии стимулируют развитие культурного туризма и усиливает эконо-

мические эффекты, придает импульс территории. Объекты культурного наследия, традиционные виды ремесленного производства способствуют динамичному развитию бизнесов культуры в виде сувенирной продукции, созданию частных музеев и новых производств таких как «Музей забытого вкуса» и фабрики коломенской пастилы, где в театрализованном формате на воссозданном по архивным документам оборудовании работает более 40 человек. Совокупность культурных брендов и бизнесов, имеющих культурно-историческое содержание, способствует развитию познавательного туризма, стимулируя открытие новых объектов питания, развитие гостиничного бизнеса и транспортного обслуживания.

Другой тип творческих кластеров формируется на базе объектов культурного наследия Подмосковья, которые связаны с такими брендами как дом-музей П. И. Чайковского в Клину, музей А. П. Чехова в Мелихово и музей Ф. И. Тютчева в Мураново. Эти музеи расположены на основных транспортных магистралях, где туристический поток составляет 214,6 тыс. посещений в год. Уже сегодня театральные постановки на открытом воздухе и в аутентичной обстановке привлекают внимание как жителей Москвы и Подмосковья, так и туристов. Расширение кластера путем привлечения ремесленников, галерейщиков, других представителей творческих индустрий видится перспективной стороной для развития государственно-частного партнерства в сфере культуры [1].

Таким образом, модели культурной политики в разных регионах России показывают пути поддержки особого интереса к культуре, которая рассматривается как ресурс модернизации и условие устойчивого развития. Конечно, сегодня велики потенциальные риски, связанные с масштабной урбанизацией, порой наносящие вред культурной среде и приводящие к деградации окружающей природной среды, а также социальные риски – неравенство и нищета, расширяющаяся социальная неграмотность и информационные «разрывы». Как на федеральном уровне, где активно внедряются мероприятия, прописанные в «дорожной карте» в рамках программы «Модернизация культурной политики», так и на региональном уровне, где реализуются социокультурные проекты, становится очевидным, что стратегические цели культурной политики отвечают общим мировым трендам, направленным на повышение качества жизни и благосостояние людей. Как было показано на примере

некоторых регионов России, все они обладают богатейшим культурным потенциалом, квалифицированными кадровыми ресурсами и имеют выгодные географические, природные и культурные ландшафты для устойчивого развития. Нужно только научиться правильно их использовать в интересах будущего, которое мы хотим для всех.

Библиографический список

1. Астафьева, О. Н., Горушкина, С. Н. Инфраструктура культуры локальных территорий и место проектной деятельности в ее развитии [Текст] // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: сб. науч. ст. / под ред. Ю. М. Резника, Н. И. Мироновой. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2010. – С. 102-118.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Текст] / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Культурная революция: Республика, 2006. – С. 92-93.
3. Декларация Ханчжоу на русском языке [Электронный ресурс]. – URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf. – (Дата обращения: 29.04.2019).
4. Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития: сб. ст. I и II Международных форумов 2011-2012 гг. [Текст] / под ред. Ю. А. Лапшина и И. Г. Смолиной. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2013. – 156 с.
5. Костина, Т. И. У истоков образования для устойчивого развития [Текст] // Наука и образование в целях устойчивого развития / под общ. ред. Т. И. Костиной; сост. и отв. ред. Н. М. Мамедов. – М.: МГАДА, 2006. – С. 7.
6. Международный культурный форум в Ульяновске: инициатива, партнерство, развитие [Текст]: сб. информационных и аналитических материалов / под общ. ред. О. Н. Астафьевой. – Ульяновск, 2013. – 76 с.
7. Обзор культурной политики в Российской Федерации: Аналитический доклад [Текст] / Совет Европы (Council of Europe); отв. ред. К. Разлогов, Т. Санделл. – Ульяновск: Мастер Студия, 2013. – С. 122.
8. Смирнова, А. Ю. Событийный менеджмент в современной библиотеке [Текст] // Библиотековедение. – 2012. – № 6. – С. 21-22.
9. Указ Президента Российской Федерации № 636 от 21 мая 2012 года «О структуре федеральных органов исполнительной власти».
10. Realizing the Future We Want for All. Report to the Secretary-General // Website the United Nations. – URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/UNTTreport_10July.pdf. – (Дата обращения: 15.04.2019).

Reference List

1. Astaf'eva, O. N., Gorushkina, S. N. Infrastruktura kul'tury lokal'nyh territorij i mesto proektnoj dejatel'nosti v ee razvitii = Infrastructure of culture of local territories and the place of design activity in its development [Tekst] // Mestnye soobshhestva: problemy sociokul'turnogo razvitija: sb. nauch. st. / pod red. Ju. M. Reznika, N. I. Mironovoj. – M.: Nezavisimyj institut grazhdanskogo obshhestva, 2010. – S. 102-118.
2. Bodrijjar, Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury = Consumer society. Its myths and structures [Tekst] / per. s fr., poslesl. i primech. E. A. Samarskoj. – M.: Kul'turnaja revoljucija: Respublika, 2006. – S. 92-93.
3. Deklaracija Hanchzhou na russkom jazyke = The Hangzhou declaration in Russian [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declarati_on_russian.pdf. – (Data obrashhenija: 29.04.2019).
4. Istoriko-kul'turnoe nasledie kak resurs sociokul'turnogo razvitija: sb. st. I i II Mezhdunarodnyh forumov 2011-2012 gg. = Historical and cultural heritage as a resource of sociocultural development: collection of articles I and II of the International forums in 2011-2012. [Tekst] / pod red. Ju. A. Lapshina i I. G. Smolinoj. – Abakan: Izd-vo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova, 2013. – 156 s.
5. Kostina, T. I. U istokov obrazovanija dlja ustojchivogo razvitija = At education sources for sustainable development [Tekst] // Nauka i obrazovanie v celjah ustojchivogo razvitija / pod obshh. red. T. I. Kostinoj; sost. i отв. red. N. M. Mamedov. – M.: MGADA, 2006. – S. 7.
6. Mezhdunarodnyj kul'turnyj forum v Ul'janovske: iniciativa, partnerstvo, razvitie = The international cultural forum in Ulyanovsk: initiative, partnership, development [Tekst]: sb. informacionnyh i analiticheskikh materialov / pod obshh. red. O. N. Astaf'evoj. – Ul'janovsk, 2013. – 76 s.
7. Obzor kul'turnoj politiki v Rossijskoj Federacii: Analiticheskij doklad = The review of cultural policy in the Russian Federation: Analytical report [Tekst] / Sovet Evropy (Council of Europe); отв. red. K. Razlogov, T. Sandell. – Ul'janovsk: Master Studija, 2013. – S. 122.
8. Smirnova, A. Ju. Sobytijnyj menedzhment v sovremennoj biblioteke = Event management in a modern library [Tekst] // Bibliotekovedenie. – 2012. – № 6. – S. 21-22.
9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 636 ot 21 maja 2012 goda «O strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti» = Decree of the President of the Russian Federation No. 636 dated from May 21, 2012 «About the structure of federal executive authorities».
10. Realizing the Future We Want for All. Report to the Secretary-General // Website the United Nations. – URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/UNTTreport_10July.pdf. – (Data obrashhenija: 15.04.2019).

А. Б. Пермиловская
<https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

Сохранение русской этнокультурной традиции в северном деревянном зодчестве

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания по научной теме № гос. регистрации – АААА-А18-118012390220-3 «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики»

Исследование посвящено уникальной северной деревянной архитектуре в контексте русской традиционной культуры. Русский Север – «страна зодчих», исторически сложившийся заповедник народного зодчества, которое по праву считается вершиной русской деревянной архитектуры. Народная архитектура – это жилые, хозяйственные, производственные, торговые, инженерные, оборонные, культовые строения, поселения, созданные в большинстве случаев неизвестными мастерами на основе народных архитектурно-строительных традиций, отражающих ментальность русского крестьянства, где определяющее место принадлежит народному православию и мифопоэтическому мировоззрению. Автором впервые проведено комплексное культурологическое исследование народной архитектуры Русского Севера как отражения культурных смыслов жизни уникального российского региона, сформировано и обосновано понятие «Русский Север – особая территория наследия». Исследование осуществлено в культурологическом ракурсе проявления в ней русского хронотопа – культурного ландшафта северной деревни. В работе обоснована модель смыслополагания народной архитектуры. Для выявления культурного кода Русского Севера (народного деревянного зодчества) предложена метафора «Как мера и красота скажут». Именно на Севере были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства.

Ключевые слова: традиционная культура, деревянное зодчество, храм, часовня, крест, дом, сельское историческое поселение, Русский Север, Арктика.

А. В. Permilovskaya

Conservation of the Russian ethnocultural tradition in northern wooden architecture

The research is devoted to unique northern wooden architecture in the context of the Russian traditional culture. The Russian North is «the country of architects», a historically developed reserve of national architecture, which is rightfully considered the top of the Russian wooden architecture. The national architecture is residential, economic, production, trade, engineering, defensive, cult buildings, settlements created in most cases by unknown masters on the basis of the national architectural and construction traditions reflecting mentality of the Russian peasantry where the defining place belongs to the national Orthodoxy and mythopoetic outlook. The author for the first time conducted a complex culturological research of national architecture of the Russian North as reflections of the cultural meaning of life of the unique Russian region, the concept «The Russian North – the Special Territory of Heritage» is created and proved. The research is conducted in a culturological perspective for manifesting the Russian chronotope in it - a cultural landscape of the northern village. In the work the model of conceptualization of national architecture is proved. To detect the cultural code of the Russian North (national wooden architecture) the metaphor is offered «how the measure and beauty will tell». Exactly in the north all those perfect forms of wooden architecture were developed, which were continuously influencing the whole set of the Russian art within centuries.

Key words: traditional culture, wooden architecture, temple, chapel, cross, house, rural historical settlement, Russian North, Arctic.

Русский Север! Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем... Я зачарован им до конца моих дней. В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории, человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба, грозной силы камня, бурь, холода, снега и воздуха

Д. С. Лихачев

В отечественной традиции исследования памятников архитектуры сложилась устойчивая практика рассматривать их либо с исторической, либо с археологической, либо искусствоведческой точки зрения. Сравнительно недавно памятники архитектуры стали изучаться в новом, интегративном научном горизонте – как произведения культуры, имеющие большое значение для понимания истории культуры в целом. В настоящем исследовании я основываюсь на том, что «история искусства должна писаться как история культуры» [2, с. 195].

«Русский Север» уже около двух столетий – это не только устойчивое словосочетание, вобравшее в себя особенности российского менталитета, но и понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Культурный смысл северного поселения для современной России определяется тем, что это своего рода утопия, «*благословенная страна*». Русский Север – своеобразная территория, не столько изолированная пространственно, сколько обособленная духовно. Культурный смысл этих земель для России связан с тем, что на Русском Севере сложилась если не идеальная, то по-своему гармоничная система организации жизни, которая в России не была востребована. Бытие Русского Севера – это модель жизни свободного, даже в эпоху крепостничества независимого, экономически обеспеченного, верующего русского крестьянина, «государственника» по своему мышлению, «нигде в России крестьянин не добился большего успеха, чем крестьянин Севера, отстаивший границы своих земель и свой не закрепощенный статус» [7, с. 11]. Жители Русского Севера были скорее своего рода *гражданами мира*, чем подневольными подданными Российской империи.

Для характеристики культурного кода Русского Севера мною предложена метафора, берущая свое начало в строительной терми-

нологии русского деревянного зодчества и воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения: «*Как мера и красота скажут*». Именно такие выражения встречаются в старинных договорах, которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками). Проведенное исследование позволило сформулировать впервые выдвинутое положение: *культурным кодом Русского Севера является народное деревянное зодчество*.

Для ученого очень важно выбрать правильный научный курс и следовать этому пути всю свою жизнь. Мой курс был выбран много лет назад и продолжается до сих пор. Исследование продолжает и обобщает мои предыдущие издания о культуре Русского Севера и его уникальном деревянном зодчестве, но в тоже время открывает новые аспекты этого культурного феномена.

История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Европейского (Русского) Севера. В исследовании автор исходит из синонимического значения – Русский и Европейский Север [7, с. 57-59] «На Севере... были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» [1, с. 336].

Изучение народной архитектуры в России долгое время было сосредоточено только на культовом зодчестве. Храмы были выявлены в конце XIX – первой половине XX веков И. Э. Грабарем, В. В. Суловым, М. В. Красовским и др., в середине XX века изучалось гражданское зодчество (И. В. Маковецкий и др.). Осознание истинной ценности деревянного зодчества как целостного комплекса пришло только в 1970-е годы. Это ознаменовалась «залповой» защитой трех докторских диссертаций по народной архитектуре, которые были посвящены деревянному зодчеству

Заонежья: Л. М. Лисенко «Деревянное зодчество русского народа (Заонежье)», 1976; А. В. Ополовников «Реставрация памятников народного зодчества», 1976; В. П. Орфинский «Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности», 1977. В 1981 году была защищена докторская диссертация Ю. С. Ушаковым «Ансамбль в народном зодчестве русского Севера: пространственная организация, композиционные приемы, восприятие».

В основе моего научного направления – докторская диссертация «Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера» (2011), позднее изданная как обобщающая монография [7]. Работа явилась первым междисциплинарным исследованием народной архитектуры, опирающимся на опыт культурологического изучения исторического наследия.

Непосредственной исследовательской базой работы являются: ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. акад. Н. П. Лаверова Российской академии наук» (Архангельск) и ведущая научная школа России по культурологии при ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (Ярославль). Научный консультант диссертации: Т. С. Злотникова, доктор искусствоведения, профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, научный руководитель Национального исследовательского центра «Мир русской провинции», заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования, создатель и глава ведущей научной школы России по культурологии.

В основе исследования лежит полевой материал 34 экспедиций, в которых были обследованы 368 поселений Русского Севера; в 25 экспедициях я была руководителем, в 9 – участником. Общее количество обследованных памятников и артефактов народной архитектуры, элементов декора, предметов материальной культуры и крестьянского быта – около 10 тыс., в 80 % случаев они выявлены впервые, из них около 200 составляют обмеры. Мною введены в научный обиход и опубликованы 1 209 памятников и артефактов народной архитектуры, предметов традиционной культуры, из них впервые введе-

ны в научный оборот – 220, из них 107 – в с. Кимжа на Мезени [12].

Другая значительная часть материала была собрана в архивах и музеях Архангельска, Архангельской области, Карелии, Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга, а также материалы, составившие основу личного опыта, приобретенного в результате научных стажировок и многолетнего изучения экспозиций музеев под открытым небом и памятников народной архитектуры «in situ» в России и Западной Европе [13].

Проведенная работа по изучению Русского Севера как уникальной территории культурного наследия позволила выявить культурные смыслы народного деревянного зодчества, выстроить типологию, выявить закономерности и противоречия развития и разработать модель, структура которой отражает особенности излучавшегося культурного феномена. В кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» уже около двух столетий – это не только устойчивое словосочетание, вобравшее в себя особенности российского менталитета, но и понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания и занимает одно из важнейших мест на культурной карте России. Как особый регион российского культурного наследия по своей значимости он соотносим с уникальными комплексами национальной и мировой культуры.

В ходе исследования многочисленных артефактов и ландшафтов установлено, что особенности культуры Русского Севера – это результат проявления в ней русского хронотопа: смыслового единства времени и пространства, в качестве предметного воплощения времени и пространства выступает культурный ландшафт северной деревни. На Севере именно природный ландшафт определил направление колонизационных потоков, тип расселения, планировку поселений. Так, предпочтение отдавалось рекам, игравшим роль основных транспортных артерий края. Исследование позволило соотнести культурный ландшафт с топонимикой и даже с диалектами местного населения. Выделение локальных групп соотносено с бассейнами рек, поэтому в севернорусской ономастике доминируют речные наименования: двиняне, пи-

нежане, важане, пижемцы, кулойцы, мезена, кокшары.

Широко представленный в исследовании эмпирический материал позволил доказать, что для Русского Севера наиболее характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами, что привело к созданию определенных архитектурно-природных ансамблей. Причем важно, что данное суждение вынесено на основе не только теоретической реконструкции, но и непосредственного обследования многочисленных сохранившихся артефактов. Это связано с тем, что условия исторического развития северных территорий способствовали своеобразной консервации реликтового крестьянского ландшафта, который в настоящее время является объектом российского и мирового культурного наследия [14].

Таким образом, одним из выявленных нами культурных смыслов народного деревянного зодчества непосредственно актуализируется в понятии *территория наследия*, что подразумевает территорию, ограниченную географическими и этнографическими параметрами, где сохранились объекты историко-культурного наследия, не всегда верифицированные как таковые, сконцентрированные в силу многих причин и вопреки вмешательству техногенных сил в определенной степени изоляции. Я показала: в связи с тем, что *Русский Север* сохранил именно такие специфические ареалы с определенными старинными артефактами, он является *особой территорией наследия* [8].

Детально изучавшийся *сельский культурный ландшафт* в определенном нами аспекте культурных смыслов – это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру. До настоящего времени Русский Север сохранил во многом нетронутые пласты народной культуры. Здесь сконцентрированы выдающиеся архитектурные памятники – замечательные образцы древнерусского деревянного зодчества, монастырские ансамбли, исторические поселения и города. Проведенное исследование позволяет утверждать, что культурный ландшафт Русского Севера – это, прежде всего ландшафт крестьянских (сельских) поселений.

По социально-экономическим признакам я выделяю следующие типы поселения: *погост, деревня, село, почин (выставка, окол), слобода и посад*.

Мы остановили специальное внимание на характерном для Севера понятии «коренная деревня», что означает давно существующее, исконное поселение. Исследования деревянного народного зодчества в таких поселениях привело к пониманию того, что большинство поселений образовалось здесь следующим образом: первый поселенец ставил свой дом-двор в том месте, где было удобно вести сельскохозяйственные работы, ловить рыбу, охотиться, а также где были доступные пути сообщения. Когда число людей превышало количество пахотных земель, необходимых для их существования, от деревни на новом месте отпочковывалось дочернее поселение. Так образовывалось гнездо поселений.

В работе исследованы и определены в своих культурно-семантических особенностях сакральные смыслы народной архитектуры Русского Севера; этот исследовательский вектор представляет не разработанное ранее направление в сфере культурологии, а именно: изучение культовой народной архитектуры в историко-типологическом и структурно-семантическом аспектах. Данное направление, в котором проведена работа, позволяет установить, что семантика и архитектурно-художественный образ народной культовой архитектуры (храм, часовня, крест) является отражением коллективной ментальности крестьянства, соотносясь с культурными смыслами православной картины мира.

Однако народное деревянное зодчество, как было установлено, обладает не только духовно значимыми, но и материально воплощенными смыслами, которые, в свою очередь, рождены созидательной деятельностью местных жителей. Это связано с тем, что в XVII–XIX веках на Русском Севере сформировалась уникальная строительная культура, включавшая в себя технические и художественные способы обработки дерева. Строительные традиции в культовом зодчестве Русского Севера достигли своего расцвета в XVII–XVIII веках, в гражданской архитектуре – к середине – концу XIX века. Высокая строительная культура Русского Севера берет свои истоки в плотницкой традиции Древнего Новгорода [10].

В ходе изучения эмпирического материала нами также установлено, что семантика строительной обрядности выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Русского Севера оберегали свои сакральные ценности, в ней отражалось своеобразие народной культуры, ее связь с окружающим миром. В строительной обрядности существенная роль принадлежит таким аспектам, как выбор места, времени и материала для строительства, обряд строительной жертвы, укладка первого венца, обряд перехода в новый дом. Культурные смыслы народной архитектуры, найдя отражение в плотницком мастерстве, коснулись сакрализации, как самого ремесла, так и его главного инструмента – топора. Конструктивно деревянные постройки возводились практически без гвоздей. Бревна связывались между собой в венцы. Наибольшее распространение получили типы рубок: «в обло», «в лапу», самцовая конструкция кровли также делалась без гвоздей. Крестьяне применяли деревянные гвозди – «нагели» или использовали минимальное количество железных гвоздей. Плотницкое мастерство и строительная обрядность на Русском Севере имели глубокий культурный смысл с явным сакральным вектором.

Таким образом, мы утверждаем, что высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство. В *храме* воплощался образ Вселенной. Храм как обобщенный семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского мира. В культурном ландшафте Русского Севера сформировался его высокий статус. Для человека организованное им жилое пространство – своеобразная модель окружающего мира [11].

Храмы же, как символы мироздания господствуют в пространстве, где жилище человека составляет второй план, хозяйственные постройки – третий. Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края; так же как и названия деревень, храмонаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. Значимая роль храма в структуре микро- и макрокосмоса Русского Севера отразилась также в исторических преданиях и легендах

о выборе места для строительства храма (часовни), поселения. Этот выбор делался с помощью гаданий и живых священных животных (конь), а также предметов (дерево, икона, крест, свеча), обладающих высокой степенью семиотичности и особым сакральным статусом в традиционной крестьянской культуре.

Особое значение исследование храмов имело в силу того, что основу мировоззрения русского крестьянства составляло православие, куда вошли дохристианские, языческие верования славян, получившее в настоящее время название «народное православие». Мы показали, что в культурологическом исследовании по народной архитектуре важен был подход, который предусматривал аутентичное рассмотрение культуры, что дает большие возможности для понимания глубинного смысла культурных традиций, для реконструкции целостной картины мира их носителей. Для характеристики смыслополагания изучавшегося феномена – культурного кода Русского Севера (в качестве которого и определено народное деревянное зодчество) – предложена метафора, берущая свое начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества и воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения: *«Как мера и красота скажут»*. В старинных договорах, которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками), обычно встречаются именно такие выражения: *«...а строить высотую, как мера и красота скажут»* [6].

Развивая изучение сакрального культурного смысла народного деревянного зодчества, мы установили, что *часовня*, которая как безалтарный храм предназначалась для упрощенного богослужения без литургии, на Русском Севере служила местом молитвенных собраний жителей малодворных деревень, населенных членами одной патриархальной семьи. Находясь на Севере в отдалении от церквей, часовни были храмами малого крестьянского прихода и сохраняли автономность существования, особую атмосферу совершения обрядов. Часовни – одно из наиболее ярких проявлений народной архитектуры Русского Севера, они прочно вошли в сложившуюся систему культурного и сакрального ландшафта. Причины постановки часовен

мы определили исходя из их типологических признаков: *место проведения богослужения, поминовения, часовни-усыпальницы, обетные и «обыденные» часовни*. Мы также установили, что характерным явлением морской культуры Поморья было возведение *промысловых часовен* в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов, на островах Белого и Баренцева морей. *Старообрядческие часовни* оставались единственной разновидностью храмов, признаваемой ревнителями «истинного благочестия» [4].

Важный аспект исследования культурных смыслов деревянного народного зодчества актуализирован в традиции постановки деревянных *крестов* (в разных регионах России существовала с XI века). С учетом их многофункциональности кресты рассмотрены как памятники архитектуры и скульптуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. Кресты, которые сохранились на Русском Севере до настоящего времени (значительная часть их располагалась на побережье Белого моря, на островах Соловецкого архипелага, на Новой земле, в бассейнах рек Мезени, Пинеги, на Каргополье) датированы XIX – первой половиной XX века. Типологически деревянные кресты отнесены к следующим группам, учитывая ту роль, которую они выполняли: *поклонные, обетные, памятные, маячные, поминальные, охранительные, кладбищенские, благодарственные*. В особую группу на Русском Севере выделяются поморские кресты, которые возводились на побережье и островах Белого и Баренцева морей.

Анализ среды и артефактов позволил установить, что крест как один из главных символов православия занимал центральное место в культурном ландшафте Русского Севера. Глубокий сакральный смысл, заключенный в образе креста, отражает семантику памяти – осмысление дрящейся во времени жизни и отношение ее к вечности. В Поморье, где сложилась морская культура, культурный смысл креста дополнительно отражал особые условия жизни, был центром окружающего пространства, выполняя в нем защитную и сакральную миссию.

Смыслополагание *крестьянского дома*, представляющего собой жилой комплекс дома-двора, в условиях Севера связано с тем,

что такой дом являлся одним из главных способов освоения природной среды [5, 9]. Это нашло отражение в архитектурно-конструктивных особенностях, типологии, декоре. Интерьер дома синтезирует в пространственно-предметной и символической форме повседневную культуру и ритуально-сакральные основы жизни традиционной крестьянской семьи. Дом – это пространственно-предметная среда удовлетворения важнейших биологических потребностей крестьянской семьи: защита от неблагоприятных природно-климатических условий Севера, место питания, сна, продолжения рода. Однако культурный смысл дома на Русском Севере носит не только обыденный, но и обобщенный характер. Для крестьянина дом – это модель мира, синоним родины, он воплощает идею семьи и продолжение рода. Дом осмыслялся в повседневной народной культуре как сосредоточение основных жизненных ценностей таких как счастье, достаток, единство семьи и рода, включая не только живых, но и умерших. Важнейшие символические функции дома – защитная, сакральная, ритуальная.

В ходе обобщения значительного по объему эмпирического материала мы выработали *три основных принципа*, на основе которых может быть построена *типология северного дома*: 1) по способу соединения жилья и двора; 2) по конструктивно-планировочному решению жилой части; 3) по внутренней планировке избы. Так, в зависимости от соотношения жилой и хозяйственной части выделены следующие типы: «*брус*», «*глаголь*», «*кошель*», «*T-образная связь*», «*двухрядная связь*». По конструктивно-планировочному решению жилой части получили распространение избы: *четырехстенки, шестистенки* (с вариантами: *изба с прирубом, изба-двойня без заулка, изба-двойня с заулком*), *пятистенки и крестовики*. По внутренней планировке русского дома выделяются: *севернорусский, восточный южнорусский, западный южнорусский, западнорусский*.

Изученная нами повседневная жизнь крестьянской семьи протекала в семиотически насыщенной пространственной среде. Семиотический статус внутреннего пространства жилища и предметов интерьера нашел отражение в структурной организации пространства дома: стены, крыша, пол, потолок, печь, дверь, порог, окно, матица, воронцы, «*бабий кут*», «*красный*

угол», икона, стол, скатерть, посуда и др. Предметная среда севернорусского дома с ее (среды) пространственными координатами «пронизана» временем и формирует динамику жизни его обитателей. Вещь как феномен культуры, обладая способностью аккумулировать традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание, а в контексте повседневной культуры северного дома, выступает в качестве культурного текста определенной исторически обусловленной знаковой системы. Семиотический статус северного крестьянского жилища в его пространственной организации и в смыслах вещей, его наполняющих, был достаточно устойчивым, традиционным, хотя и менялся в определенных ритуалами ситуациях (свадьба, похороны, рождение ребенка, обыденность).

Культурные смыслы, присущие не только целостной системе – дому, но и его отдельной компоненте – декору, в крестьянском жилище непосредственно связаны с жизнью людей Русского Севера. В орнаменте резьбы или скульптурных фигурах, украшающих северный дом, воплотилось ментально значимое понимание микро- и макрокосмоса. Особенностью орнаментальной символики являлось то, что это были не единичные символы, а целостная система. Символика декоративного убранства неотделима от архитектурно-конструктивных элементов северного дома-двора. Типология декоративных украшений народного зодчества определена нами через триаду: функция – канон – украшение [3]. Культурные смыслы конкретных изображений-символов в декоративном убранстве опирались на фитоморфные, орнитоморфные, зооморфные, антропоморфные изображения, воплощенные в скульптурной, трехгранно-выемчатой, плоской резьбе, домовой росписи. Именно поэтому традиционное народное зодчество, обладая комплексом культурных смыслов, в основе своей было магически-сакральным.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют прийти к выводу о том, что культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера имеют целостную семантическую природу, выражаемую через *четырёхчастную модель*:

– человек – свободный, духовно-наполненный, трудящийся, верующий, собирающий вокруг себя семью и близких;

– крестьянское жилище, дом-двор с соответствующим декором, архитектурно-конструктивными особенностями;

– сакральные сооружения (храм, часовня, крест);

– сельский мир, представленный в традиционном поселении Русского Севера, имея самостоятельную ценность и семантические характеристики, органично входит в состав целостного понятия «Русский Север – особая территория наследия».

Практическая значимость произведенного исследования определяется возможностью экстраполяции разработанной методологии при исследовании конкретных проявлений русской культуры и мирового культурного опыта. Полученные выводы могут учитываться в процессе формирования региональной культурной политики в области социального и культурного развития России, федеральных целевых программ.

Практическое значение работы связано также с тем, что ее материалы могут быть использованы при изучении памятников народного зодчества и создании музеев под открытым небом, для дальнейшей разработки концептуальных предложений и практических рекомендаций по сохранению сельских культурных ландшафтов, поселений, отдельных памятников архитектуры как объектов культурного наследия Архангельской области и Российской Федерации. Непосредственно на основании проведенного исследования даны рекомендации по сохранению народной архитектуры и сельского культурного ландшафта как единого памятника культурного наследия: «Достопримечательное место – с. Кимжа, Мезенский район, Архангельская область» федерального значения РФ. Результаты исследования внедрены в образовательный процесс ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (филиал в г. Архангельске).

Перспектива данного направления – продолжение исследований новых, не введенных в научный оборот поселений и артефактов народной архитектуры Русского Севера.

Модель культурного ландшафта удобна для организации и проведения междисци-

плинарных исследований в силу своей пластичности, поскольку позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от направленности самого исследования. Фиксация на одном из компонентов не исключает, а предполагает его связь с другими исследованиями в области: истории, архитектуры, культурологии, искусствоведения, этнологии, культурной антропологии, археологии, культурной географии, фольклористики, этнолингвистики, визуальной антропологии. В рамках общей направленности исследований по Арктике в Архангельской области это может определяться как «Исторические поселения в культурном ландшафте Баренц Евро-Арктического региона», территориально это охватывает побережье Белого, Баренцева, Карского, Норвежского морей (Архангельская, Мурманская области, НАО, Карелия, Норвегия, Финляндия).

Проведенное исследование позволяет сформулировать впервые выдвинутое положение: культурным кодом Русского Севера является народное деревянное зодчество. Соответственно культурными смыслами народной архитектуры Русского Севера следует признать сакральные, повседневные, а также интегрирующие мифопоэтические и присущие народному православию представления, соединенные в целостную картину мира, материальным воплощением которой является сельское поселение. Моделирующие качества культурного смыслополагания Русского Севера сконцентрированы в народной архитектуре, поскольку это единственный круг артефактов, который материально сохранился. Поэтому представляется возможным утверждать: построенная и разносторонне изученная нами модель, сохранившая свои материальные и духовные составляющие на Русском Севере, имеет специфическое и важное научное значение [15].

Библиографический список

1. Грабарь, И. Э. История русского искусства. В 6 т. Т. 1. Архитектура. До-Петровская эпоха [Текст] / И. Э. Грабарь. – СПб. : Изд-во И. Кнебеля, 1910. – 508 с.
2. Грабарь, И. Э. Письма. 1891-1917 [Текст] / И. Э. Грабарь. – М. : Наука, 1974. – 468 с.
3. Пермиловская, А. Б. Декоративное убранство как часть конструкции жилища и «конструк-

ции» крестьянского мировоззрения [Текст] // Культура и искусство. – 2018. – № 2. – С. 33-40.

4. Пермиловская, А. Б. Деревянные часовни в православных традициях Русского Севера и Арктики [Текст] // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2017. – Вып. 27. – С. 69-88.

5. Пермиловская, А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века) [Текст]: научная монография / А. Б. Пермиловская. – Архангельск : Правда Севера, 2005. – 312 с.

6. Пермиловская, А. Б. Культурная народная архитектура как явление русской национальной культуры (по материалам Русского Севера и Арктики) [Текст] // Ярославский педагогический Вестник. – 2018. – № 5. – С. 336-344.

7. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера [Текст]: научная монография / А. Б. Пермиловская. – Екатеринбург : УрО РАН; Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера»; Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – 608 с.

8. Пермиловская, А. Б. Русский Север как особая территория наследия [Текст]: научная монография / А. Б. Пермиловская. – Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 552 с.

9. Пермиловская, А. Б. Северный дом [Текст]: научная монография / А. Б. Пермиловская. – Петрозаводск : Петропресс, 2000. – 224 с.

10. Permilovskaya, A. Carpentry Traditions in the Russian North and their Realization in the. Open Air Museum / Anna Permilovskaya. – Croatia, 2002. – P. 150-155.

11. Permilovskaya, A. Church Construction: Values and Meanings in Traditional Culture of Northern Russia / Anna Permilovskaya // Folk Heritage the World: From the Past though the Present into the Future. – Minsk, 2009. – P. 46-47.

12. Permilovskaya, A. Kimzha: New Prospects for Creating the Open-Air Museum «in situ» in the Russian North / Anna Permilovskaya // Conference Report 2005. 22th Conference 2005 of Association of European Open Museums. Turku: Provincial Museum, Finland. – 2007. – P. 88-95.

13. Permilovskaya, A. Open Air Museum in the XXI-st Century / Anna Permilovskaya // Zeszyty Naukowe (Science Journals). Poland: Muzeum Budownictwa Ludowego – Parku Etnograficznego w Olsztynku. – 2014. – № 4. – P. 171-180.

14. Permilovskaya, A. Rural Cultural Landscape of Russia as Object of Heritage (Wiejski krajobraz kulturowi Rosji jako element dziedzictwa) / Anna Permilovskaya // Contemporary Rural Landscape / edited by Romana Cielatkowska, Joanna Poczobut. Poland, Tuchula : Publishing House of the University

of Environmental Management in Tuchola, 2011. – P. 126-132.

15. Permilovskaya, A. Wooden Folk Architecture in Western Russia / Anna Permilovskaya // HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet. (Architectural Encyclopedia) / General Editor: Sandra Piesik. UK, London : Thames & Hudson LTD, 2017. P. 392-397.

Reference List

1. Grabar', I. Je. Istorija russkogo iskusstva. V 6 t. T. 1. Arhitektura. Do-Petrovskaja jepoha = History of the Russian art. In 6 v. V. 1. Architecture. The pre-Peter era [Tekst] / I. Je. Grabar'. – SPb. : Izd-vo I. Knebelja, 1910. – 508 s.

2. Grabar', I. Je. Pis'ma. 1891-1917 = Letters. 1891-1917 [Tekst] / I. Je. Grabar'. – M. : Nauka, 1974. – 468 s.

3. Permilovskaja, A. B. Dekorativnoe ubranstvo kak chast' konstrukcii zhilishha i «konstrukcii» krest'janskogo mirovozzrenija = Decorative dressing as a part of a dwelling structure and «construction» of country outlook [Tekst] // Kul'tura i iskusstvo. – 2018. – № 2. – S. 33-40.

4. Permilovskaja, A. B. Derevjannye chasovni v pravoslavnyh tradicijah Russkogo Severa i Arktiki = Wooden chapels in Orthodox traditions of the Russian North and the Arctic [Tekst] // Vestnik PSTGU. Serija V: Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva. – 2017. – Vyp. 27. – S. 69-88.

5. Permilovskaja, A. B. Krest'janskij dom v kul'ture Russkogo Severa (XIX – nachalo XX veka) = The country house in the culture of the Russian North (XIX – the beginning of the XX century) [Tekst] : nauchnaja monografija / A. B. Permilovskaja. – Arhangel'sk : Pravda Severa, 2005. – 312 s.

6. Permilovskaja, A. B. Kul'tovaja narodnaja arhitektura kak javlenie russkoj nacional'noj kul'tury (po materialam Russkogo Severa i Arktiki) = Cult national architecture as a phenomenon of the Russian national culture (on materials of the Russian North and the Arctic) [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij Vestnik. – 2018. – № 5. – S. 336-344.

7. Permilovskaja, A. B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa = Cultural meanings of national architecture of the Russian North [Tekst] : nauchnaja monografija / A. B. Permilovskaja. – Ekate-

rinburg : UrO RAN ; Arhangel'sk : OAO «IPP «Pravda Severa»; Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2013. – 608 s.

8. Permilovskaja, A. B. Russkij Sever kak osobaja territorija nasledija = Russian North as a special territory of heritage [Tekst] : nauchnaja monografija / A. B. Permilovskaja. – Arhangel'sk : OAO «IPP «Pravda Severa»; Ekaterinburg : UrO RAN, 2010. – 552 s.

9. Permilovskaja, A. B. Severnyj dom = Northern house [Tekst] : nauchnaja monografija / A. B. Permilovskaja. – Petrozavodsk : Petropress, 2000. – 224 s.

10. Permilovskaja, A. Carpentry Traditions in the Russian North and their Realization in the. Open Air Museum / Anna Permilovskaja. – Croatia, 2002. – P. 150-155.

11. Permilovskaja, A. Church Construction: Values and Meanings in Traditional Culture of. Northern Russia / Anna Permilovskaja // Folk Heritage the World: From the Past though the Present into the Future. – Minsk, 2009. – P. 46-47.

12. Permilovskaja, A. Kimzha: New Prospects for Creating the Open-Air Museum «in situ» in the Russian North / Anna Permilovskaja // Conference Report 2005. 22th Conference 2005 of Association of European Open Museums. Turku: Provincial Museum, Finland. – 2007. – P. 88-95.

13. Permilovskaja, A. Open Air Museum in the XXI-st Century / Anna Permilovskaja // Zeszyty Naukowe (Science Journals). Poland : Muzeum Budownictwa Ludowego – Parku Etnograficznego w Olsztynku. – 2014. – № 4. – P. 171-180.

14. Permilovskaja, A. Rural Cultural Landscape of Russia as Object of Heritage (Wiejski krajobraz kulturowi Rosji jako element dziedzictwa) / Anna Permilovskaja // Contemporary Rural Landscape / edited by Romana Cielatkowska, Joanna Poczobut. Poland, Tuchola : Publishing House of the University of Environmental Management in Tuchola, 2011. – P. 126-132.

15. Permilovskaja, A. Wooden Folk Architecture in Western Russia / Anna Permilovskaja // HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet. (Architectural Encyclopedia) / General Editor: Sandra Piesik. UK, London : Thames & Hudson LTD, 2017. R. 392-397.

В. А. Мазиллов

<https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Китайский опыт В. С. Филатова при создании Ярославской психологической школы

В статье описана командировка профессора Ярославского педагогического института В. С. Филатова в Китай в 1954-1956 гг. Описаны виды деятельности консультанта по вопросам культуры В. С. Филатова, охарактеризованы направления работы. Статья дает представление о характере реформ образования в КНР в пятидесятые годы XX столетия: обеспечение быстро растущей школьной сети кадрами квалифицированных учителей, взаимодействие института и школ, политехнизация школы, воспитание у учащихся чувства общественного долга, распространение метода проектов, Дальтон-плана и метода тестов.

Ключевые слова: образование, сотрудничество, Китай, В. С. Филатов, ЯГПУ, школьная реформа КНР, Министерство просвещения КНР.

V. A. Mazilov

V. S. Filatov's Chinese experience during the Yaroslavl psychological school foundation

In the article the business trip of Professor of Yaroslavl Pedagogical Institute V. S. Filatov to China in 1954-1956 is described. Types of activity of the consultant for questions of culture V. S. Filatov are described, work directions are characterized. The article gives an idea on the nature of education reforms in the People's Republic of China in the fifties of the XX century: provision of a quickly growing school network with staff of qualified teachers, interaction of the Institute and schools, polytechnicalization of school, education of pupils' feeling of public duty, distribution of the method of projects, Dalton Plan and method of tests.

Key words: education, cooperation, China, V. S. Filatov, YSPU, school reform in the People's Republic of China, the Ministry of Public Education of the People's Republic of China.

子曰、學而時習之、不亦說乎、有朋自遠方來、不亦樂乎、人不知而不愠、不亦君子乎。

Все, конечно же, помнят, как начинается «Лунь Юй» великого Конфуция: «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?» Все просвещенное человечество ныне в XXI столетии через два с половиной тысячелетия после Кун Цзы, принимая доктрину «обучения через всю жизнь», действует в полном соответствии с заветами знаменитого китайского мыслителя.

Два года назад в России вышла интересная книга Цзинь Ли «Культурные основы обучения. Восток и запад» [8]. В ней отстаивается мысль, что «Восток и Запад имеют принципиально различные представления об обучении, которые влияют на отношение к детям и образованию. Рассматривая результаты многих лет исследований, показывает важное концептуальное различие между западной моделью образовательного процесса, ориентированной на разум, и восточной моделью, ориентиро-

ванной на добродетель» [8, с. 2]. Если для Запада на первом месте задача формирования разума для понимания мира, то для Востока наиболее значимо, как говорят в Китае, «сто лет возвращать человека», то есть уделяется внимание, прежде всего, нравственному и социальному самосовершенствованию. Книгу Цзинь Ли вспомнили, потому что в ней убедительно показано: эти модели – западная и восточная – имеют многовековые традиции, проявляются в психологии образовательного процесса, сказываются на результате обучения, отношении к другим обучающимся, выражении того, что знает человек, направляющих усилиях родителей и т. д. Несмотря на ускорение в наши дни культурного обмена, эти модели образовательного процесса не ослабевают, но выдерживают проверку временем [8, с. 2].

В жизни и отдельных людей, и целых стран бывают такие этапы, когда случается активно взаимодействовать: тогда соприкасаются традиции и культурные, и образовательные модели, в частности, происходит взаимное влияние культур...

В личном деле профессора Ярославского педагогического института В. С. Филатова хранится телеграмма, предписывающая директору Ярославского педагогического института Василию Степановичу Филатову передать дела заместителю и прибыть в Москву для отправки в командировку в Китайскую Народную Республику.

Так начался китайский этап деятельности создателя Ярославской психологической школы профессора Василия Степановича Филатова. Так профессор Филатов оказался «другом, прибывшим издалека» для того, чтобы способствовать развитию образования в стране Конфуция... Как мы увидим далее, это было «радостно»...

В начале скажем несколько слов о профессоре Филатове...

Ровесник века, В. С. Филатов родился 24 августа 1900 года в крестьянской семье в селе Промзино Алатырского уезда Симбирской губернии. В 1915 году, закончив Высшее начальное училище, занимался репетиторством и готовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости. В 1917 году Василий Степанович выдержал экзамены (экстерном), дающие право преподавать в двухклассных сельских училищах, начал педагогическую работу. В том же 1917 году окончил восьмой (педагогический) класс гимназии и поступил на филологический факультет Казанского университета, где проучился 2 года. В 1921 г., по студенческой мобилизации был направлен на политпросветработу при штабе дивизии Казанского военного округа [2-4, 6]. Обратим внимание на то, что согласно архивным данным, обучался В. С. Филатов на филологическом факультете, а не на медицинском [1, л. 138]. После демобилизации В. С. Филатов работает лектором Губполитпросвета в Одессе. В 1922-1923 гг. – комиссар Опродкомгуба (Винница) [1, л. 138]. «Опродкомгуб» означал «Особую губернскую продовольственную комиссию», которая по замыслу новых властей должна была досыта накормить изголодавшихся жителей губернии. В 1923 году продолжает учебу: сначала в Одессе, где слушает лекции С. Л. Рубинштейна, а затем во 2-м МГУ. После реорганизации последнего

переводится в Ленинград в ЛГПИ им. Герцена, который оканчивает в 1926 году по педагогическому отделению. После окончания института работает преподавателем в Покровском педагогическом училище в Подмоскowie, где преподает психологические и педагогические дисциплины. В августе 1927 года становится научным сотрудником и одновременно аспирантом научно-исследовательского института педагогики в Москве. С 1930 года В. С. Филатов работает на руководящих должностях в ряде вузов СССР: в 1930-1931 гг. доцент и заведующий кафедрой психологии Краснодарского педагогического института, в 1931-1933 гг. доцент кафедры психологии и заместитель директора педагогического института в Ставрополе; в 1933-1941 гг. доцент, заведующий кафедрой психологии и заместитель директора педагогического института в Калининне [3, 4].

В 1941-1942 – доцент в педагогическом институте г. Соликамск. В 1942-1944 гг. В. С. Филатов работает заведующим отделом пропаганды и агитации Кунцевского горкома КПСС Московской области. В 1944-1946 гг. директор областного института усовершенствования учителей и одновременно доцент Московского областного педагогического института. В 1946 году начинается ярославский период деятельности В. С. Филатова.

С 1 сентября 1946 года В. С. Филатов начинает свою работу в Ярославле в Ярославском педагогическом институте. Он назначен заместителем директора института и заведующим кафедрой психологии. Летом 1946 года он окончил Всесоюзные курсы преподавателей логики. Как мы увидим, факт, имеющий большое значение. И вообще можно сказать, что для Ярославского педагогического института начинается новый «филатовский» этап.

С приходом В. С. Филатова кафедра психологии становится самостоятельной (до 1946 года существовала кафедра психологии и педагогики, созданная в 1936 году после постановления ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» «на месте» упраздненной кафедры психологии и педологии). Что важно – при кафедре открывается кабинет логики и психологии, в котором сосредоточивается психологическая литература, накапливается оборудование для проведения лабораторных занятий по психологии.

Мы уже упоминали, что Филатов закончил курсы по логике. По инициативе В. С. Филатова в институте открывается от-

деление логики и психологии, на котором готовили преподавателей этих дисциплин в средней школе. Напомним, что после войны какое-то время эти предметы преподавались в средней школе. Для интересующей нас темы важно подчеркнуть, что в Ярославле теперь появлялись выпускники, имеющие более глубокую психологическую подготовку, чем студенты чисто педагогических специальностей. Некоторые из них (как, например, Г. А. Мурашов, Н. П. Ерастов стали впоследствии членами кафедры). С другой стороны, преподавание психологии на более высоком уровне потребовало повышения квалификации преподавателей и привлечения кадров из Москвы и Ленинграда. По воспоминаниям Г. А. Мурашова, «для ведения отдельных дисциплин приглашались преподаватели и сотрудники московских и ленинградских вузов и научных учреждений. Так историю психологии читал старший научный сотрудник института психологии АПН М. Г. Ярошевский, историю логики ст. научный сотрудник института философии АН СССР А. И. Рубин, практикум по экспериментальной психологии вел старший преподаватель ЯГПИ И. А. Васильев» [6, с. 33].

Нужно согласиться с оценкой Г. А. Мурашова: «Несмотря на все издержки, открытие отделения логики и психологии знаменовало новый этап в развитии психологического образования в стране. поскольку значительно расширилось число центров психологической подготовки, ранее ограниченное четырьмя городами – Москвой, Ленинградом, Тбилиси и Киевом» [6, с. 33].

Сам В. С. Филатов читал лекции по общей психологии и логике. Как отмечает Г. А. Мурашов, В. С. Филатов был хорошим лектором, умел просто и доступно объяснить самые сложные вопросы. Важно отметить, что, способствуя повышению квалификации преподавателей кафедры психологии, Василий Степанович не забывал и о своем научном росте. В октябре 1949 года В. С. Филатов поступает в докторантуру при секторе психологии института философии АН СССР. Научным консультантом, как и ранее руководителем по кандидатской диссертации, был С. Л. Рубинштейн, с которым Филатов был знаком еще по Одессе 1923 года, когда в мореходке слушал лекции будущего классика отечественной психологии.

По окончании докторантуры в 1952 году В. С. Филатов защищает в институте филосо-

фии АН СССР докторскую диссертацию по философским вопросам характера и его формирования. В том же году получает звание профессора, в феврале 1952 года возвращается в Ярославль в качестве директора института и заведующего кафедрой психологии.

Как мы уже отметили, в октябре 1954 года В. С. Филатов отправляется в длительную (по август 1956 года) командировку в Китай, где работает советником Министерства просвещения КНР по высшему образованию, где оказывает помощь не только в развитии педагогических вузов Китая, но и, что особенно важно подчеркнуть, развертыванию научно-исследовательской работы и подготовке научно-педагогических кадров.

Два года в Китае. За это время В. С. Филатов проделал значительную работу по передаче советского опыта по высшему педагогическому образованию и оказал активную практическую помощь в перестройке учебно-организационной и учебно-методической работы педвузов КНР. В дальнейшем мы будем цитировать статью В. С. Филатова в «Учительской газете» [7].

Китайская Народная Республика была образована 1 октября 1949 года. У трудящихся в КНР появились новые перспективы. «Творчески используя советский опыт, Народное правительство Китая добилось больших успехов в народном просвещении путем проведения реформы обучения, расширения сети школ и организации широкой системы внешкольного образования. Уже в 1955-56 учебном году только в обе образовательных школах КНР обучалось около 57 миллионов детей (по сравнению с дореволюционным периодом, то есть с 1949 годом, количество учащихся увеличилось более, чем в 2,5 раза). Дети рабочих и крестьян составляли 80 % от общего числа учеников. В 1956-57 году, как отмечал В. С. Филатов, в школах Китая будет обучаться свыше 62 миллионов учащихся. Перспективным планом двух ближайших пятилеток предусматривается введение всеобщего обязательного обучения и ликвидация тяжелого наследия прошлого – неграмотности среди взрослого населения. С этой целью в настоящее время осуществляется крупное расширение сети педагогических высших учебных заведений и педагогических училищ для подготовки учительских кадров» [7, с. 3].

В. С. Филатов писал в «Учительской газете» в 1956 году: «До образования Китайской

народной республики в стране не было специальных высших учебных заведений. Подготовка учителей проводилась на гуманитарных факультетах университетов и в различного рода религиозных институтах, при этом в совершенно незначительных масштабах (число обучавшихся не превышало 12 тысяч). К началу 1956 года в 42 педагогических и учительских институтах нового Китая обучалось уже около 65 тысяч человек, а в 632 педагогических училищах – 370 тыс. учащихся. В 1956 году вновь открыто 13 педагогических высших учебных заведений (главным образом учительских институтов) и принято более 60.000 студентов, то есть количество учащихся в педагогических вузах только за один год увеличилось почти в два раза. В ближайшей пятилетке (1957-1962 гг.) число студентов в педагогических и учительских институтах вырастет в три раза, а в педучилищах в два раза» [7, с. 3].

«Самой главной и самой важной задачей, определяющей все дальнейшие успехи в развитии народного образования в Китае в настоящее время руководители Министерства просвещения КНР справедливо считают обеспечение быстро растущей школьной сети кадрами квалифицированных учителей. «В течение ближайших 10-12 лет, – сказал в беседе с нами заместитель министра просвещения тов. Лю Ши, – нам нужно подготовить только для средней школы до полутора миллионов учителей, а это потребует широкого и быстрого развития педагогических и учительских институтов. При этом мы должны, – добавил тов. Лю Ши – готовить кадры быстро, хорошо, экономно и в большом количестве» [7, с. 3]. В. С. Филатов отмечает, что «за последние два-три года педагогические и учительские институты Китая добились больших успехов в повышении качества подготовки учителей, установили тесную связь со школами» [7, с. 3].

«Одним из таких примеров тесной и взаимно полезной связи института со школами может служить опыт Сычуанского педагогического института, находящегося в г. Наньчуне. Начиная с 1952 года, Сычуанский институт широко использует самые разнообразные формы связи со школами города. Работники кафедр участвуют в деятельности школьных методических комиссий и объединений, а учителя в свою очередь посещают заседания соответствующих кафедр по методическим вопросам. Преподаватели ин-

ститута посещают отдельные уроки, а затем участвуют в их обсуждении. Кафедры института организуют открытые лекции для учителей города на различные темы, наиболее интересующие учителей» [7, с. 3].

Как отмечает В. С. Филатов, китайских учителей волнуют вопросы: политехнизации школы, и воспитания у учащихся чувства общественного долга [7, с. 3].

В. С. Филатов упоминает и о трудностях, которые приходится решать в ходе реформы образования. Это и иероглифика – В. С. Филатов пишет о реформах китайской письменности, предпринимаемых правительством и направленных на упрощение правил письменности, – и то, что реформа образования проводится в условиях многонационального государства...

Отмечает В. С. Филатов и то, что тормозом в реформе образования является наследие прошлого, в частности, прагматизм. «Свое конкретное выражение идеология прагматизма нашла в игнорировании системы в процессе обучения, в отрыве теории от практики, узком делечестве, в пренебрежительном отношении к методике обучения и организации педагогического процесса в целом. Широкое распространение получили метод проектов, Дальтон-план и метод тестов (последний до сих пор во многих случаях сохраняется в 100-балльной системе оценки знаний учащихся)» [7, с. 3].

«Ученые, работающие на кафедрах филологии, педагогики и психологии выступили в печати со статьями, а некоторые педагогические институты опубликовали сборники статей, разоблачающих реакционную сущность прагматизма» [7, с. 3].

«При встречах с учителями школ и профессорами вузов в Китае я видел и чувствовал, с каким интересом многие из них занимаются изучением русского языка, читают советскую педагогическую прессу. Товарищи очень быстро реагируют на все злободневные вопросы, которые поднимаются в печати. На страницах китайских журналов по народному образованию и учительской газеты «Цзяо сы бао», начавшей выходить с мая 1956 года, нередко публикуются переводные статьи из нашей прессы по вопросам педагогики, психологии и народного образования.

В своих поездках по Китаю я неоднократно встречался и беседовал с профессором Мэн Сянь-чэном – директором педагогического института Восточного Китая в Шанхае,

одного из крупнейших вузов страны. Несмотря на свой весьма почтенный возраст, профессор Мэн с большим интересом занимается изучением русского языка, чтобы иметь возможность читать в оригинале советскую педагогическую литературу, и уже достиг в этом отношении значительных успехов: он не только читает, но и объясняется по-русски» [7, с. 3].

Профессор В. С. Филатов пишет: «Не раз мне приходилось встречаться со студентами факультета русского языка в китайских педагогических вузах, и всегда это встречи приносили глубокое удовлетворение. Нельзя было без волнения видеть тот исключительный энтузиазм, с которым студенты одолевали трудности в изучении русского языка, и ту искреннюю радость, которая выражалась ими при достижении некоторых успехов» [7, с. 3].

«Глубокие искренние чувства дружбы питает китайский народ к нам, советским людям. Находясь в Китае, буквально на каждом шагу ощущаешь эту душевную теплоту, внимание, чуткий отклик на добрые пожелания и советы. Особенно ярко и непосредственно эти чувства проявляются со стороны китайской молодежи, отличающейся в массе своей любознательностью и горячим стремлением учиться всему, что помогает более активно служить своей Родине и участвовать в строительстве новой жизни, строительстве социализма» [7, с. 3].

В целях изучения состояния и перспектив дальнейшего развития высшего педагогического образования, а также оказания консультативной непосредственной помощи на местах В. С. Филатов принял активное участие в инспектировании 19 педагогических и учительских институтов. В. С. Филатовым была оказана большая помощь министерству просвещения в решении вопроса об упорядочении существующей сети педвузов (по факультетам и специальностям), перспективном планировании, в развертывании научно-исследовательской работы и подготовке научно-педагогических кадров для китайских педвузов. В. С. Филатов принял деятельное участие в подготовке и проведении четырех Всекитайских конференций и совещаний по вопросам культуры и просвещения, на которых выступил с докладами о задачах и путях улучшения дела высшего педагогического образования [1, л. 88].

За время работы в Министерстве просвещения КНР Филатов сделал большое количе-

ство докладов для работников аппарата главного управления высшего и среднего педагогического образования, для руководящего состава и профессорско-преподавательских коллективов педвузов по вопросам учебно-методической и научно-исследовательской работы, прочитал ряд лекций по актуальным проблемам философии и психологии. Часть этих материалов опубликована в трех изданиях на китайском языке. Проводил совещания с советскими специалистами, работающими в КНР [1, л. 88].

Не подлежит сомнению, что В. С. Филатов много сделал для развития высшей школы и науки в Китайской Народной Республике. Также несомненно, что сам В. С. Филатов, планируя и организуя учебно-методическую и научно-исследовательскую работу по психологии, философии и педагогике, приобрел бесценный опыт, который, как мы увидим, успешно использовал при создании ярославской психологической школы.

По возвращении из Китая, с 1956 г. начинается целенаправленная работа В. С. Филатова по созданию ярославской школы. Есть основания считать, что ярославская школа именно создавалась ее руководителем, это не был стихийный процесс. При кафедре открывается аспирантура. В 1964 г. в Ярославле создается головная для Министерства просвещения РСФСР лаборатория психологии труда, трудового обучения и воспитания. Первым заведующим лабораторией стал А. В. Филиппов. Открытие же ее было подготовлено исследованиями В. В. Карпова по сигнальному программированию. Избранное им направление работы в области психологии труда и инженерной психологии, создание необходимой экспериментальной базы, поначалу очень скромной, послужило основой для исследований, проведенных позднее на кафедре ее многочисленными сотрудниками и аспирантами. Не останавливаясь подробно, обратим внимание на происходящие на кафедре изменения:

- Приток молодых и энергичных сотрудников.
- Успешная работа аспирантуры.
- Открытие диссертационного совета.
- Активная издательская деятельность, издание сборников научных трудов.
- Активные контакты с другими вузами и участие в научных конференциях.

Кафедра становится межвузовским центром психологии и приобретает заслуженный

авторитет в этой области. Начиная с 1963 г. каждые последующие два-три года здесь проводились межвузовские, а, по существу, всесоюзные и даже международные конференции по проблемам психологии труда, трудового обучения и воспитания. Раз от разу эти конференции становились все более представительными и популярными. В них принимали участие многие ведущие психологи страны: Б. Ф. Ломов, Н. Ф. Добрынин, К. К. Платонов, Е. А. Климов, Д. А. Ошанин, Е. И. Игнатъев, Н. Ф. Талызина, А. В. Петровский, Е. В. Шорохова и мн. другие ученые, психологи из Венгрии и Чехословакии. Отметим и рост авторитета лидера школы: он становится соавтором программ по психологии для педвузов всего СССР, соавтором учебников по психологии. Это действительно стало «визитной карточкой» ярославской школы – сочетание научности и практической ориентированности. Вопрос о том, что считать критериями возникновения школы, несомненно, важен. Скорее всего, на роль критериев могут претендовать нижеприведенные: 1) общая для школы исследовательская проблематика; 2) пространственно-временное единство; 3) принципы, характеризующие исследовательский подход в данной школе; 4) наличие разных поколений ученых в школе; 5) организационные условия – наличие кафедры или лаборатории, института; 6) открытие аспирантуры и решение проблемы воспроизводства научных и преподавательских кадров; 7) проведение научных конференций; 8) издательская деятельность, отражающая научную продукцию школы; 9) признание достижений школы коллегами и научным сообществом. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. произошло становление ярославской психологической школы, которая возникла в ЯГПИ (ныне – Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского), где существует и по сей день.

Библиографический список

1. Архив ЯГПУ [Текст]. – Личное дело № 1291-П. Л. 12
2. Ермаков, А. М. Ректоры ЯГПУ (1908-2013) [Текст] / А. М. Ермаков. – Ярославль : ЯГПУ, 2013. – 128 с.
3. Мазиллов, В. А. Профессор В. С. Филатов как основатель ярославской психологической школы [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 159-171.
4. Мазиллов, В. А. Ярославская психологическая школа: замысел создания, возникновение, развитие [Текст] // Конференциум АСОУ : сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Вып. 2. – Москва : АСОУ, 2018. – С. 450-465.
5. Мурашов, Г. А. Из истории Ярославской психологии [Текст] // Психологический пульс Ярославля / под ред. В. В. Новикова. – Москва ; Ярославль : МАПН, 1998. – С. 21-47.
6. Профессора ЯГПУ (1908-2008): Биографические очерки [Текст] / сост. А. В. Еремин. – Ярославль : ЯГПУ, 2008. – 220 с.
7. Филатов, В. С. Китайская школа на новых путях [Текст] // Учительская газета. – 1956. – С. 3.
8. Цзинь Ли Культурные основы обучения. Восток и запад [Текст] / Цзинь Ли. – М. : Изд-во ВШЭ, 2017. – 464 с.

Reference List

1. Arhiv JaGPU = YSPU archive [Tekst]. Lichnoe delo. – № 1291-P. L. 12
2. Ermakov, A. M. Rektory JaGPU (1908-2013) = YSPU Rectors (1908-2013) [Tekst] / A. M. Ermakov. – Jaroslavl' : JaGPU, 2013. – 128 s.
3. Mazilov, V. A. Professor V. S. Filatov kak osnovatel' jaroslavskoj psihologicheskoj shkoly = Professor V. S. Filatov as a founder of Jaroslavl psychological school [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015 – N 5. – S. 159-171.
4. Mazilov, V. A. Jaroslavskaja psihologicheskaja shkola: zamysel sozdanija, vzniknovenie, razvitie Jaroslavl psychological school: creation plan, emergence, development [Tekst] // Konferencium ASOU : sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno-prakticheskij konferencij. Vyp. 2. – Moskva : ASOU, 2018. – S. 450-465.
5. Murashov, G. A. Iz istorii Jaroslavskoj psihologii = From history of Jaroslavl psychology [Tekst] // Psihologicheskij pul's Jaroslavlja / pod red. V. V. Novikova. – Moskva ; Jaroslavl' : MAPN, 1998. – S. 21-47.
6. Professora JaGPU (1908-2008) = YSPU Professors (1908-2008): Biograficheskie ocherki [Tekst] / sost. A. V. Eremin. – Jaroslavl' : JaGPU, 2008. – 220 s.
7. Filatov, V. S. Kitajskaja shkola na novyh putjah = The Chinese school on the new ways [Tekst] // Uchitel'skaja gazeta. – 1956. – S. 3.
8. Czin' Li Kul'turnye osnovy obuchenija. Vostok i zapad = Cultural bases of training. The East and the West [Tekst] / Czin' Li. – M. : Izd-vo VShJe, 2017. – 464 s.

Чжэн Тиу
<https://orcid.org/0000-0002-9562-5323>

О принципах написания «Истории русской поэзии. С древних времен до наших дней» в китайском литературоведении

В статье излагается концепция создания в китайском литературоведении антологии «История русской поэзии. С древних времен до наших дней» в 2 томах (авторы Чжэн Тиу и Ма Вэйхун), которая выйдет в ближайшее время в Китае. В статье подробно рассматривается история создания подобного рода трудов в российском и китайском литературоведении, анализируются концепции истории русской поэзии, представленные в работах С. Шевырева, В. Белинского, Н. Кадмина, В. Баевского, А. Чагина, В. Зайцева, В. Бердинских, ученых Института русской литературы РАН, а также таких китайских литературоведов, как Сюй Чжифан, Чжу Сяньшэн, Лю Вэньфей, Сюй Сяньсюй, Чжоу Минсянь и делается вывод о потребности китайского литературоведения в осмыслении истории русской поэзии, что соответствует общему видению перспектив китайским и российским научными сообществами. В статье анализируются принципы создания истории русской поэзии с древних времен до наших дней в китайской науке, комментируются основные проблемы, стоящие перед создателями сборника: какую эпоху считать началом русской поэзии, как обеспечить целостность воссоздаваемой поэтической картины, каковы критерии периодизации русской поэзии, какие даты можно считать границами между различными периодами, каковы принципы отбора и ранжирования авторов, в какой мере необходимо учитывать события русской истории при определении периодов развития русской поэзии, какова идейно-содержательная структура сборника. В статье обосновывается разделение представляемой антологии на пять частей: древняя литература, литература восемнадцатого, девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого веков, композиция глав, состоящих из сочетания кратких обзоров, включающих в себя описание присутствующих эпох проблем и исторического фона в целом, характеристики литературных течений, основных положений поэтических направлений, групп и монографических очерков творчества. В статье подчеркивается, что подобное сочетание позволяет представить целостную и единую панораму развития русской поэзии, данная работа основывается на уже имеющихся текстах, посвященных истории поэзии, детально аргументируя новаторский подход «Всеобщей истории российской поэзии» к периодизации и структуре литературного процесса. Подобный подход не только позволил китайским теоретикам составить первый масштабный историко-литературный труд по истории русской поэзии, но и открыл пути для новых исследований.

Ключевые слова: русская поэзия; история литературы, историко-литературный процесс, периодизация, литературное направление, классика, авангард, литературная эпоха.

Zheng Tiwu

About principles in writing «History of Russian poetry. From ancient times to the present day» in the Chinese literary criticism

In the article is presented the concept of creation of the anthology «History of the Russian poetry. From ancient times up to the present day» in 2 volumes (authors are Zheng Tiu and Ma Weihong) in the Chinese literary criticism, which will be released in China in the nearest future. In the article the history of creation of this sort of works in the Russian and Chinese literary criticism is considered in detail, the concepts of history of the Russian poetry are analyzed, which are presented in works by S. Shevyrev, V. Belinsky, N. Kadmin, V. Baevsky, A. Chagin, V. Zaitsev, V. Berdinskikh, scientists of the Institute of the Russian literature of RAS and also such Chinese literary critics as Xu Zhifang, Zhu Xiansheng, Liu Wenfei, Xu Xianxu, Zhou Mingxian and the conclusion is drawn about the need of the Chinese literary criticism in understanding of the Russian poetry history that corresponds to the general vision of prospects by Chinese and Russian scientific communities. In the article the principles for creating the Russian poetry history from ancient times up to the present are analyzed in the Chinese

science, the main problems facing authors of the collection are commented on: what epoch should be considered as the beginning of the Russian poetry, how to provide integrity of the reconstructed poetic picture, what criteria for periodization of the Russian poetry are, what dates should be considered as borders between various periods, what principles are for selection and ranging of authors, in what way it is necessary to consider events of the Russian history when determining the periods of the Russian poetry development, what the ideological and substantial structure of the collection is. In the article the division of the presented anthology into five parts is proved: ancient literature, literature of the eighteenth, nineteenth, twentieth and twenty first centuries, composition of chapters consisting of a combination of brief reviews, problems including the description inherent to the era and a historical background in general, characteristics of literary trends, basic provisions of the poetic directions, groups and monographic essays of creativity. In the article it is emphasized that the similar combination allows presenting a complete and uniform panorama of the Russian poetry development, this work is based on available texts devoted to poetry history and reasoning in detail the innovative approach «General history of the Russian poetry» to the periodization and structure of the literary process. This approach allowed the Chinese theorists not only to make the first large-scale historical-literary work on the Russian poetry history, but also revealed ways for new researches.

Key words: Russian poetry; history of literature, historical-literary process, periodization, literary direction, classics, vanguard, literary era.

1. Создание «Истории русской поэзии» в России и Китае: исторический аспект

Россия является литературной страной и в то же время страной поэзии, ее творческий пафос не угасал еще со времен Пушкина. Соответственно, в русском литературоведении всегда существовала традиция создания литературной истории, и из книг по этой теме можно составить библиотеку: от толстой истории литературы под эгидой Академии наук до университетских учебников, от развернутой периодизации до истории отдельной эпохи, от всеохватывающей общей истории до истории определенной отрасли науки. Однако нетрудно отметить, что среди этих разнообразных трудов по истории литературы чаще всего встречаются истории определенной эпохи, да и история поэзии явно представлена менее заметно по сравнению с историей, например, романа. Разумеется, здесь «история поэзии» понимается в узком смысле, как обобщенное исследование, а не отдельное изучение жизни и творчества какого-то поэта или какой-то конкретной темы и какого-то промежутка времени.

Самая ранняя история русской поэзии восходит к «Истории поэзии», написанной Степаном Шевыревым. Первый том данной книги был опубликован в 1835 году, а второй был приведен в порядок потомками и вышел из печати в 1892 году. Автор смело попытался в одной работе охватить процесс развития поэзии во все времена и во всех странах. Но, к сожалению, он не успел написать о России, к моменту смерти завершив лишь описание Древней Греции и Рима.

В. Г. Белинский написал серию статей о Пушкине, которая имела большое историче-

ское значение. Сам автор отметил, что «это обширная критическая история русской поэзии» [3, с. 318], а другие критики называли эти статьи «истоками сочинения истории русской поэзии с научным характером» [4, с. 6]. Двухтомная «История русской поэзии от древней народной поэзии до наших дней» (1914-1915), написанная Н. Кадминым, наверное, является самой ранней систематической историей поэзии. Н. Кадмин выступал за то, что центральная роль исследования творчества поэзии отдельного писателя вовсе не исключает эстетическую критику на поэтическое произведение, тесную связь личности поэта с этнической и социальной средой, а также зависимость такой личности от предыдущего литературного движения [8]. Такая идея творчества считалась новаторской в контексте своего времени, только автор не до конца реализовал ее в тексте работы. Как показывает название, книга эта действительно охватывает все времена: с древних времен доходит до рубежа XIX и XX веков, а также затрагивает такие новые школы как символизм, акмеизм, футуризм и даже новокрестьянскую поэзию, которые для автора представляли собой современный феномен. Можно сказать, что содержание и метод разделения поэтов на группы в первом томе уже приобрели зримые очертания принципов истории поэзии последующих лет, однако явная путаница наблюдается в разделении поэтов на школы во втором томе – особенно в его второй половине, что по большому счету объясняется трудностями понимания момента из-за слишком малой исторической дистанции.

Двухтомная книга «История русской поэзии, 1968-1969» – коллективный труд, написанный под эгидой Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), является первой и единственной общей историей русской поэзии, подвергаемой «систематическому анализу и научному обсуждению». Она в то же время является и фундаментальным трудом, демонстрирующим изучение истории поэзии в советское время, и имеет глубокое влияние в научных кругах. Книга эта начинается с древних времен и заканчивается Октябрьской революцией 1917 года, а большинство авторов являются авторитетными экспертами в данной отрасли, и поэтому работа сильно выделяется среди подобных исследований подробным анализом и детальным обсуждением. Хотя, конечно, в коллективной работе трудно добиться единства в стиле и концепции, но это не дает повод сомневаться в ее научной ценности, и когда В. С. Баевский презрительно назвал «Историю...» «просто сборником сочинений» [2, с. 5], это было явно несправедливо.

«История русской поэзии» не затронула послереволюционную поэзию, и поэтому такая невыполненная задача была доверена книге «История русской советской поэзии, 1983-1984» также явившейся результатом совместной работы ученых ИРЛИ РАН. Книга разделена на два тома: первый том – с 1917 по 1941 год, а второй – с 1941 по 1980. Это первая попытка системно и научно исследовать русскую советскую поэзию, приведя в хронологический порядок основные направления и тенденции развития русской советской поэзии с Октябрьской революции до 1980 года, а также уточнив основные закономерности этого процесса и в конечном итоге продемонстрировав богатую идейную и художественную ценность русской советской поэзии через детальный анализ произведений поэтов разных стилей. Опираясь на соответствующие результаты исследований, полученные в научных кругах за последние два десятилетия, авторы этой книги подробно описали историю развития русской советской поэзии на протяжении более 60 лет и посвятили отдельные главы следующим 11 поэтам: Маяковскому, Есенину, Исаковскому, Твардовскому, Тихонову, Пастернаку, Ахматовой, Прокофьеву, Заболоцкому, Мартынову и Смелякову. Надо отметить, что этот список, хотя и не остался

без изменений, но в целом не избежал шаблона бывшей истории советской литературы.

После распада СССР и до сих пор не велась работа над общей историей поэзии в строгом смысле этого слова. «История русской поэзии. Компендиум, 1996» В. С. Баевского [2] представляет собой небольшое по объему учебное пособие, однако оно охватывает три столетия – с 1703 до 1980 года. Это серьезная и уникальная историческая работа, в ней суть вопроса изложена легким для понимания языком, при этом классическим поэтам отведено новое место в истории, соответствующее их вкладу в реформу стихосложения и обновление поэтики. Вполне возможно, что такая необычная попытка была бы уместна по отношению к исследованию меньшего масштаба, а для полномасштабной общей истории она вряд ли пригодна. Исследование изменения и развития поэтической формы несомненно важно, однако это не все содержание эволюции поэзии.

Помимо «Компендиума» В. С. Баевского стоит отметить еще две истории отдельных литературных эпох: «Расколота лира, 1998» А. Чагина [9] и «Русская поэзия XX века: 1940-1990-е г.» В. Зайцева [7]. Первая исследовала и анализировала движение русской поэзии в 1920-1930 годы с точки зрения традиции и авангарда, а последняя и по сей день является учебным пособием для вузов. По сравнению с работой В. Баевского две вышеупомянутые истории написаны вполне беспристрастно, и в них освоены и отражены новые материалы и новые достижения сегодняшних исследований. –

Виктор Бердинских в последние годы выпустил две книги: «История русской поэзии. Модернизм и авангард» (2013) [5] и «История советской поэзии» (2014) [6]. Помимо введения, первая книга состоит из двух частей: главы с первой до седьмой соответственно посвящены символизму, акмеизму, футуризму, имажинизму, ОБЭРИУ и поэтам вне школ; а глава восьмая больше похожа на приложение. Научные концепции и авторская точка зрения в этой книге выражаются не так ясно и строго, как у В. Баевского; однако на ее форму письма стоит обратить внимание: автор прямо вставляет в виде приложений критические замечания соответствующих поэтов после определенных глав. Строго говоря, эту «Историю советской поэзии» следует назвать «историей русской поэзии в советское время», что видно из катало-

га и содержания данной книги. Книга начинается с поэтического наследия «большой четверки» – Пастернака, Ахматовой, Мандельштама и Цветаевой, а заканчивается творчеством Бродского. Чтобы избежать бес-содержательных обсуждений, автор цитирует поэтические тексты и дает подробную интерпретацию произведений на основе исследования жизни и творчества поэтов. Помимо лаконичности и читабельности, книга гениальна еще и по разработке своей структуры и содержания: обобщению картины поэтических кругов до 1950 годов служат такие разделы, как «советский неоромантизм» (Тихонов, Багрицкий, Светлов, Шервинский), «советский неоклассицизм» (Суриков, Луговской, Симонов), «советская новокрестьянская поэзия» (Твардовский, Исаковский, Рубцов), «детская поэзия» (Чуковский, Маршак, Михалков), а ситуация после 1950 годов отражена через такие группировки, как поэты «оттепели» или эстрадники (Евтушенко, Вознесенский), поэты концлагерей (Шаламов, Баркова), поэты-барды (Окуджава, Галич, Высоцкий) и, наконец, вне группировок находится Бродский. Надо отметить, что такая систематизация все-таки создает некое ощущение надуманности и искусственности.

Отсюда видно, что страсть русских ученых к написанию истории поэзии сильно уступает разработке других видов истории литературы. Это не означает, что в России уделяют недостаточно внимания поэзии – как раз наоборот, роль поэзии в русской словесности важнее, чем в любых других литературах мира. Какова причина? Вероятнее всего, это в основном связано с характеристиками поэтического рода. По сравнению с эпосом, который можно описать или пересказать, поэзия взывает больше всего к личному чувству и пониманию. Чем уникальнее произведения, тем труднее их пересказывать; и это обычное дело, когда текст невыразим или не расшифрован. Сложность анализа и обсуждения подобных текстов, несомненно, оказывает негативное влияние на написание истории поэзии. Такая ситуация, вероятно, встречается везде.

Что касается наших китайских ученых, исследующих русскую поэзию, то, хотя их количество намного меньше, чем число русских коллег, и опыта написания истории русской поэзии в Китае совсем немного – всего лишь тридцать лет подобных попыток, однако интерес китайских русистов к этому во-

просу не уступает русским. Сначала вышла «История русской поэзии» Сюй Чжифан (1989), потом «История русской лирики» Чжу Сяньшэна (1993), «Краткая история русскоязычной поэзии XX века» Лю Вэньфэя (1996) и позже «История русской поэзии XX века» Сюй Сяньсюя (1997). Выход такого большого количества разнообразных трудов по истории поэзии сделал этот период «эпохой процветания». Следует сказать, что книга Сюй Чжифана является первым трудом по истории поэзии, вышедшим из-под пера наших ученых. Хотя она не затронула историю XX века, да и XIX век охватывает неполно, ее основополагающая роль не подвергается сомнению. Книга эта была переиздана много раз и пользуется большой популярностью среди молодых русистов. Стоит отметить, что на сегодняшний день среди трудов по истории русской литературы, написанных китайскими учеными, есть только две книги, которые начинаются с подробного анализа устной народной литературы: «История русской литературы» Чжоу Минсяня (1990), и упоминавшаяся ранее «История русской поэзии» Сюй Чжифана. Обе книги являются учебниками для вуза, и разница в том, что первая написана на русском языке. Учитывая специфику материала и сложность пересказа, книга, написанная на китайском языке, на самом деле сложнее, чем на русском. Сосредоточиваясь на лирической поэзии, книга Чжу Сяньшэна не рассматривала эпос. Хотя она начинается тоже с древних времен, но средневековье и XVIII век проявляются только в предисловии, в результате чего фактически книга начинается с романтизма начала XIX века и заканчивается Серебряным веком. Книга эта являет собой поэтическую историю, со своей индивидуальностью и поэтичностью. Автор, обращая больше внимания на анализ произведений первостепенных поэтов, не претендует на строгую структуру и системность изложения, потому что цель его – «исторически показывать и поэтично описывать» [10, с. 403].

А почему здесь представлена история лирической поэзии, а не история всей поэзии? С учетом того, что китайская традиция поэзии всегда дорожит лиризмом, а не повествованием, Чжу Сяньшэн как китайский ученый сделал такой выбор не без причины. Однако у него была и своя особая причина – его поэтическая идея: «Повествование все-таки не является существенной чертой поэзии. Рус-

ский эпос хотя и является видом поэзии и также содержит лирические факторы, но такой жанр больше похож на эпопею, чем на поэзию. А с другой стороны, роман в стихах и поэма, хотя и имеют лирические факторы и обычно существуют в форме поэзии, сходны тем, что у них существенные черты и главная форма единичны – это роман. Это подобно тому, как душа прозаической поэзии до сих пор скрывается в поэзии» [10, с. 402-403].

Из названий книг Лю Вэньфэя и Сю Сяньсюя видно, что они ранее всех использовали концепцию «двадцатый век». Вместо традиционного названия «История русской поэзии» Лю Вэньфей подобрал новую формулировку: «История поэзии на русском языке». Автор сам объяснил, что цель введения новой концепции заключается в том, чтобы интегрировать разные понятия, используемые одновременно в научных кругах, такие как «русская литература» и «советская литература», «мейнстрим» и «мутация литературы», «домашняя литература» и «эмигрантская литература» [11, с. 2]. Начиная с Серебряного века (этот термин напрямую не использовался в тексте) и заканчивая 80-ми годами XX века, авторы обеих книг обращают внимание на то, чтобы охватить результаты последних исследований в отечественных и зарубежных научных кругах и предоставить читателям много информации и материалов, которые было нелегко получить раньше. Более ста поэтов было упомянуто в книге Сю Сяньсюя, и сорок семь из них выделены в одном отдельном столбце. «Определяя этот диапазон, мы приняли компромиссную, или так называемую относительно справедливую и обдуманную позицию: с одной стороны, возвращать поэтов, которых в прошлом игнорировали из-за разных причин, а с другой не пропускать ни одного общепризнанного известного поэта» [12, с. 1]. Другими словами, при определении списка классических поэтов автор сделал «сложение», а не «вычитание». Такое отношение имеет свою логику, особенно двадцать лет назад, когда процесс «возвращения литературы» и переоценки классики еще не завершились.

У каждого вышеупомянутого произведения есть свои достоинства, и они вместе предоставляют необходимые сведения для написания истории поэзии в будущем. А за последние два десятилетия в китайском литературоведении не появлялось новых тру-

дов по истории русской поэзии, что не может не наводить на важные размышления. Обозревая прошлое и современную ситуацию в области создания концепции истории русской поэзии в Китае и России, мы можем сделать заключение, что написание всеобщей истории русской поэзии в строгом смысле этого слова давно уже следовало претворить в жизнь, и что написание такой истории, в которой материалы, содержание и идеи идут в ногу со временем, соответствует общему видению перспектив китайским и российским научными сообществами.

1. Принципы написания «Истории русской поэзии. С древних времен до наших дней» в китайском литературоведении

Идея написания нашей книги «История русской поэзии. С древних времен до наших дней» в 2 томах (авторы Чжэн Тиу и Ма Вэйхун), которая выходит в ближайшее время в Китае, зародилась именно в таких обстоятельствах. После обдумывания и всестороннего освоения успешного опыта других исследователей мы установили следующие принципы написания истории поэзии: это должна быть подлинно общая история, впитавшая как можно больше новых материалов и новых идей, но имеющая ясную путеводную нить и строгую системность. Мы видели свою задачу в том, чтобы как можно справедливее и беспристрастнее дать анализ, при этом больше полагаясь на окончательное мнение, сложившееся в истории литературы. Место голословных рассуждений должны занять описание фактов и анализ текстов.

1. С чего начать?

Первая проблема, возникающая еще на стадии замысла работы, – это «с каких времен начать». На первый взгляд, это даже не проблема: раз решено писать историю общую, начинать, естественно, надо с истоков. А на самом деле все не так уж просто. Русская поэзия прославлена своей тысячелетней историей, однако ее зрелая форма сложилась лишь триста лет назад. В. Баевский начал писать свою историю поэзии с 1730 года, когда вышла в свет «Езда в остров Любви» В. Третьяковского. В. Баевский считает, что стихи, переведенные Третьяковским в этой книге, стали первым поэтическим произведением в полном смысле этого слова для тогдашнего дня, хотя и до этого появлялись стихи – и народные устные, и формальные письменные, но все это совершенно другое

дело [2]. Это значит, что предыдущие стихи не представляют собой стихи подлинные, и в связи с этим начинать с XVIII века вполне разумно.

По нашему мнению, есть причины начинать историю русской поэзии и чуть раньше – с конца XVII века. Первый русский поэт Симеон Полоцкий и силлабический стих, заимствованный им из Польши, родились именно в этот период. Хотя окончательным оформлением русского стихосложения мы обязаны реформе Тредиаковского и Ломоносова, но силлабо-тонический стих не возник бы, если бы не было раннего силлабического стиха. Это правда, что ранний силлабический стих тогда еще не завершил процесс секуляризации, и его статус не имел независимости в социальной и духовной жизни. Функция его в основном заключалась в религиозной проповеди, моральном увещании и учении, но в то время уже сформировалась заметная группа поэтов, творческая деятельность которых позволяет говорить о пышном расцвете русской поэзии. Так что есть немало причин и преимуществ того, чтобы начинать историю русской поэзии с Симеона Полоцкого.

Взвесив все «за» и «против», мы решили начать описание с древних времен, то есть с истоков русской поэзии. Это самый «безопасный» и самый распространенный подход. Только изложение «с самого начала» обеспечивает целостность общей истории в максимальной степени. Здесь затронуты проблемы понимания и оценки поэзии (устной и письменной) древних времен. Согласно результатам исследований исторической поэтики, поэзия является матерью литературы и самым ранним литературным родом. Последние триста лет истории русской поэзии неразрывно связаны с ее историей на первоначальном этапе длиной в семьсот лет, хотя в эти семьсот лет поэзия развивалась чрезвычайно медленно. В предисловии к «Источнику древней поэзии» говорится о том, что источник поэзии не равен его расцвету. Чтобы написать историю поэзии определенной страны, необходимо исследовать ее зарождение. Помимо этого, в древней устной народной поэзии можно увидеть самый ранний зародыш национальных особенностей литературы разных наций. Можно сказать, что процесс развития поэзии – это процесс формирования национального самосознания данной нации.

2. Как определить периоды?

Проблема периодизации имеет большое значение для написания истории литературы и поэзии, отражая взгляд автора на историю литературы, ценностные суждения и принципы творчества. В прошлом исследователи опирались на события со значительным историческим значением как на стандарт разграничения периодов истории литературы. Это такие события, как две мировые войны, Октябрьская революция, Движение 4-го мая и т. д., играющие роль водоразделов в истории китайской и зарубежной литературы. Однако в последние 30 лет такой стандарт определения периодов, который опирается лишь на общественные и политические события, пренебрегая внутренними характеристиками и законами развития литературы, подвергнулся сомнению и критике. Признавая, что история литературы – это история, мы не забываем, что это также история собственно литературы. Раз это история, то она не может быть отделена от общего исторического процесса человечества, и, таким образом, влияние на литературный процесс таких событий, как мировая война и Октябрьская революция, неоспоримо велико. Раз это история литературы, то не следует игнорировать специфику самой литературы, необходимо учитывать общее направление литературного процесса и внутренние изменения в русской словесности.

Существует два основных варианта периодизации XIX века: выделяются либо два периода, либо три. В таких случаях XIX столетие делят соответственно на первую и вторую половины или на ранний, промежуточный и поздний периоды. Многие отдадут предпочтение первому варианту. Однако, несмотря на видимое удобство, его применение вызывает некоторые затруднения. Так как XIX век – золотой век русской литературы, то к этому периоду относится творчество многих великих писателей и многие известные произведения, что также увеличивает объем исследуемого материала. Если делить данный период лишь на две части, то становится трудно избежать чрезмерной сжатости. Иногда это приводит к необходимости дополнительного разделения, то есть в каждом периоде выделяют еще два этапа. К примеру, год восстания декабристов разграничивает первую половину XIX века, объединяя несколько важных литературных событий. Однако это не лучший вариант периодизации литературного процесса XIX столетия.

Исходя из общих тенденций, мы можем обозначить три этапа развития литературы XIX века: поэтический, прозаический периоды и период трансформации поэзии и прозы, которые соответствуют началу, середине и концу столетия. По данной причине мы склоняемся к разделению XIX века на три периода. То же самое относится и к стихам данного временного отрезка: ранний период пушкинского расцвета, промежуточный период противостояния представителей «некрасовской школы» и поэтов «чистого искусства» под предводительством Афанасия Фета, и, наконец, поздний период, характеризующийся упадком и переменами.

Периодизация XX столетия представляет даже большую трудность. Русская литература XX века стала рассматриваться научным сообществом как самостоятельный период развития относительно молодой поэзии почти сразу после распада Советского Союза. Предпосылки формирования данного понятия и понятия «Китайская литература XX века» аналогичны, так как оба появились практически одновременно. Это подразумевает ряд изменений в литературных концепциях и перемены в литературной географии. Ранее подобной концепции не существовало. Это объяснимо, так как в XX веке три разных государства сменили друг друга: царскую Россию сменил Советский Союз, распад которого привел к образованию новой России. Литература также разделилась на литературу царской России начала века (она является единым целым с литературным периодом конца XIX века и раньше носила название заключительного этапа классической литературы), советскую литературу и литературу новой России, а Октябрьская революция и распад СССР стали границами данных периодов. Если придерживаться данной периодизации истории литературы, возникают очевидные трудности: первый и последний этапы не являются целостными, их сложно назвать отдельными периодами; из-за распада СССР и самостоятельности литературных процессов всех союзных республик необходимо заново определить литературную географию промежуточного периода. Таким образом, возникло новое понятие «Русская литература XX века», нацеленное на реконструкцию последних ста лет истории литературы. XX век в литературе, в отличие от исторического временного отрезка данного столетия, фокусируясь на характеристиках и

внутренних отношениях литературного процесса, берет свое начало в конце XIX века. В связи с этим конец XIX и начало XX столетия считаются ранним периодом русской литературы XX века, тем самым объединяя советскую и русскую литературу в единую систему. Периодизация русской поэзии XX века может руководствоваться данной идеей. Однако если говорить о конкретной практике, все далеко не так однозначно.

Относительно раннего этапа XX века научному сообществу удалось прийти к базовому консенсусу, и, тем не менее, говоря о следующих семидесяти годах, некоторые делят данный временной отрезок на два этапа, а некоторые, выделяя последние двадцать лет, как отдельный период, на три. Разделить весь XX век на два периода, или, как В. Баевский, ища легких путей, механически обозначать каждое десятилетие как новый этап [1], неприемлемо. В научных кругах, в основном, делят данный период на три или четыре этапа. Мы предпочитаем последний вариант по причине того, что конец XIX и начало XX веков (Серебряный век) – это период расцвета русской поэзии XX столетия, и независимо от того, какие этапы будут выделены, он должен сохранить свою целостность. Советский период делится на три этапа, так как 20-30-е годы стали своеобразным отголоском Серебряного века. Этот этап отличается от поэтического творчества соцреализма середины 30-х, поэтому должен быть вынесен отдельно. Оставшиеся полвека, началом которых следует считать смерть Сталина, очевидно, можно разделить на две части: период относительной блокады и период относительной открытости. Первый является фазой упадка российской поэзии XX века, второй – фазой нового расцвета поэтического искусства после Серебряного века. В это время бок о бок сосуществуют громкая поэзия и тихая лирика, что имеет некоторое сходство с противостоянием школ Некрасова и Фета в середине XIX века.

Таким образом, историю русской поэзии можно разделить на следующие периоды: «первый» (древний), «второй» (XVIII век), «третий» (XIX век), «четвертый» (XX век).

Что же является окончанием XX века? Мы считаем, что это 1991 год, год распада СССР. Не только потому, что в этом году произошли крупные общественно-исторические события, но и потому, что в дальнейшем курс развития русской поэзии

претерпел значительные повороты и перемены сравнительно с прошлым, хотя все эти изменения не произошли за один день. По данной причине вполне обоснованно считать распад СССР концом XX века и началом XXI. В настоящее время, с точки зрения литературы, прошла уже четверть XXI столетия, и упоминания об этом периоде, известном как XXI век, уже начинают появляться в научных работах российских теоретиков. Данное понятие было употреблено нами при издании учебного пособия по истории русской литературы около десяти лет назад.

2. Идеино-содержательная структура

Задача истории поэзии состоит в исследовании расцвета и упадка поэтических течений в их постоянном развитии и взаимосвязи друг с другом, описании процесса развития творчества различных поэтов, раскрытии причинно-следственной связи между поэтическими явлениями, а также в выявлении некоторых закономерностей развития поэзии. Данных целей не так легко достичь, однако стоит к этому стремиться.

В. Баевский считает, что в истории русской поэзии есть приблизительно полтора-два десятка поэтов, оказавших решающее влияние на ее судьбу. Сто-двести поэтов могут быть отнесены к их ближайшему окружению. Наконец, есть примерно тысяча авторов, которые преломляли в своих стихах устремления лидеров, иногда своеобразно, и имели круг читателей. В своей книге он выделил в особый список семнадцать поэтов: из XVIII века – Третьяковский, Ломоносов, Сумароков и Державин; из XIX – Жуковский, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Фет и Некрасов; из XX – Анненский, Блок, Хлебников, Ходасевич, Ахматова, Пастернак и Бродский.

Наши критерии выбора учитывают не только художественную ценность, но и идейное содержание – мы стремимся, чтобы они были объективны и полезны. Вклад в поэтику и принципы стихосложения не игнорируется нашим исследованием, однако он не является решающим критерием. В структуре и расположении глав книги мы также стараемся следовать следующему принципу: поэты, которые будут включены в данную книгу, делятся на три категории в соответствии с их местом в классической литературе. Первый уровень – классики первой ступени, к примеру, в XIX веке это Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Фет, в XX – Блок, Маяковский, Ахматова, Есенин, все

они равноправно занимают особое место. На второй ступени классической поэзии находятся такие представители XIX столетия, как Жуковский, Батюшков, Баратынский, Полонский, Майков, а в XX веке – Гумилев, Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Рубцов, Кузнецов, Бродский и др. Несколько авторов, связанных между собой, рассматриваются вместе. О поэтах, представляющих третью ступень, предоставлена информация в кратких обзорах по каждой главе. В общей сложности, в данной книге девять поэтов рассматриваются в отдельных главах, около пятидесяти не вынесено в отдельные главы, а о ста десяти дана общая информация.

Конечно, хотя такое разделение и выбор имен опираются на источники, наиболее авторитетные в области истории литературы и поэзии, все же становится трудно избежать влияния личной заинтересованности и предпочтений. В то время, как составление списка классиков XIX века не вызывает больших затруднений, XX век ставит перед нами сложную задачу. В конечном итоге, у каждого свое понимание того, кто занимает ступень выше, а кто – ниже, и немало исследователей, расходясь во мнениях, считают, что некоторые представители второй ступени достойны занять место на первой. В связи с этим, говоря о двадцатом веке, мы подразумеваем, что деление на первую и вторую ступень относительное, необязательно его строго придерживаться и придавать ему чрезмерное значение. Очевидно, что из-за объема и возможностей охвата материала в данной книге мы не можем проводить выборку по принципу В. Баевского: это не только трудно выполнимо, но в этом также нет необходимости.

Следует дать небольшое пояснение касательно XXI века. В современной литературе, особенно самой поздней, по причине того, что еще не существует утвердившихся стандартов, многие явления либо только обретают четкие очертания, либо не имеют однозначной оценки, поэтому исследователи, работая над историей, упоминают их с некоторой осторожностью. История поэзии, написанная В. Баевским, оканчивается 1980 годом, так как, по его мнению, историку для осмысления события нужна временная дистанция, и десять-пятнадцать лет – минимальный срок, а лучше было бы иметь в запасе полвека. Мы согласны с его позицией. Изначально структура данной книги охваты-

вала период только до распада СССР, однако, принимая во внимание серьезную нехватку знаний о состоянии современной российской поэзии у наших соотечественников, а также сильную заинтересованность читателей в восполнении этого пробела, в итоге было принято решение добавить еще одну главу. Конечно, необходимо признать, что стремление связать прошлое и настоящее также сыграло определенную роль. Эта глава включает в себя лишь обзор современных поэтических кругов, поэтому становится сложно избежать поверхностности.

Структура данной книги ориентируется на эпохи, как на долготу, а на течения и группы, как на широту, мы не только исследуем вертикальное развитие, но и анализируем горизонтальные связи, продольно и поперечно, с начала и до конца. Кроме раздела о древней литературе, в которой материалы необязательно имеют четкую связь, все главы нашей книги придерживаются этого принципа. Следует признать, что это довольно трудно сделать, но не справиться с распределением материала по имеющейся схеме было бы обидно. Если отбросить это стремление, то может создаться впечатление некой беспорядочности в повествовании. Впрочем, конечный результат нашей работы еще предстоит проверить на практике.

Книга разделена на пять частей: древняя литература, литература XVIII, XIX, XX и XXI веков. В списке, представленном ниже, каждая ступень соответствует одной главе, всего глав одиннадцать. Они состоят из сочетания кратких обзоров и монографических очерков творчества, динамического описания и статического анализа. Краткие обзоры включают в себя описание присущих эпохе проблем и исторического фона в целом, характеристики литературных течений, основные положения поэтических направлений, групп, а также информацию о поэтах, принадлежащих всем трем ступеням. В разделах, посвященных направлениям и группам, особое внимание уделяется анализу творчества поэтов второй ступени, которые являются наиболее яркими представителями своих течений и школ. Отдельные монографические главы дают детальную оценку отдельным поэтам, находящимся на первой ступени, знакомят с их жизненным путем, ориентируясь на лирическую поэзию, эпические поэмы и другие жанры, проводят относительно полный анализ их творчества (не всегда следуя

данному шаблону, так как не все поэты являются авторами эпических поэм).

Таким образом, каждая глава представляет собой единую композицию поэтической картины определенного периода, состоящую из макро-, мезо- и микрообзоров, а сочетание всех глав воплощает в себе целостную и единую панораму развития русской поэзии. Следовательно, тысячелетний процесс русской поэзии и характеристику его периодов можно резюмировать следующим образом.

Древняя литература: на протяжении семисот лет литература медленно развивалась, устная народная и письменная поэзии шли бок о бок, появление поэзии в полном смысле этого слова запаздывало. В начале XVII века произошло столкновение и слияние устного народного творчества и письменной литературы, что ускорило темп развития поэзии. К концу XVII века Симон Полоцкий, опираясь на опыт польских поэтов, создал прототип российской поэтики – силлабические стихи.

Литература XVIII века: политический курс реформ, открытости и тотальной вестернизации, проводимый Петром Великим, стал толчком к процессу модернизации русской поэзии. Русская литература, до этого увязавшая в средневековье, начала сливаться с европейской. Тредиаковский и Ломоносов, пользуясь опытом, полученным ими во время обучения во Франции и Германии соответственно, провели последовательные преобразования в поэтике русских силлабических стихов. В начале Тредиаковский совершил немало ошибок, но на следующем этапе, после появления Ломоносова, они вместе заложили основы русской поэтической системы – силлабо-тонического стихосложения. Данная реформа имела большое значение и на многие годы вперед расчистила путь для последующего развития русского поэтического языка. В XVIII веке поэзия развивалась под знаменами классицизма и сентиментализма. В целом, можно выделить два периода: расцвет классицизма и период сосуществования классицизма и сентиментализма. Однако, в принципе, русская поэзия все еще находилась на стадии накопления. Даже несмотря на то, что Сумароков и Державин совершили прорыв в своем творчестве, их влияние не распространилось за пределы государства.

Литература XIX века: в начале XIX века взаимодействие русской и европейской литератур перешло от развития в едином направ-

лени, но в различном темпе к полной синхронизации, доказательством чего служит появление романтизма в русской литературе. Жуковский и Батюшков – два корифея раннего романтизма в России. Своей вершины романтизм достигает при Пушкине и Лермонтове, к тому же, было сформировано множество группировок поэтов-романтиков. Появление Пушкина, его успешный переход к реализму, а также многочисленное сообщество великих поэтов, образовавшееся вокруг него, привели к формированию золотого века русской поэзии и центральному положению поэзии в литературе того времени. Тем самым, Пушкин стал «началом всех начал». После смерти Пушкина и Лермонтова поэзия уступила центральное место роману – это особенность литературного мира середины XIX века. Перед смертью Пушкин успел стать родоначальником двух важных традиций в поэзии: гражданской поэзии и поэзии «чистого искусства» достигли своего пика в тот период, кроме того, каждое направление имело своего выдающегося представителя – Некрасова и Фета. Своеобразный стиль Тютчева имел связь с обеими традициями, а репутация автора неуклонно росла со временем. Конец XIX века совпал с упадком и переходным периодом русской поэзии. После того, как две традиции, заложенные Пушкиным, были доведены до совершенства Некрасовым и Фетом, казалось, что русская поэзия перешла от расцвета к упадку, что она исчерпала все свои ресурсы и опасности подстерегали ее со всех сторон. Однако можно было предвидеть окончание кризиса: в поэтических кругах все еще существовало множество последователей гражданской поэзии и «школы чистого искусства». Это, по-видимому, предвещало путь будущего развития или поиск выхода через взаимодействие гражданских идеалов и эстетического стремления. По этой причине так схожи декадентство и символизм.

Литература XX века: первым ее этапом является конец XIX – начало XX века, так называемый Серебряный век русской поэзии. Он характеризуется взаимодействием атмосферы эпохи, поэтических исследований, внешнего влияния и национальной традиции. Символизм как первое направление, возникшее в модернистском течении, стал прелюдией к смене облика русской поэзии XX века. Последовавшие за ним акмеизм и футуризм способствовали появлению выдающихся

ся, в полном смысле этого слова, поэтов: Блока, Ахматовой, Маяковского и других. Есенин внес вклад в новокрестьянскую поэзию. Гумилев, Мандельштам, Цветаева и другие также принадлежат этой эпохе. После пушкинского периода это следующий расцвет поэзии, ставший возможным благодаря сочетанию мировой культуры и национальных традиций. Если даже подсчитать число всех талантливых поэтов, появившихся в последующие сто лет, оно все равно не сможет превзойти поэтический взлет первого двадцатилетия двадцатого века. Двадцатые-тридцатые годы: значительная часть представителей Серебряного века по-прежнему здравствует, творчество все еще процветает, и новый подъем является отголоском предыдущего периода. Хотя роль поэзии уменьшилась, поэтический мир все также сохранял свое разнообразие и авангардность. Сороковые-шестидесятые годы – период войны и послевоенного строительства – время относительного затишья. Поэзия испытала новый подъем в эпоху «оттепели». В 50-60-е годы традиции гражданской поэзии и поэзии «чистого искусства» XIX столетия переживают новый расцвет. Кроме того, на поэтической арене на ведущие позиции выдвигаются громкая поэзия и тихая лирика. Евтушенко и Вознесенский становятся значительными фигурами в общественной и культурной жизни того времени. Поэзия 70-80-х годов продолжает развиваться в том же направлении. В то время, как новаторская популярность громкой поэзии и тихой лирики понемногу угасает, группа поэтов Ленинграда постепенно возвышается, они считаются потомками серебряного века, в особенности, акмеизма. В их число входит и эмигрировавший на Запад Бродский. Уроженец северной деревни, Рубцов стал великим поэтом, представляющим поздний период тихой лирики. Юрий Кузнецов из поколения «военных сирот» благодаря таланту мысли и превосходному поэтическому мастерству может быть поставлен в один ряд с Бродским. Поэтический процесс данного периода, кроме явного или скрытого взаимодействия традиций и реформ, также характеризуется возникновением бардовской поэзии и рок-поэзии, которые заслуживают внимания, так как они имели значительный успех.

Литература XXI века: постмодернистская поэзия, на которую мы ссылаемся, говоря о XXI веке, на самом деле, зародилась еще на

предыдущем этапе. Это доказывает, что уже в то время появлялись первые ростки глубинных изменений в русской поэзии. Душевная пустота и психологический разрыв, вызванные распадом Советского Союза, распространение Интернета, ускорение процесса глобализации привели к коренным изменениям идеологии, образа жизни и облика русской поэзии. Это стало залогом многообразия и радикальных перемен в поэтическом мире XXI века.

Библиографический список

1. Баевский, В. С. История русской литературы XX века. Компендиум [Текст] / В. С. Баевский. – М. : Языки славянской культуры, 2003.
2. Баевский, В. С. История русской поэзии. Компендиум [Текст] / В. С. Баевский. – М. : Новая школа, 1996. – 320 с.
3. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843-1846 [Текст] / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 740 с.
4. История русской поэзии : В 2 т. [Текст] / отв. ред. Б. П. Городецкий ; АН СССР, ИРЛИ. – Т. 1. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 559 с.
5. Бердинских, В. А. История русской поэзии: модернизм и авангард [Текст] / В. А. Бердинских. – М. : Ломоносовъ, 2013. – 476 с.
6. Бердинских, В. А. История советской поэзии [Текст] / В. А. Бердинских. – М. : Ломоносовъ, 2014. – 444 с.
7. Зайцев, В. А. Русская поэзия XX века : 1940-1990-е гг. [Текст] : учеб. пособие / В. А. Зайцев ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – [М.] : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 263 с.
8. Кадмин, Н. (Абрамович Н. Я.) История русской поэзии с древней народной поэзии до наших дней. В 2 т. – Т. 1 [Текст] / Н. Кадмин. – М., 1914-1915. – М. : Московское издательство, 1914. – 258 с.
9. Чагин, А. Расколота лира: Россия и зарубежье : Судьбы русской поэзии в 1920-1930-е годы [Текст] / А. Чагин ; РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наследие, 1998. – 272 с.
10. 朱宪生. 俄罗斯抒情诗史. 西安 : 陕西人民教育出版社, 1993.
11. 刘文飞. 二十世纪俄语诗史. 北京 : 社会科学文献出版社, 1996.
12. 许贤绪. 20世纪俄罗斯诗歌史. 上海 : 上海外语教育出版社, 1997.

Reference List

1. Baevskij, V. S. Istorija russkoj literatury XX veka. Kompendium = History of the Russian literature of the XX century. Compendium [Tekst] / V. S. Baevskij. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003.
2. Baevskij, V. S. Istorija russkoj poezii. Kompendium = History of the Russian poetry. Compendium [Tekst] / V. S. Baevskij. – M. : Novaja shkola, 1996. – 320 s.
3. Belinskij, V. G. Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 7. Stat'i i recenzii. 1843. Stat'i o Pushkine. 1843-1846 = Complete set of works: in 13 v. V. 7. Articles and reviews. 1843. Articles about Pushkin. 1843-1846 [Tekst] / V. G. Belinskij. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. – 740 c.
4. Istorija russkoj poezii : V 2 t. = History of the Russian poetry: In 2 v. [Tekst] / отв. red. B. P. Gorodeckij ; AN SSSR, IRLI. – T. 1. – L. : Nauka, Leningr. otd-nie, 1968. – 559 s.
5. Berdinskih, V. A. Istorija russkoj poezii: modernizm i avangard = History of the Russian poetry: modernism and vanguard [Tekst] / V. A. Berdinskih. – M. : Lomonosov, 2013. – 476 s.
6. Berdinskih, V. A. Istorija sovetskoj poezii = History of the Soviet poetry [Tekst] / V. A. Berdinskih. – M. : Lomonosov, 2014. – 444 s.
7. Zajcev, V. A. Russkaja poezija XX veka : 1940-1990-e g. = Russian poetry of the XX century: 1940-1990-s [Tekst] : uceb. posobie / V. A. Zajcev ; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Filol. fak. – [M.] : Izd-vo Mosk. un-ta, 2001. – 263 s.
8. Kadmin, N. (Abramovich N. Ja.) Istorija russkoj poezii s drevnej narodnoj poezii do nashih dnei. V 2 t. – T. 1 = History of the Russian poetry from ancient national poetry up to the present. In 2 v. – V. 1 [Tekst] / N. Kadmin. – M., 1914-1915. – M. : Moskovskoe izdatel'stvo, 1914. – 258 s.
9. Chagin, A. Raskolotaja lira: Rossija i zarubezh'e : Sud'by russkoj poezii v 1920-1930-e gody = The split lira: Russia and abroad: The fate of the Russian poetry in the 1920-1930-s [Tekst] / A. Chagin ; RAN. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. – M. : Nasledie, 1998. – 272 s.
10. 朱宪生. 俄罗斯抒情诗史. 西安 : 陕西人民教育出版社, 1993.
11. 刘文飞. 二十世纪俄语诗史. 北京 : 社会科学文献出版社, 1996.
12. 许贤绪. 20世纪俄罗斯诗歌史. 上海 : 上海外语教育出版社, 1997.

М. М. Голубков

<https://orcid.org/0000-0001-9162-6006>

Научные принципы периодизации русской литературы XX века

Статья посвящена принципам периодизации русской литературы XX века. В ее основу положены как внешние по отношению к литературе обстоятельства политического и социокультурного плана, так и внутренние, имманентные эстетической природе художественной словесности. В статье выделяются четыре периода в истории русской литературы XX века: рубеж XIX-XX веков, первая половина XX века, вторая половина XX века, рубеж XX-XXI веков (современный период). Взаимодействие внешних и имманентных обстоятельств литературного развития дает возможность выявить хронологические рамки периодов. В работе предлагается определение художественной сути каждого периода. Серебряный век рассматривается как период «художественной революции», предопределивший новый язык литературы, его «лексику» и «синтаксис». Импульс «художественной революции» рубежа веков предопределил характер литературного развития первой половины века: его содержанием стало интенсивное взаимодействие реализма и модернизма, их взаимное обогащение. Вторая половина века ознаменована сменой писательских поколений: в литературу приходят авторы, не заставшие художественной революции и не знакомые с эстетическими принципами модернизма. Литература этого периода развивается преимущественно в реалистическом ключе, обращаясь к наиболее важным аспектам национально-исторического опыта XX века. Так формируются важнейшие литературные течения этого периода: деревенская проза, военная проза, лагерная проза, городская проза, приведшая к появлению в 1980-е годы литературы «сорокалетних» или «московской» школы. Современный период литературного развития предлагается считать с рубежа 80-90-х годов. Его эстетическая природа нуждается в дальнейшем осмыслении.

Ключевые слова: периодизация, литература XX века, художественная революция, модернизм, реализм, литературоцентризм, современная литература.

M. M. Golubkov

Scientific principles of periodization of the XX century Russian literature

The article is devoted to the principles of periodization of the XX century Russian literature. Its bases are external, in relation to literature, circumstances of the political and sociocultural plan, and internal ones, immanent to the esthetic nature of art literature. In the article four periods in the history of the XX century Russian literature are allocated: the turn of the XIX – the XX centuries, the first half of the XX century, the second half of the XX century, the turn of the XX – the XXI centuries (the modern period). Interaction of external and immanent circumstances of literary development makes it possible to reveal a chronological framework of the periods. In the work a definition of the art essence of every period is offered. The Silver Age is considered as the period of «art revolution» which predetermined a modern language of literature, its «lexicon» and «syntax». The impulse of «art revolution» of the turn of centuries predetermined the nature of literary development of the first half of the century: its content was intensive interaction of realism and modernism, their mutual enrichment. The second half of the century is marked by change of literary generations: the authors come to literature who did not observe art revolution» and are not familiar with the esthetic principles of modernism. Literature of this period is developed mainly in a realistic key, appealing to the most important aspects of national and historical experience of the XX century. The most important literary trends of this period are formed: rural prose, military prose, camp prose, urban prose which led to emergence in the 1980-s of literature «forty-year-old» or the «Moscow» school. The modern period of literary development is offered to be counted since the boundary of the 80-90-s. Its esthetic nature needs further judgment.

Key words: periodization, XX century literature, art revolution, modernism, realism, literaturocentrism, modern literature.

по принципам поэтической речи. На смену персонажу с выстроенной романной судьбой приходят образы, путь к которым прокладывает А. Белый в «Петербурге». Для того чтобы понять, сколь масштабными были результаты «художественной революции», можно провести следующий мысленный эксперимент: представим себе, что роман Б. Пильняка «Голый год» попадает читателю, скажем, 1870-х годов: он просто не был бы опознан как художественный! Для понимания таких текстов читатель должен был пережить «художественную революцию» рубежа веков.

Таким образом, Серебряный век открывает век XX – созданием принципиально нового художественного языка, способного выразить новые принципы художественного мышления. Условной вехой, кладущей начало этому периоду, может стать 1892 год, когда публикуется знаменитая статья Д. Мережковского «О причинах упадка...» [5]. В качестве завершения этого периода можно принять глубоко символическую дату, когда из жизни уходят два величайших художника Серебряного века: умирает А. Блок, расстрелян Н. Гумилев. Это 1921 год.

Следующий период мы можем условно назвать первой половиной XX века. Его хронологические рамки ограничены 1920-1950-ми годами. Его начало знаменуется тем, что на литературу начинают влиять обстоятельства двух факторов: с одной стороны, это внутренние, имманентные процессы, обусловленные эстетическими закономерностями литературного развития; с другой стороны, это обстоятельства внешние по отношению к литературе, в первую очередь, политического и социокультурного характера.

Определяя хронологические границы между рубежом веков и первой половиной XX века, мы как раз и сталкиваемся с наложением периодов, когда тенденции нового уже явно проявились и оказывают воздействие на литературу, а прежние тоже продолжают действовать. Поэтому так трудно, а то и невозможно назвать точную дату, можно выбрать лишь несколько опорных точек, своего рода точек бифуркации, знаменующих завершение одного периода и начало другого.

Такой первой точкой стал 1917 год, когда сразу же были заявлены новые отношения

литературы и власти, определенные одним из первых декретов – декретом о печати. Власть присваивала себе право закрывать «враждебные» издания, т.е. цензурировать литературу и рассматривать ее как важнейший инструмент – сначала в борьбе, потом в созидании нового мира. На протяжении всего советского времени сложились отношения, когда не только власть нуждалась в литературе, но и литература во власти! Эти отношения подчас напоминают очень жесткий любовный роман – с взаимными подозрениями в неверности, с жестокой ревностью, с кровью... Государство искало себе в художнике помощника, соратника, опору, жестоко карая тех, кто отвергал такие роли, обласкивая тех, кто принимал их и играл искренне и вдохновенно. Но и художники искали у власти понимания и любви... Знаменитый телефонный разговор Сталина с Булгаковым (1929) закончился обещанием вождя перезвонить и договориться о личной встрече – Булгаков до конца жизни ждал этого звонка, сам, естественно, не имея возможности набрать номер. Можно ли представить кого-нибудь из эмигрантов, скажем, Ремизова, ожидающего с нетерпением звонка премьер-министра Третьей республики? Вряд ли...

Эти отношения действительно напоминали кровавый роман, где изменника ждала неминуемая кара: именно так погибли два интереснейших направления русской литературы 20-30-х годов: новокрестьянская, представленная именами С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова, А. Ганина, П. Васильева, и прямо противоположный ей по идеологии и эстетике – абсурдизм, резвившийся в недрах ОБЭРИУ (Д. Хармс, К. Вагинов, А. Введенский) – их представители были физически уничтожены в 20-30-е годы.

Отношения литературы и власти определяли формы литературной жизни (такие, например, как встреча писателей со Сталиным на квартире у Горького), издательскую политику, поддержку одних направлений и уничтожение других. Но не меньшую роль играли и социокультурные обстоятельства, влиявшие на литературное развитие. Наиболее важные среди них – изменения читательской аудитории и кадрового состава писательской среды. Суть в том, что после революции и гражданской войны на место прежнего читателя, воспитанного на русской

классике XIX века, ставшего свидетелем и участником «художественной революции» рубежа веков, приходит новый читатель с принципиально иным жизненным и читательским опытом. Ранее он был оторван от литературы, от культурной среды, теперь же он активно вливается в ряды ценителей современной литературы. Новый читатель оказывается в явном большинстве: старый читатель полег на полях гражданской войны, оказался в эмиграции. Новый читатель делегирует своего представителя в писательскую среду, обретает там тех авторов, которые способны выразить его наивную философию и взгляд на мир. Образ такого писателя, в частности, создает М. Зощенко.

В результате этих процессов русская литература начинает существовать в трех подсистемах: литература метрополии (или подцензурная литература); литература русской эмиграции; потаенная литература.

Все эти обстоятельства знаменуют принципиально новый период литературного развития – первой половины XX века. Его начало положено следующими вехами: 1917 год, определяющий принципиально новые отношения литературы и власти; 1922 год, когда отплытие «философского парохода», инициированное Лениным, формирует первую волну русской эмиграции. Символической вехой, завершившей предшествующий период, стал 1921 год: уходят из жизни два величайших поэта Серебряного века: умирает А. Блок, расстрелян Н. Гумилев.

Однако не только внешние, политические и социокультурные обстоятельства, влияли на литературный процесс. Внутренние, имманентные литературе, процессы определяли ее динамику. В первой половине XX века это было интенсивное взаимодействие реалистической и модернистской тенденции литературного развития. Суть в том, что импульс «художественной революции» рубежа веков был столь силен, что никакое внешнее давление не могло его ослабить. Взаимодействуя с реалистической тенденцией, модернизм оставался, по сути дела, наиболее сильной эстетической тенденцией первой половины XX столетия. Его влияния не смогли избежать ни Горький, автор цикла рассказов 1922-1924 годов или же эпопеи «Жизнь Клима Самгина», ни Бунин, принципиально от-

казывавшийся в своих рассказах от принципов реалистической типизации.

Итак, период второй половины XX века (1920-1950-е годы) характеризуется не борьбой реализма (социалистического реализма) с модернизмом, но интенсивным и плодотворным взаимодействием двух эстетических систем: реалистической и модернистской. Именно поэтому завершением этой литературной эпохи стал роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Во-первых, это был роман, завершивший споры о революции: ее Пастернак показывает как насилие над органическими, естественными, плодоносными тенденциями национальной жизни. Революция есть насилие над органикой и естеством, и здесь автор «Доктора Живаго» концептуально сближается с автором «Тихого Дона»: ведь Шолохов тоже показывает катастрофическое оскудение естества народной жизни в результате исторических событий начала XX века. Из обитателей хутора Татарский, богатого и многолюдного еще совсем недавно, в 1912 году, в живых остаются считанные...

Роман «Доктор Живаго» кладет конец спору писателей, принявших социальную революцию, с теми, кто ее категорически не принял. И Пастернак оказывается именно среди последних: он не видит, какая историческая цель, прекрасная и завлекательная, оправдала бы естественное, органическое течение жизни, жестоко и варварски нарушаемое революцией.

Кроме того, роман Пастернака завершал предшествующий период литературного развития потому, что это было последнее произведение, написанное свидетелем и участником «художественной революции» рубежа веков. Можно с уверенностью сказать, что это последний русский модернистский роман, воплотивший в себе все художественные открытия Серебряного века и в определенной степени Серебряный век завершающий. Во многом в связи с судьбой этого романа (присуждение автору Нобелевской премии в 1958 году, неприличная травля Пастернака в советской прессе, разнузданная идеологическая кампания против него) найдется и судьба его автора. Сердце не вынесло: Борис Леонидович Пастернак уходит из жизни в 1960 году. А в 1966 году уходит Анна Андреевна Ахматова. Эти две даты, 1960

и 1966, знаменуют собой завершение прежнего периода литературного развития.

Следующий этап литературного развития, вторая половина XX века, тоже определяется как внешними обстоятельствами политического характера, влияющими на литературный процесс, так и внутренними, собственно эстетическими.

Общественно-политические события 1953-1956 годов не могли не оказать влияния на литературный процесс. Смерть Сталина (1953) привела к XX съезду КПСС (1956), где Н. С. Хрущев выступил со своим знаменитым разоблачительным докладом. За эти три года была отвергнута прежняя и выстроена новая мифология, ставшая основой шестидесятнической идеологической и политической платформы: был хороший и добрый Ленин, чьи замечательные гуманистические взгляды извратил и в конечном счете поправил злой Сталин. Смысл Оттепели (такую самохарактеристику дала себе эпоха) состоит в скорейшем возвращении к Ленинским идеалам социальной справедливости. В самом деле, определенные послабления идеологического режима дали возможность обнаружить принципиально новые перспективы литературного развития.

Оно шло по принципиально другим путям, что раньше. Если раньше естественным двигателем, «мотором» литературного развития было взаимодействие реализма и модернизма, то теперь импульс этого взаимодействия иссяк. Сменился состав писательской среды: в литературу пришли люди, становление которых пришлось на 20-40-е годы. Они не были свидетелями «художественной революции», не застали, не увидели ее результатов. Наиболее естественным художественным языком для них был язык реалистической прозы. Это вовсе не значит, что они были хуже прежних писателей; они были другими, привносили с собой в литературу совершенно иной жизненный и творческий опыт. Преимущественно это был опыт советских 20-30-х годов и войны. Реалистическая эстетика была главенствующей, доминирующей.

Каждая эпоха, – размышлял М. Бахтин, – имеет свой ценностный центр в идеологическом кругозоре, к которому сходятся все пути и устремления идеологического творчества. Именно этот ценностный центр становится основной темой или, точнее, основным комплексом тем литературы данной эпохи»

[1, с. 211]. Литература второй половины века тоже выстраивает несколько ценностных центров в идеологическом кругозоре эпохи. В этот период формируются своего рода «литературные галактики», связанные с важнейшими сторонами русского национально-исторического опыта, а литература оказывается важнейшей, если не единственной, сферой его осмысления. Взаимодействие между этими галактиками, между этими познавательными центрами в идеологическом кругозоре эпохи, напряженный диалог, интенсивный обмен смыслами и стал своеобразным «двигателем», «мотором» литературного развития второй половины столетия.

Важнейшей из них была деревенская проза. Она рассматривала деревню как особый цивилизационный феномен, как уходящий на глазах всего нескольких поколений тип русской цивилизации, и кульминацией ее стала повесть В. Распутина «Прощание с Матерой». Писателю удалось возвысить гибель одной деревни, ставшей жертвой советских циклопических проектов, до трагедии национального масштаба, увидеть в Матере образ русской Атлантиды, безвозвратно погружающейся в пучину океана – рукотворного моря. Начав свое развитие в начале 1950-х годов, деревенская проза достигла кульминации в творчестве В. Белова, В. Шукшина, Ф. Абрамова и, конечно же, В. Распутина, повесть которого «Пожар» (1985) обозначила завершение этого литературного направления.

Не менее значимую роль сыграла военная проза, чье литературное развитие длилось на протяжении полувека. Начавшись еще во время войны, оно завершилось двумя произведениями Виктора Астафьева, опубликованными в 90-е годы: повестью «Веселый солдат» и эпопеей «Прокляты и убиты». Великая Отечественная война, трагический и героический народный опыт, вынесенный из ее испытаний, стал главным предметом изучения военной прозы у таких авторов, как К. Симонов, В. Гроссман, Ю. Бондарев, В. Кондратьев,

Лагерная проза, третья точка познавательных интересов, формировалась в потаенной литературе, в литературном и общественном «подполье», но это не делало ее менее заметным явлением. ГУЛАГ предстал как важнейший аспект национально-исторического опыта XX века в творчестве А. Солженицына и В. Шаламова, вероятно, наиболее знаковых фи-

гур этого направления (чье творчество, разумеется, не исчерпывается лишь лагерной темой, а значительно выходит за ее пределы).

Основоположником «городской» прозы стал Ю. Трифонов, обнаруживший принципиально новые пути познания жизни современного человека, казалось бы, глубоко погруженного в суету повседневности, в «быт» (слово столь нелюбимое Трифоновым), связанного однако прочными, хотя и не всегда очевидными, нитями с историческим опытом, в первую очередь, революционным опытом прошлого века («Нетерпение») и нынешнего для Трифонова, XX века («Старик», «Отблеск костра»). Однако его прямые наследники и ученики, представители так называемой московской школы, не смогли усвоить его уроки: в творчестве В. Маканина, А. Кима, В. Курносенко, А. Курчаткина, автора программной для «москвичей» статьи «Бремя штиля» [3], как раз и не обнаруживалось никакой связи современности с историей: их герои, по меткому определению И. Дедкова, жили не в историческом времени, а, скорее, во времени сиюминутном: «сиюминутное» время включает в себя и «человека сиюминутного, с обстриженными социальными связями. Он помещен в частное и как бы нейтральное время... сиюминутному времени не желательно, чтобы его покидали. Его герои как в банке с крышкой» [2, с. 230]. Что им ваше историческое время? – вопрошал с горечью критик. И тому были свои основания «москвичи», или «сорокалетние», как их называли в начале 80-х годов, выразили мироощущение того поколения, какому довелось испытать безвременье застоя, поколения, оглушенного барабанным боем пропаганды и литаврами скучнейших идеологических шаблонов, не находили для себя никакого исторического опыта, на который могли бы опереться. У деревенщиков была почва, русская деревня, у военной прозы – героический военный опыт, почвой героев Трифонова станет то, чем Россия переболела, как скажет герой одной из его повестей; у сорокалетних не было ничего...

Все эти течения, эти точки познавательных центров в идеологическом кругозоре современности, если вновь воспользоваться метафорой М. Бахтина, находились друг с другом в постоянном полемическом взаимодействии. Интенсивный диалог, существовавший между ними, и был тем «мотором»,

который обуславливал развитие литературы. Важно, однако, что при всей полемичности по отношению друг к другу они развивались преимущественно в реалистическом ключе, а модернистские и авангардистские течения оказывались на периферии литературного процесса, воспринимались как маргинальные. Однако недооценивать их тоже нельзя: именно на вторую половину XX века, на 60-е и 70-е годы, приходится первые опыты постмодернизма («Москва – Петушки» В. Ерофеева, «Пушкинский дом» А. Битова, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца), тогда же создается гротескная повесть «Говорит Москва» Н. Аржака (Ю. Даниэля), тогда же начинает свой творческий путь И. Бродский.

Вероятно, вторая половина 80-х годов была последним периодом, когда литературный процесс подчинялся достаточно определенной логике, когда в нем с очевидностью прослеживались те или иные закономерности. Очень скоро, уже на рубеже 80-90-х годов, литературный процесс сменился литературным хаосом и начался новый период литературного развития – современный период. Его начало было обусловлено внешними, политическими и социокультурными, обстоятельствами: уходом идеологического диктата, отменой цензуры, крахом КПСС и уходом с исторической арены СССР. Именно эти обстоятельства привели к тому, что существование русской литературы в русле трех подсистем, неестественное, вынужденное, длящееся на протяжении всего советского времени, уступает место, казалось бы, более естественному существованию, когда идеологические маркеры более не актуальны. Однако реальное развитие литературных событий оказалось совсем иным...

Мы предлагаем начинать новый, современный, длящийся и поныне период литературного развития с рубежа 80-90-х годов, потому что именно тогда сложились условия литературного развития, длящиеся и поныне: отсутствие цензуры, принципиальное дистанцирование государства от литературных дел, утрата литературоцентризма, стремительное сокращение читательской аудитории, изменение общественного статуса писателя, подчинение литературы законам рынка. Именно тогда, в последнее десятилетие ушедшего века, сложилась парадоксальная ситуация: освободившись от политического

диктата, от цензуры, обрета, казалось бы, полную свободу как в идеологическом, так и в эстетическом планах, литература столкнулась с несвободой совершенно иной и неведомой ей доселе: диктатурой рынка. Литература оказалась вовлечена в сферу коммерции, а издатель стал бизнесменом в полном смысле этого слова.

Как это ни парадоксально, диктатура рынка оказалась даже страшнее политической цензуры: последнюю можно было при желании обойти, отправив свои произведения на Запад, как это сделал Б. Пастернак, передав свой роман «Доктор Живаго» миланскому издателю Фельтринелли, пустив их в самиздат, как это, пусть и неосознанно, сделал А. Т. Твардовский, раздавая друзьям и знакомым гранки запрещенной цензурой поэмы «По праву памяти». В конце концов, писатель мог эмигрировать и на западе игнорировать свои стилистические расхождения с советской властью, как поступили, скажем, А. Синявский или И. Бродский. Цензуру рынка обойти оказалось невозможно...

Вообще современный период знаменуется принципиальными изменениями в системе «писатель – издатель – читатель – критик». Издатель стал бизнесменом и думает о проектах, сериях, презентациях, грантах, что, в сущности, совершенно естественно в условиях рынка. Его место стремится занять Интернет, создающий множество площадок, где писатель может опубликовать, совершенно бесплатно и вне всякого цензурирования, свои произведения. Но это вовсе не гарантирует ему внимание читателя, потому что в Интернете действуют свои законы рынка, несколько иные, чем в книгоиздании, но столь же непреложные. Слово критика, способного интерпретировать художественный текст, а тем более наращивать его смысловые сферы, почти неслышно. Зато критик часто играет роль коммивояжера, создавая рекламу тому или иному автору или тексту. Профессия писателя, сохраняя в общественном сознании тот же престиж, уже не дает ему (за очень редким исключением) средств к существованию, то есть перестает быть профессией...

Думается, что за последние три десятилетия сложились принципиально новые условия существования литературы. Возможно, они ка-

жутся не вполне благоприятными, однако литература (вопреки им?) продолжает существовать и давать интереснейшие художественные явления, одно перечисление которых займет объем целой статьи. Ясно лишь, что на современном этапе действуют некоторые новые закономерности литературного развития, осмысление которых еще предстоит.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. (Медведев П.) Формальный метод в литературоведении [Текст] / М. М. Бахтин. – Л., 1928.
2. Дедков, И. Наше живое время [Текст] // Новый мир. – 1985. – № 3. – С. 222.
3. Курчаткин, А. Бремя штиля [Текст] // Литературное обозрение. – 1981. – № 8.
4. Лотман, Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» [Текст] // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1.
5. Мережковский, Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы [Текст] / Д. С. Мережковский. – СПб., 1893.
6. Скорospelова, Е. В. Русская проза XX века: От Белого («Петербург») до Пастернака («Доктор Живаго») [Текст] / Е. В. Скорospelова. – М., 2003.

Reference List

1. Bahtin, M. M. (Medvedev P.) Formal'nyj metod v literaturovedenii = Formal method in literary criticism [Tekst] / M. M. Bahtin. – L., 1928.
2. Dedkov, I. Nashe zhivoe vremja = Our live time [Tekst] // Novyj mir. – 1985. – № 3. – S. 222.
3. Kurchatkin, A. Bremja shtilja = The burden of the dead calm [Tekst] // «Literaturnoe obozrenie». – 1981. – № 8.
4. Lotman, Ju. M. O sodержanii i strukture ponjatija «hudozhestvennaja literatura» = About contents and structure of the concept «fiction» [Tekst] // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i. V 3 t. – Tallinn, 1992. – T. 1.
5. Merezhkovskij, D. S. O prichinah upadka i o novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury = About the reasons of decline and about new currents of modern Russian literature [Tekst] / D. S. Merezhkovskij. – SPb., 1893.
6. Skorospelova, E. V. Russkaja proza XX veka: Ot Belogo («Peterburg») do Pasternaka («Doktor Zhivago») = Russian prose of the XX century: from Bely (St. Petersburg) to Pasternak («Doctor Zhivago») [Tekst] / E. V. Skorospelova. – M., 2003.

Е. М. Болдырева

<https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Миф о России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

В статье рассматривается эмигрантское творчество И. С. Шмелева, где писатель целенаправленно создает миф о старой России как идеальном мире, «золотом веке», «потерянном рае». На примере романа «Лето Господне» демонстрируется авторская стратегия моделирования, конструирования, мифологического очищения прошлого. Тезис о постоянном преломлении прошлого сквозь призму умиленной и благодарной памяти постоянно подтверждается на мотивном уровне текста: миф И. Шмелева о России – детство, преображенное волшебной атмосферой сна, игрушечное прошлое, окрашенное исключительно в розово-золотые тона, «легкие сны из розового детства». В статье демонстрируется, как идея православия как чисто русской веры и русского стиля жизни становится одним из ключевых концептов, который позволит в полной мере ощутить уникальность, неповторимость и исключительность русского бытия, оставшегося в прошлом. Важнейшей семантической доминантой, определяющей специфику мифа о России в романе И. С. Шмелева «Лето Господне», становится еда. Пищевые образы обосновываются как одна из важнейших доминант моделирования И. Шмелевым своего автобиографического мифа, пищевые ассоциации рассматриваются как наиболее сильные в памяти героя, они становятся значимыми катализаторами воспоминаний о прошлом. В статье демонстрируется, как практически любое явление вписывается повествователем в «пищевой ряд», а все слова с семантикой удовлетворения, радости, счастья используются в комплексе с «кулинарными» определениями. Особое внимание уделяется связи пищевого топоса с художественным временем романа, поскольку календарь оказывается словно расчерченным по кулинарной книге, время определяется по типу потребляемой пищи, а «пищевые события» становятся вехами времени наряду с церковными праздниками.

Ключевые слова: автобиографический миф, «утраченный рай», мифологема, православная идея, катализатор воспоминания, пищевой топос, мотив.

E. M. Boldyreva

The myth about Russia in I. S. Shmeliov's emigrant creativity

In the article I.S. Shmeliov's emigrant creativity is considered, where the writer purposefully creates the myth about old Russia as the ideal world, «The Golden Age», «The Lost Paradise». On the example of the novel «The Lord's Summer» the author's strategy of modeling, designing, mythological clarification of the past is shown. The thesis about continuous refraction of the past through a prism of the touched and grateful memory is constantly confirmed at the motive level of the text: the myth by I. Shmeliov about Russia – it is the childhood changed by the magic atmosphere of a dream, the toy past painted only in pink and gold tints, «light dreams from the pink childhood». In the article it is shown how the idea of Orthodoxy as purely Russian faith and Russian lifestyle becomes one of key concepts which will allow feeling entirely uniqueness, originality and exclusiveness of the Russian life which remained in the past. The most important semantic dominant, defining specifics of the myth about Russia in I. Shmeliov's novel, «The Lord's Summer» is food. Food images are considered as the strongest dominants in modeling of I. Shmeliov's autobiographical myth, food associations are considered as the strongest in the hero's memory, they become significant catalysts of memories about the past. In the article it is shown how practically any phenomenon is fitted by the storyteller into «a food row», and all words with semantics of satisfaction, joy, happiness are used in a complex with «culinary» definitions. Special attention is given to connections of food topos with art time of the novel as the calendar turned to be as if lined according to the recipe-book, time is determined by the type of the consumed food, and «food events» become time milestones along with church holidays.

Key words: the autobiographical myth, «the lost paradise», a mytheme, the Orthodox idea, the catalyst of reminiscence, food topos, motive.

Роман «Лето Господне» был написан И. С. Шмелевым в эмиграции, ставшей для него не просто некой вынужденной мерой, единственной возможностью спасти от «большевистского террора» свою жизнь и свою культуру, как для большинства эмигрантов первой волны – в случае со Шмелевым эмиграция означает конец настоящей, подлинной жизни и дальнейшее умирание, «жизнь после смерти». Роковым обстоятельством, усугубившим трагизм эмиграции, стал расстрел большевиками его единственного сына Сергея, отказавшегося эмигрировать с остатками врангелевской армии и находившегося на излечении в госпитале в Алуште. Именно поэтому у И. С. Шмелева контраст между прошлой Россией и настоящей эмиграцией оказывается самым трагичным, самым болезненным, и эта оппозиция из временной (юность – зрелость, прошлое – настоящее) превращается в экзистенциальную (прошлое-жизнь – настоящее-смерть) и аксиологическую (прошлое осмысляется как абсолютно идеальное, а настоящее воспринимается сугубо негативно). Подобная установка неизбежно приводит к избирательности в плане «вспоминаемого» материала: все неприятное «забывается», все приятное вспоминается в «усиленном» и сконцентрированном виде («...художник показал нам эту чудесную встречу – мироосвящающего православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой... ..лирическая поэма об этой чудной встрече разрастается, захватывает весь быт взрослого народа и превращается в эпическую поэму о России и об основах ее духовного бытия» [4, с. 181-182], «Для автора «Богомолья» и «Лета Господня» это атмосфера детства, свет православия, мир чарующей русской природы, дорогие сердцу приметы прочного московского быта» [3, с. 38]). В «Лете Господнем» идея моделирования, конструирования, мифологического очищения проявилась наиболее очевидно. Шмелев целенаправленно создает миф о старой России как идеальном мире, «золотом веке» («...автобиографически локальный, погруженный в быт, несколько утопичный и сентиментальный мир «Лета Господня» [5, с. 72]), «потерянном рае», и эта установка определяет отбор «вспоминаемых» событий:

ни одного негативного факта, явления не встретишь на страницах «Лета Господня» (единственное трагическое событие – смерть отца, но оно, скорее, принадлежит бытийному, а не бытовому измерению и не случайно именно оно завершает повесть): все потенциально неизбежные в обычном романе конфликты (ребенок – родители, ребенок – его товарищи, господа – слуги и т. п.) отсутствуют, снимается даже проблема «социальной несправедливости» – отношения между Сергеем Ивановичем и его работниками подаются как отношения «добротного барина», «отца родного» со своими непутевыми, но любимыми «детьми» – крестьянами, он если и накричит, то любя, и сразу же раскается («Василь Василич... зайди-ка на минутку, братец...» [7, с. 291]), попросит прощения или щедро даст на чай: «Горкин мне говорит взволнованно – дрожит у него голос: «Так и поступай, с папашеньки пример бери... не обижай никогда людей... Наши ребята хорошие, они це-нют...» [7, с. 291].

Тезис о постоянном преломлении прошлого сквозь призму умиленной и благодарной памяти постоянно подтверждается на мотивном уровне текста: один из наиболее часто повторяющихся мотивов «Лета Господня» – это рассматривание героем окружающего мира сквозь что-то: «Я умываюсь листочками, тру лицо, и через свежую зелень их вижу я новый двор, новое лето вижу...» [7, с. 350], «Я смотрю через золотистое хрустальное яичко... Все золотое, все: и люди золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши..., и небо золотое, и вся земля...» [7, с. 339]. Эта «игрушечность», «ненастоящность» неоднократно подчеркивается и в других фрагментах романа: герой смотрит на Москву с горы через пелену тумана (еще один образный парафраз взгляда на «туманное» прошлое): «...я вижу колоколенки, золотой куполок Храма Христа Спасителя, *игрушечного* (курсив мой – Е. Б.) совсем, белые ящички-домики..., зеленые пятнышки-сады..., зеленые огороды-коврики, белую церковку под ними... Я вижу всю *игрушечную* (курсив мой – Е. Б.) Москву... И будто во сне все это...» [7, с. 354]. Такова автобиографическая модель Шмелева – детство, преображенное волшебной атмосферой сна, игрушечное прошлое, окрашенное исключительно в розо-

во-золотые тона, «легкие сны из розового детства» [7, с. 396]. И не случайно лексико-стилистическая доминанта этого легко-розового миража – чрезмерное употребление уменьшительно-ласкательных слов, усиливающих ощущение микроскопичности, «уменьшенности» и умиленности: «папашенька», «карасики», «денек», «травка», «цветочки», «рыбка», «щечка» – особенно изобилует ими речь Горкина, которого автобиографический герой «подаёт» как святого и которому стремится во всем подражать, и потому речь повествователя по мере постепенного развертывания текста все больше и больше уподобляется речи Горкина, подчиняется его стилистической стихии. Вместо свойственного традиционной автобиографии духовного роста личности, «взросления», стремления героя стать независимой, самостоятельной личностью, освободиться от чужих влияний, в «Лете Господнем» мы наблюдаем нечто диаметрально противоположное: автобиографический герой, постоянно опекаемый своим «духовным наставником», жаждет во всем быть похожим на него как некую модель «настоящего праведника» и «русского человека», и потому сам объявляет свои личные, самостоятельные суждения и поступки грешными и недостойными: нельзя коверкать священные слова («филимоны» вместо «ефимоны»), нельзя выпить яичко в пост, нельзя усомниться в том, что пасхальные подарки не куплены специально, а посланы Богом – Горкин рассердится и назовет «иритиком». И этих «бунтов» героя постепенно становится все меньше и меньше: он не освобождается от навязываемых ему схем, иллюзий, правил поведения, а, наоборот, радостно и облегченно подчиняется им, постепенно изживая в себе самостоятельность как «грех» и «ересь».

Противопоставляя прошлую Россию настоящему зарубежью, Шмелев осознает необходимость поиска некой объединяющей идеи, которая позволит в полной мере ощутить уникальность, неповторимость и исключительность русского бытия, оставшегося в прошлом; идеи, которая должна синтезировать все разрозненные воспоминания и выстроить окончательно миф о России. Этой идеей стала идея православия как чисто русской веры и русского стиля жизни («...русское православие в изображении ав-

тора не только церковно-уставное, но прежде всего простонародное, соединившее официальную религию с народными обрядами, обычаями, с предсказаниями...» [6, с. 54]). Сознание автобиографического героя встраивает каждое событие прошлого, каждое описание в «религиозный ряд»: так, и снег во время Великого Поста кажется ему «грешным», и вороны каркают потому, что их «душат грехи», и воздушные шарики напоминают ему пасхальные яички. Круг чтения героя также неширок – на протяжении всего романа он читает одну-единственную книгу – «Священную историю». Православная идея «управляет» и лексическим отбором: по степени частотности употребления на первое место выходит слово «святой» – это обязательный «спутник» любой цепочки эпитетов: «все... такое необыкновенное, святое» [7, с. 329], «таинственный свет, святой» [7, с. 330], «и подымается кислый пар – священный...» [7, с. 283]. Причудливо переплетаясь с чисто детским мировосприятием, православное видение мира перерождается в пантеистическое: «...и чудится мне, в цветах, – живое, неизъяснимо-радостное, святое... – Бог?...» – лирическому герою везде видится божественное начало, везде чудится бог, превратившийся из далекого и абстрактного в своего, родного, близкого. Подобная склонность к материализации абстрактных понятий (даже время приобретает пространственные свойства: цвет, запах, звук, Великий Пост пахнет уксусом и мятой, Рождество – мясными пирогами), к овеществлению невещественного, свойственная детскому сознанию, превращает мир православной культуры в свое, обжитое и предельно реальное пространство, наполненное всевозможными ритуалами, молитвами, блюдами того или иного церковного праздника. Еда и молитва – это то, что заполняет всю жизнь, то, из чего она складывается, и потому если эти доминанты существования утрачиваются, то в душе человека наступает тоскливая пустота: «...я тоскливо хожу во дворе и ковыряю снег. На грибной рынок поедем только завтра, а к ефимонам рано...» [7, с. 289]. Именно еда и молитва могут утешить и успокоить, заставить уйти грустные или страшные мысли, они оказываются сильнее смерти и страха смерти. Когда во время сто-

яний героя вдруг осеняет страшная мысль – и отец умрет, и все умрут – и ему становится страшно, он молится и чувствует, как от отца пахнет редькой – «и сразу мысли мои – в другом. Думаю о грибном рынке..., о чае с горячими баранками... На душе легче...» [7, с. 297].

Важнейшей семантической доминантой, определяющей специфику мифа о России в романе И. С. Шмелева «Лето Господне», становится еда. Значимость пищевого топоса для православной культуры неоднократно отмечалась многими исследователями: «Мифологическое сознание не разграничивает нравственные, эстетические, религиозные начала и утилитарные цели... Недаром «Бог» и «богатство» – этимологически родственные слова... счастье противопоставлено несчастью как жизнь, тепло, полнота – смерти, голоду, холоду, пустоте. Поэтому в особенно праздничные дни столы должны ломиться от изобилия еды...» [2, с. 37].

Пищевые ассоциации оказываются, бесспорно, самыми сильными в потоке воспоминаний героя о России – он не может и не хочет им сопротивляться и не в силах остановить их поток. Начав описывать «меню» какого-либо церковного праздника, повествователь «попадает в плен» этой стихии еды – и перечисление разнообразных блюд может занять больше страницы: «А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу...! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещенье, с вязигой, с осетринкой!...» [7, с. 286]. Повествователь намеренно не заботится о разнообразии чисто технических приемов введения новых кулинарных названий – напротив, оформляет их в длинную цепочку, скрепленную однотипными полисиндетонами: а... а... а... или а вот... а вот... а вот, что несомненно усиливает вкусовые эмоции, которые оказываются у Шмелева самыми сильными, и именно «съедобным» предметам оказана честь выполнять роль «шлюзов» между миром прошлого и настоящего: подобно тому, как знаменитое прустовское печенье «мадлен», размоченное в чае, является мощным катализатором воспоминания и воскрешает очередной фрагмент

прошлого, шмелевский герой вдыхает душистый аромат янтарного яблока и вспоминает старую Россию: «И теперь еще, не в родной стране, когда встретишь невидное яблочко, похожее на грушовку запахом, зажмешь в ладони, зажмуришься, – и в сладковатом и сочном духу вспомнится, как живое, – маленький сад, когда-то казавшийся огромным..., с березками и рябинками, с яблоньками, с кустиками малины..., далекий сад...» [7, с. 361].

Практически любое явление вписывается повествователем в «пищевой ряд»: так, снег оказывается похожим на толченые орехи или халву, он «маслится», тараканы пахнут сухим горошком, а все слова с семантикой удовлетворения, радости, счастья используются в комплексе с «кулинарными» определениями: «Жарко, светло и сытно...» [7, с. 376], «Рождество скоро, а там и мясоед... счастье мое миндальное!...» [7, с. 504] – эти слова Маши постоянно звучат рефреном в сознании героя («И отдается радостное, оставшееся во мне, – «счастье мое миндальное!». [7, с. 505]), являя собой своего рода «формулу», квинтэссенцию всей прошлой жизни. Чувство радости, счастья вызывает любое приготовление пищи в массовых масштабах: «...а вот и другая радость: капусту рубим...» [7, с. 454]. Однако нельзя не заметить явной условности во всех этих многочисленных перечислениях разнообразных блюд. Шмелеву не откажешь ни в точности, ни во вкусе, но в контексте автобиографического романа подробнейшие меню воспринимаются как условность: детское сознание не способно ни удержать в сознании этот огромный каталог, ни воспроизвести все мелочи и детали, ни разу не ошибившись в соответствии их тому или иному церковному празднику (так, в главе «Яблочный Спас» предельно точно названы разнообразные сорта яблок: «вот белый налив..., вот ананасное-царское..., вот анисовое монастырское, вот титовка, аркад, боровинка, скрыжапель, коричневое, восковое, бель, ростовка сладкая, горьковка...» – [7, с. 364] – здесь явно акцентируется не вкусовое ощущение ребенка, а терминологическая точность). Это плод взрослого воспоминания, и даже не воспоминания, а просто знания, названия, «замаскированного» под детское восприятие. Правда, иногда у повествователя все же возникает в сознании

вопрос, может он это помнить или нет: «И повезли нас в Зоологический. Горкин со мной на беговых саночках поехал. Но что я помню?...» [7, с. 522]. Однако весь текст «Лета Господня» опровергает это признание, обнажает его фиктивность: «коэффициент воспоминания» здесь явно неоднороден; то, что повествователю необходимо «вспомнить» для доказательства своей идеи, он помнит хорошо, и даже слишком хорошо, чтобы в это поверить – что ели в каждый праздник, как отец относился к простым людям и о чем он разговаривал с Василь Василичем – все это излагается довольно уверенно, без малейшего сомнения.

Первые две части романа – это «праздник каждый день», и не случаен подзаголовок: «Праздники. Радости». Практически ни одному неприятному воспоминанию здесь нет места: все хорошее гиперболизировано и акцентировано, все плохое изъято из прошлого и забыто – оно перенесено в настоящее. «Утраченный рай» Шмелева – это Россия праздников и радостей от вкусной еды до восторженной просветленной молитвы, «праздник, который всегда с тобой», и не случайно ностальгическое замечание «взрослого» повествователя: «Теперь потускнели праздники...» [7, с. 407]. Герой постоянно живет в ожидании чуда, в предвкушении каждого нового дня, который непременно принесет с собой какую-то радость (но – не неожиданную, внезапную, а знакомую, давно ожидаемую, ибо любое изменение воспринимается героем негативно – отсюда и оксюморонность эмоциональной гаммы романа: знакомое чудо, заранее ожидаемый сюрприз, известная неожиданность), и потому постоянным лейтмотивом проходит в романе фраза героя «завтра будет чудесный день!». И даже художественное время начинает в «Лете Господнем» подчиняться еде – календарь иногда даже оказывается словно расчерченным по кулинарной книге, а время определяется по типу потребляемой пищи: если в передней стоят миски с солеными огурцами и рубленой капустой, значит пришел Великий пост, если начинают печь «лешенки» из теста – Вознесение, блины – Масленица, а если на лавке в окоренке оттаивает поросенок – значит, Рождество на дворе. Вехами времени становятся наряду с церков-

ными праздниками и «кулинарные события», не случайно Горкин заявляет, что «по дням скучно будет отсчитывать» [7, с. 451] и на вопрос автобиографического героя, сколько дней осталось до Покрова, он отвечает, ориентируясь на «пищевое» переживание времени: «Так вот прикидывай... На той неделе, значит, огурчики посолим, на Иван Постного..., а там и Вздвигенье... – капустку будем рубить..., а за ней ... и онтоновку мочить, под самый под покров...» [7, с. 451]. Значимость гастрономических реалий настолько высока, что они становятся даже мерой уважения к человеку и критерием ценности личности. Описывая именины отца, повествователь скрупулезно отмечает, кто из гостей какой пирог принес («Сестры насчитали девяносто три пирога, восемнадцать больших куличей и одиннадцать полуторарублевых кренделей...» – [7, с. 480], «Сестрицы смотрят, какие пироги... Есть много от Эйнема, кремовые с фишашками; от Абрикосова, с цукатами, миндально-постный, от Виноградова с Мясницкой... Отходник Пахомов... сам принес большущий филипповский кулич...» – [7, с. 473], соблюдая поразительную точность в том, сколько всего пирогов, чем украшен каждый из них и в какой кондитерской он изготовлен (кстати, из всех «московских» реалий названия разнообразных кондитерских по степени повторяемости в «Лете Господнем» – на первом месте). Память автобиографического героя «работает» чрезвычайно интенсивно: она совершает порой невозможное, запоминающая, например, количество полуторарублевых кренделей или подробно воспроизводя, чем кормили каждого из гостей: настоятеля и казначея Донского монастыря – расстегаями и заливной осетриной, матушек-казначейш – кофе и слоеными пирожками с белужинкой, людей с Афонского подворья – колбаской и ветчинкой. Гастрономический аспект оказывается настолько определяющим для сознания лирического героя, что даже категория чуда прочно связывается именно с кулинарным рецептом торта от Абрикосова в виде огромного арбуза. Автобиографический герой Белого может быть заморожен маленьким красным лоскутком в руках няни, бунинский Арсеньев – необыкновенной красотой волшебной ночи, короленьковский повествователь – заливчаткой удалью народ-

ной песни или «страшным» рассказом о мертвецах – шмелевский герой восторженно замирает при виде «марципана» от Абрикосова: «И вносит старший официант Никодимыч... – громадный, невиданный арбуз! Все так и загляделись. Темные на нем полосы, наполовину взрезан, алый-алый, сахарно-сочно-крупчатый, светится матово слезой снежистой, будто иней это на нем, мелкие черные костянки в гнездах малинового мяса... и столь душистый...» [7, с. 483].

Мир шмелевского героя – это общий мир для всех, который был, есть и будет существовать всегда в том же неизменном виде. И поэтому сознание автобиографического героя, его точка зрения перестают быть центром мироздания, точкой отсчета и критерием оценки любого явления, оно теряет свой статус исключительного и единственного – герой воспринимает мир согласно общим нормам, правилам, канонам. И если вообразить гипотетическую ситуацию смены повествователя в «Лете Господнем» и отдать роль нарратора Горкину или одной из сестер Вани, то изменится только стилистическое оформление текста, а онтологический статус реальности и аксиологические акценты останутся теми же. Таким образом, автобиографический роман Шмелева – это не творение своего мифа, а воспроизведение чужого, общего для всех, но воспринимаемого в качестве своего: «Юный герой Шмелева ощущает свое родство с миром, всеединство людей, зверей, природы. В чувстве такого всеединства, согласно Шмелеву – важнейшая особенность русского национального характера» [1, с. 105]. Отсюда – особое качество художественного времени в «Лете Господнем»: это циклически замкнутое мифологическое время далекого прошлого, в котором нет поступательного движения, а есть бесконечное вращение в одном и том же пространстве и бесконечные повторения одних и тех же событий. Чужие события далекого прошлого становятся личными событиями героя, которые он помнит как свои: «И все я знаю... Я глядел из-за стен... когда? И дым пожаров, и крики, и набат... – все помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... – все мнится былью, моей былью... будто во сне забытом» [7, с. 306].

Интерпретация Шмелевым двух ключевых для любого автобиографического романа событий – рождения и смерти – также определяется его сверхзадачей конструирования

идеального прошлого. Рождение сестренки – это не таинство и не мистическое событие, а цепочка «вещных» и пищевых ассоциаций. Само появление сестры мотивируется тем, что мама «вчера яблочко кушала», веселье отца проявляется в том, что он вдохновенно «разламывает горячий калач над чаем, намазывает икрой» [7, с. 458], а для самого героя единственно важным оказывается факт появления в доме новых вещей, «розовой обновочки»: «...новые розовые чашки, розовый чайник с золотым носиком, розовую полоскательную чашку... – и все в цветочках, в бело-зеленых флердоранжах! Все такое чудесно розовое, «Катюшино»... совсем другое...» [7, с. 458]. Специально акцентируется и необходимость немного изменить список называемых в молитве близких людей – отец наказывает герою «прибавлять» теперь и Катюшеньку. Что касается категории смерти, то она у Шмелева присутствует в сознании автобиографического героя как нечто естественное, не вызывающее страха, гнева и протеста, как закономерный финал жизни, воспринимаемый в русле христианской идеологии: «бог дал – бог и взял» – поэтому о смерти брата всего лишь вскользь упоминается – бегло, практически без эмоций, да еще и в комплексе с таким же воспоминанием о смерти прабабушки Устиньи («Всегда курят горячим уксусом после тяжелой болезни или смерти. Когда померла прабабушка Устинья, и когда еще братец Сереженька от скарлатины помер, тоже курили – изгоняли опасный дух» [7, с. 526]. Близкое событие дано в паре с дальним, почти легендарно-мифологическим, и потому утрачивает конкретность и реальность, встраиваясь в череду традиционных ритуальных действий – акцентируется здесь явно не смерть близких людей, а сходство процессов «курения» в Чистый Понедельник, Крестопоклонную и после этих самых смертей. Герой живет не в мире чистых сущностей, а в мире знаков, символов этих сущностей, конкретных проявлений, в мире «милых мелочей» телесно-физиологического детского сознания: для него Пост означает новые занавески, особую еду, поездку на Постный рынок, Крестопоклонная – выпекание особенного печенья с привкусом миндаля и курение горячим уксусом. Поэтому герой не может спокойно слушать, как Горкин рассуждает о кресте, кото-

рый положат с ним в гроб, он боится креста и хочет заплакать; поэтому не страшна смерть – страшны ее знаки, ее «свита»: «другие» вещи, запахи, изменение привычного хода жизни. И в рассказе о самом трагическом событии романа – смерти отца – к детскому горю примешивается иная эмоция: «эх, испортил песню...»; смерть отца превратила «праздник каждый день» в царство скорби, и потому она становится последним событием «Лета Господня»: старый мир, идеальная Россия разрушены навсегда, и это означает завершение автобиографического мифа Шмелева.

Библиографический список

1. Агеносов, В. В. И. С. Шмелев [Текст] / В. В. Агеносов // Агеносов В. В. Литература русского зарубежья. – М. : Terra, 1998. – С. 92-115.
2. Ефимова, Е. С. Священное, древнее, вечное...» Мифологический мир «Лета Господня» [Текст] // Литература в школе. – 1992. – № 3-4. – С. 36-41.
3. Дзыга, Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы [Текст] / Я. О. Дзыга. – М. : БУКИ ВЕДИ, 2013. – 346 с.
4. Ильин, И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев [Текст] / И. Ильин. – М. : Скифы, 1991. – 216 с.
5. Кондаков, В. И. Мифологема «потерянный рай» в художественной структуре повести И. Шмелева «Лето Господне» [Текст] // Художественное мышление в литературе XIX–XX веков. – Калининград, 1994. – С. 72-80.
6. Черников, А. П. Проза И. С. Шмелева: Концепция мира и человека [Текст] / А. П. Черников. – Калуга : Калужский областной

институт усовершенствования учителей, 1995. – 344 с.

7. Шмелев, И. С. Избранное [Текст] / И. С. Шмелев. – М. : Правда, 1989.

Reference List

1. Agenosov, V. V. I. S. Shmelev = I. S. Shmeliov [Tekst] / V. V. Agenosov // Agenosov V. V. Literatura russkogo zarubezh'ja. – M. : Terra, 1998. – S. 92-115.
2. Efimova, E. S. Svjashhennoe, drevnee, vechnoe...» Mifologicheskij mir «Leta Gospodnja» = Sacred, ancient, eternal...» Mythological world of « the Lord's Summer « [Tekst] // Literatura v shkole. – 1992. – № 3-4. – S. 36-41.
3. Dzyga, Ja. O. Tvorchestvo I. S. Shmeleva v kontekste tradicij russkoj literatury = I. S. Shmeliov's creativity in the context of traditions of the Russian literature [Tekst] / Ja. O. Dzyga. – M. : BUKI VEDI, 2013. – 346 s.
4. Il'in, I. O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki: Bunin, Remizov, Shmelev = About darkness and enlightenment. Book of art criticism: Bunin, Remizov, Shmeliov [Tekst] / I. Il'in. – M.: Skify, 1991. – 216 s.
5. Kondakov, V. I. Mifologema «poterjannyj raj» v hudozhestvennoj strukture povesti I. Shmeleva «Leto Gospodne» = Mytheme «Paradise Lost» in the art structure of I. Shmeliov short novel «The Lord's Summer « [Tekst] // Hudozhestvennoe myshlenie v literature XIX–XX vekov. – Kaliningrad, 1994. – S. 72-80.
6. Chernikov, A. P. Proza I. S. Shmeleva: Konceptcija mira i cheloveka = I. S. Shmeliov's prose: Concept of the world and person [Tekst] / A. P. Chernikov. – Kaluga : Kaluzhskij oblastnoj institut usovershenstvovanija uchitelej, 1995. – 344 s.
7. Shmelev, I. S. Izbrannoe = Selected writings [Tekst] / I. S. Shmelev. – M. : Pravda, 1989.

Н. Л. Блищ

<https://orcid.org/0000-0002-3147-9099>

Литературная орнитология: Гоголь – Ремизов – Сирин – Соколов

В статье исследуются орнитологические образы в творчестве русских писателей с «птичьими» фамилиями или псевдонимами, анализируются присущие им формы авторского самовыражения. Цель статьи – показать, что А. Ремизов, В. Набоков (Сирин) и Саша Соколов наследуют гоголевские формы авторефлексии и используют связанные с миром птиц образы и ситуации как элементы символической тайнописи.

Ключевые слова: звукосемантика, мифопоэтика, реминисцентный фон, паронимическая аттракция, авторефлексия.

N. L. Blishch

Literary ornithology: Gogol – Remizov – Sirin – Sokolov

In the article ornithological images in works of the Russian writers with «bird's» surnames or pseudonyms are investigated, forms of author's self-expression inherent to them are analyzed. The article purpose is to show that A. Remizov, V. Nabokov (Sirin) and Sasha Sokolov inherit Gogol's forms of autoreflection and use images and situations connected with the world of birds as elements of symbolical cryptography.

Key words: phonosemantics, mythopoetics, reminiscence background, paronymic attraction, self-reflexion.

Гоголь – едва ли не самая символически многозначная фамилия из числа тех, что принадлежат русским классикам. Для многих писателей XX века именно автор «Мертвых душ» стал важнейшим художественным ориентиром, а его фамилия отразилась в стиливых «арабесках» многих ярких произведений. Так, в художественном мышлении А. М. Ремизова представление о литературной эволюции связано с орнитологической образностью и «центрировано» относительно Гоголя. Литературный процесс в России XIX века Ремизов описывал при помощи эмблематических образов кругов и крыльев. «Второй круг» он представлял в виде «двух крыльев»: «Салтыков, Гончаров, Тургенев – одно крыло; Лесков, Писемский, Мельников-Печерский и Островский – другое крыло» (Архив Ремизова). Соответственно, в «круге первом» одно крыло – пушкинско-толстовское, а другое – гоголевско-достоевское, но главное место в нем, по мнению Ремизова, занимает именно Гоголь.

С точки зрения Ремизова, в мире литературы главный творческий жест – принятие даров и передача приумноженного наследия другим. Поддержание эстафеты культурной

памяти есть *обмен дарами*: от Пушкина – к Гоголю, от Гоголя – к Ремизову, от него – к последователям.

В эссе «Дар Пушкина» (1937) Ремизов интерпретирует богомильскую легенду, известную ему по средневековому славянскому апокрифу «Сказание о Тивериадском море»: «... мне вдруг представился Пушкин: я увидел его *демоном* – одним из тех, кто выведет тайну воплощения Света; с лилией, поднявшись со дна моря и, пройдя небесные круги, он явился на землю – “и демоны убили его”» [7, с. 206]. Напомним, что в апокрифических рассказах о миротворении наряду с Богом-творцом появлялся в образе плавающей *птицы гоголь* демон Сатанаил.

Из этой же легенды Ремизов порождает свой символистский миф о демонической природе Н. В. Гоголя. В книге «Учитель музыки» ремизовский герой, оказавшийся под впечатлением орфическо-романтической концепции, приводит богомильскую легенду о сотворении тверди земной из горстки песчинок, «которую гордый лунный Гоголь поднял со дна Моря для солнечного Демиурга» [8, с. 194]. Такой подменой Ремизов намекает на то, что образ демонического

зы в произведениях Гоголя Ремизов воспринимает как знаки авторского присутствия. Это и «птица-тройка» в «Мертвых душах», и дрозд в клетке у Собакевича, и зачатое слово «гусак» в повести о том, как поссорились закадычные друзья. В портретах Гоголя Ремизов видел исключительно «птичьи» черты: длинный нос, худощавость и малорослость, броские цвета одежды, – считая, что все это связано с сознательной орнитологической мимикрией писателя.

Сам Ремизов – создатель богатейшей в русской литературе художественно-орнитологической «коллекции». Это и образ индейского петушка в рассказе «Петушок», и стилизации легенд о древнеславянских птицах Сирине и Алконосте, и отряд авторских двойников в книге «Учитель музыки» – журналист Курятников, баснописец Куковников, поэт Полетаев, экономист Птицын, а также начитавшийся трудов Бердяева философ Петушков. Ремизов сознательно культивировал собственное птицеподобие, часто используя образ птицы в автошаржах.

Показательно в этой связи, что восприятие мира у Ремизова всегда зависимо от слуха и голоса: он «подбирал слова по слуху», отсюда и параллельные гоголевским собственные ощущения «благодати видения слова» [7, с. 123], что позволяло раскрывать потенциальные возможности языкотворчества.

Элементы гоголевской орнитологической мифологии соотносил с собственным литературным развитием и мировоззренчески далекий от Ремизова Владимир Набоков. Выбор Набоковым псевдонима «Сирин», помимо ассоциаций с мифологическим образом птицы, обусловлен желанием молодого автора указать на свои символистские литературные корни. Как известно, издательство «Сирин» возникло в 1912 г. при активном участии А. Ремизова. В книге «Nikolai Gogol» (Norfolk, 1944) Набоков параллельно с Ремизовым выстраивает собственный стилизованный диалог с Н. Гоголем. Раскрывая неочевидные смыслы мотивов и образов Гоголя, Набоков также прячет за металитературными арабесками различные формы авторского присутствия. Переосмысляя гоголевские воображаемые миры, частотные в его прозе мифопоэтические и сновидческие картины, Ремизов и Набоков солидарно считают классика предтечей символистов. Образы птиц и орнитоло-

гические мотивы (полета, крыльев, журавлиного клина), метонимически связанные с образом пера и идеей писательского дара, становятся для них тайными знаками родства с Гоголем.

В поэтиках Ремизова и Набокова-Сирина алфавитным символом иррациональной художественности стала церковнославянская буква ѵ («ижица»), на которую был похож рот гоголевского героя Ивана Ивановича из «Повести о том, как поссорился ...». Визуально буква напоминает летящую птицу или выстроившуюся в клин стаю журавлей. Ижица стала фирменным знаком в рукописях и автографах Ремизова, в его причудливых сигнатурах на «обезьяньих грамотах». Набоков в графическом начертании буквы «ижица» обнаруживал латинскую букву «V» (монограмма автора), напоминавшую, в свою очередь, полусложенные крылья птицы или бабочки.

В романе «Приглашение на казнь» через этот алфавитный символ выражена проблема понимания / непонимания поэта толпой: «Окружающие понимали друг друга с полуслова, – ибо не было у них таких слов, которые бы кончались как-нибудь неожиданно, на ижицу, что ли, обращаясь в пращу или птицу, с удивительными последствиями» [6, с. 57]. Поскольку главным в романе является мотив поэтического бессмертия, то «алфавитная» метафора, восходящая к образу птицы, метонимически связана с выражением «ставить на крыло» и образом писательского пера. Характерно, что набоковский герой романа «Приглашение на казнь» Цинциннат – собирательный образ творца – наделяется выразительными птичьими чертами: у него были «легкие, тонкие» кости, хрупкие шейные позвонки, а руки совершали «порхающие движения».

Ценностные интенции Ремизова также связаны с представлением о птичьем пере как о знаке писательской незаурядности, неслучайно одна из подготовленных к публикации книг Ремизова называлась «Книга, написанная павлиньим пером». Оба писателя, не раз бывавшие в Праге, могли знать «птичью» этимологию чешского слова «upřchlík» (упырхлик) – беженец, и, безусловно, проводили образные параллели между своей эмигрантской судьбой и сезонной миграцией птиц.

Прозаик третьей «волны» эмиграции Саша Соколов намеренно подключается к традиции скрытого обозначения авторского присутствия, сложившейся у писателей-предшественников с «птичьими» именами – у Гоголя, Ремизова и Сирина. Многообразие птичьих (и сопутствующих им древесных) образов в его творчестве нередко вызывает к жизни звукопись то ли набоковской, то ли ремизовской выделки: «велеречивое лепетание лип» [9, с. 21], «вспорхи и перепархивания пернатых <...> в кронах <...> долговязых вязов» [9, с. 118].

Саша Соколов с отчаянием «приглашенного на казнь» пытается переиграть предшественников на их же поле – в технике музыкальных повторов и звуковых переключек. Музыкальный код книги «Палисандрия» задан звучанием (не написанием) ее названия, провоцирующим не только «рифменный полет» к библиографическому раю египетской Александрии, но и «греко-латинское» окказиональное толкование. Буквально понятая «Поли-Сандрия», или «много-Сашие», намекает на латентных металитературных героев романа, которыми становятся и сам автор, пожелавший остаться только Сашей и его тезки Александры: Пушкин, Блок, Солженицын (возможно, что и Жолковский). Но главным «теневым» предшественником автора оказывается все-таки тезка не по имени, а по «птичьему» псевдониму – Сирин-Набоков.

В образе главного героя романа «Палисандрия» – маньяка и графомана – прочитывается пародия на поэта-романтика, жаждущего воплощения в образе птицы: «Недостает только крыльев – лишь оперенья, дабы взлететь – воспарить – взметнуться» [9, с. 213]. Повышая градус пародирования и наращивая степень авторской отчужденности от «пернатых предков», Саша Соколов все же приходит к мотиву соколиной охоты. Подчеркивая не «певчую», а «ловчую» свою природу, он остается при этом в кругу «птичьих» металитературных метафор.

В эссе «Знак озаренья. Попытка сюжетной прозы» С. Соколов в поэтической форме сравнивал дар речи художника с голубем: «Речь – пернатое самых почтовых качеств: куда ни отправь, непременно вернется в пенаты ума, на насесты мысли, в ущелье уст» [9, с. 413]. Однако птичий образ тут же пре-

вращался Соколовым по звуковым ассоциациям то в пушкинскую няню – «дряхлую голубку», то в песенную («О, голубка моя ...»). В цикле «Триптих» (2010), запечатлевающим процесс превращения прозы в стихи, Соколов использует яркую «автометаописательную» метафору: «Мысль – птица, летающая сама по себе».

Итак, Н. В. Гоголь выстраивал свою литературную репутацию с опорой на авторитет Пушкина, в частности, придумал легенду о щедрости Пушкина, «подарившего» ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». А. М. Ремизов сумел вжиться в творческую психологию предшественника (в его «птичью ипостась») и благодаря этому расшифровать некоторые творческие импульсы Гоголя. В. В. Набоков-Сирин использовал новую контекстуальную призму для восприятия гоголевского наследия, «просеивая» гоголевскую орнитологическую образность в соответствии с собственным интуитивным видением. Саша Соколов, будто находясь на вершине орнитологического эволюционного древа, намеренно спародировал гоголевскую традицию, доводя до стилистического шаржа некоторые приемы писателей первой «волны», но тем самым подтверждая генеалогическую зависимость своего мировидения от эстетики Ремизова и Сирина.

Библиографический список

1. Архив Ремизова. Из Лескова. Альбом 16 (17 пронумерованных листов). Л. 2. Париж, 1934 [Текст] // Алексей Ремизов. Возвращение: выставка 16 апр. – 18 мая 2013 г. ГЦВЗ. Москва, Манежная площадь 1.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. [Текст] / Н. В. Гоголь. – М. : Наука ; ИМЛИ РАН. – Т. 7 (1) – 2012. – 808 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Рус.яз. – Медиа, 2003. – Т. 1. – 699 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Рус.яз. – Медиа, 2003. – Т. 4. – 683 с.
5. Ермаков, И. Д. Очерки по психоанализу творчества Н. В. Гоголя (1915) [Текст] / И. Д. Ермаков. – М. ; Петроград : Госиздат, 1924. – 178 с.
6. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4 [Текст] / Владимир Набоков ; сост. Н. Артеменко-Толстой. Предисл. А. Долинина. Прим. О. Сконечной, А. Долинина,

Ю. Левинга, Г. Глушанок. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 782 с.

7. Ремизов, А. М. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Ахру [Текст] / Алексей Ремизов; подгот. текста, статья, коммент., приложен. Е. Р. Обатниной; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – М.: Русская книга, 2000. – 640 с.

8. Ремизов, А. М. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Учитель музыки [Текст] / Алексей Ремизов; подгот. текста, статья, коммент., приложен. Антонеллы д'Амелия; Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – М.: Русская книга, 2002. – 512 с.

9. Соколов, С. Палисандрия: Роман, Эссе. Выступления [Текст] / С. Соколов. – М.: Симпозиум, 1999.

Reference List

1. Arhiv Remizova. Iz Leskova. Al'bom 16 (17 pronumerovannyh listov). L. 2. Parizh, 1934 = Remizov's archive. From Leskov. Album 16 (17 numbered sheets). L. 2. Paris, 1934 [Tekst] // Aleksej Remizov. Vozvrashhenie: vystavka 16 apr. – 18 maja 2013 g. GCVZ. Moskva, Manezhnaja ploshhad' 1.

2. Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 23 t. = Complete set of works and letters: in 23 v. [Tekst] / N. V. Gogol'. – М.: Nauka; IMLI RAN. – Т. 7 (1) – 2012. – 808 с.

3. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. = Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 v. [Tekst] / V. I. Dal'. – М.: Rus.jaz. – Media, 2003. – Т. 1. – 699 с.

4. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka : v 4 t. = Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 v. [Tekst] / V. I. Dal'. – М.: Rus.jaz. – Media, 2003. – Т. 4. – 683 с.

5. Ermakov, I. D. Oчерки po psihoanalizu tvorчestva N. V. Gogolja (1915) = Essays on the psychoanalysis of N. V. Gogol's creativity (1915) [Tekst] / I. D. Ermakov. – М.; Petrograd : Gosizdat, 1924. – 178 s.

6. Nabokov, V. V. Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 t. Т. 4 = Russian period. Collected works in 5 v. V. 4 [Tekst] / Vladimir Nabokov; sost. N. Artemenko-Tolstoj. Predisl. A. Dolinina. Prim. O. Skonechnoj, A. Dolinina, Ju. Levinga, G. Glushanok. – SPb.: Simpozium, 2004. – 782 s.

7. Remizov, A. M. Sобрание sochinenij v 10 т. Т. 7. Ахру = Collected works in 10 v. V. 7. Akhru [Tekst] / Aleksej Remizov; podgot. teksta, stat'ja, komment., prilozhen. E. R. Obatninoj; In-t russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN. – М.: Russkaja kniga, 2000. – 640 с.

8. Remizov, A. M. Sобрание sochinenij v 10 т. Т. 9. Учитель музыки = Collected works in 10 v. V. 9. Music teacher [Tekst] / Aleksej Remizov; podgot. teksta, stat'ja, komment., prilozhen. Antonelly d'Amelija; In-t russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN. – М.: Russkaja kniga, 2002. – 512 с.

9. Sokolov, S. Palisandrija: Roman, Jesse. Vystuplenija = Palisandriya: Novel, Essay. Performances [Tekst] / S. Sokolov. – М.: Simpozium, 1999.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 792

А. С. Кузин

<https://orcid.org/0000-0002-5851-0148>

Диалог культур на китайских театральных подмостках: ментальные различия и эстетическая интеграция

В статье анализируется практический опыт ведущего российского режиссера и театрального педагога, поставившего ряд спектаклей в крупнейших театральных центрах двух азиатских стран: Китая и Южной Кореи. Постановка произведений русской драматургии рассматривается как основа межкультурного диалога в широком смысле. Показаны психологические, нравственные, сугубо профессиональные аспекты работы русского режиссера с актерами других национальностей. Особое внимание обращено на проникновение в историко-культурные смыслы русской классики при постановке комедии Н. Гоголя «Ревизор» в Сеуле. Показано, что репетиции – процесс сложной коммуникации, в том числе речевой. Русский режиссер анализирует такой важный элемент организации театрального процесса, как персональные приоритеты руководства зарубежных театров и ведущих актеров, должностные и неформальные отношения между участниками работы. Особое внимание обращено на соблюдение профессиональной дисциплины ведущими, популярнейшими актерами, которым могут поручаться как главные роли, так и роли эпизодические. Своеобразие постановкам в театральных центрах «Гвен-ги-до» (Сеул) и «Бэньмо» (Пекин) придавали принципы международного менеджмента, для которого существенным был заказ со стороны артистов, занимающих первое положение не просто в театре или в городе, причем в столице, а в стране. Именно актеры были инициаторами обращения к популярной комедии «Служебный роман». У китайских актеров отмечаются такие профессиональные свойства, как следование правде жизни, правильная психологическая разработка роли, понимание того, что такое конфликт и обстоятельства. Слагаемыми нашего совместного, как оказалось, успешного результата были: пиетет китайских актеров (к русской культуре, к любимому русскому фильму, к русскому режиссеру) и пиетет режиссера (известные, лучшие китайские артисты). Совместившиеся в нашей работе творческие умения, таланты, дисциплина, стремление к поставленной цели (имею в виду китайских актеров) дали возможность достичь успеха.

Ключевые слова: диалог культур, театр, Китай, Южная Корея, режиссер, актеры, ментальность, эстетическая интеграция, глобализация, успех.

CULTURAL SCIENCE

A. S. Kuzin

Dialogue of cultures on the Chinese stage: mental differences and aesthetic integration

The article analyzes the practical experience of the leading Russian Director and theater teacher, who staged a number of performances in the largest theater centers of two Asian countries: China and South Korea. The production of works of Russian drama is considered as the basis of intercultural dialogue. Psychological, moral, purely professional aspects of work of the Russian Director with actors of other nationalities are shown. Particular attention is paid to the penetration into the historical and cultural meanings of Russian classics in the production of Comedy N. Gogol «Auditor» in Seoul. It is shown that rehearsals are a process of complex communication, including speech. The Russian Director analyzes such an important element of the organization of the theatrical process as the personal priorities of the management of foreign theaters and leading actors, official and in-

---

© Кузин А. С., 2019

formal relations between the participants of the work. Particular attention is paid to the observance of professional discipline by leading, popular actors, who can be entrusted with both the main roles and episodic roles. The uniqueness of the productions in the theater centers «Gwen-GI-do» (Seoul) and «Benmo» (Peking) was given by the principles of international management, for which the order was significant from the artists who occupy the first position not just in the theater or in the city, and in the capital, but in the country. It was the actors who initiated the appeal to the popular Comedy «Office romance». Chinese actors have such professional qualities as following the truth of life, correct psychological development of the role, understanding of what the conflict and circumstances are. The components of our joint, as it turned out, successful result were: the piety of Chinese actors (to Russian culture, to the favorite Russian film, to the Russian Director) and the piety of the Director (known, the best Chinese artists). Combined in our work creative skills, talents, discipline, commitment to the goal (I mean Chinese actors) made it possible to achieve success.

Key words: dialogue of cultures, theater, China, South Korea, director, actors, mentality, aesthetic integration, globalization, success.

Театральное искусство, диалогичное по своей сути, имеет особое свойство: устанавливать контакты между людьми, подчас не ожидавшими это и не сориентированными на это. Театр как пространство диалога не только между персонажами спектакля, но между персонажами и публикой, далее – между авторами и публикой иных стран – это также важный аспект художественной практики. Представляется важным проанализировать особенности творческого опыта, основанного на таком, многоаспектном диалоге, в котором участвует и который модерирует режиссер, чья работа происходит в новой для него стране, с новыми актерами.

Нам приходилось ранее писать о штампах и предубеждениях, психологических и эстетических парадоксах взаимодействия режиссера со взрослыми, опытными, знаменитыми и уверенными в себе артистами [3]. Было подчеркнуто плодотворное состояние взаимного интереса и внимания, готовности к пониманию и необходимости терпения (последнее – прежде всего, со стороны режиссера). Иное дело – работа не просто с «чужими» артистами в своей стране, но налаживание творческих контактов с представителями другой национальной художественной культуры. Это – процесс психологически и эстетически сложный, аналогичный воспитанию актера в стенах театральной школы [4, 5]; с той разницей, что время таких контактов очень кратко и определено рамками репетиций одного, конкретного спектакля.

Напомню, что наши выдающиеся старшие коллеги имели относительно небольшой, но весьма показательный опыт работы с зарубежными артистами, отмечая

и ментальные особенности своих подопечных в других странах, и специфичность их вхождения в репетиционный процесс, и типичность собственно творческой работы, к которой в итоге удавалось приобщить. Так, Г. А. Товстоногов, наряду с мастеровитостью финских актеров, с которыми в Хельсинки ставил «Три сестры», отмечал удивительную для него ситуацию: «...этим мастерам было невероятно трудно понять, что такое наш Чехов, у этих актеров не было той боли, без которой играть Чехова невыносимо. И надо было растрогать, даже шокировать этих благополучных людей, приехавших с загородных вилл в собственных автомобилях на наши репетиции» [10, с. 22].

Корейский опыт

В Театральном центре «Гвен-ги-до» (Сеул, Южная Корея) я поставил несколько спектаклей, начав работу, поскольку это было признано важным и символическим, с русской классики. Первой моей постановкой в 2004 году был «Ревизор» Н. В. Гоголя.

Интересным и поучительным является режиссерский (а по сути, и педагогический) опыт «трансляции» театральной школы в иную национальную среду.

Как это ни парадоксально, но в многополярной театральной жизни крупных городов классика является необходимой компонентой. Свидетельство этого я обнаружил в ходе работы с актерами Государственного театрального центра «Гвен-ги-до» в Сеуле (Южная Корея). Здесь предметом внимания руководства театра и публики стал великий русский автор – Н. В. Гоголь. Мне пришлось представить Гоголя в современной корейской столице, живущей особой культурной жиз-

нию, стремящейся не оглядываться на чужой авторитет, заботливой к собственной культуре, собственному образованию, собственным детям.

Диалог культур в театральной практике имеет своим основанием специфику жизни в современной стране, где ставится спектакль; в данном случае это была Южная Корея. Предмет режиссерского внимания – это особенности интерпретации русского классического произведения с учетом чужой ментальной основы актерского творчества и зрительского восприятия.

Инициатором моего приглашения в Южную Корею и постановки был господин Хонг-Са-Джонг, не просто координатор творческих проектов, а фанатичный поклонник русской культуры. Писатель, называющий свое огромное поместье с натуральными лесными фрагментами, водоемами, мостиками «Ясная поляна». Публицист, пишущий еженедельные обзоры культурной и общественной жизни в ежедневной газете «Донг-А», распространяемой по всей стране. Отличает известного чиновника от искусства весьма приличное знание мирового культурного опыта (побывав в Ярославле, он задавал вопросы в храме Ильи Пророка о византийском влиянии на фресковую живопись и изразцы, сравнивал православную «версию» «Отче наш» с грегорианским хоралом).

Генеральный директор был назначен в государственный театральный центр незадолго до того, как пригласил меня на постановку русской классики. Ему было нужно, чтобы не просто режиссеры из России ставили произведения русской классики (после моего «Ревизора» художественный руководитель Александринского театра В. Фокин поставил там «Женитьбу»), но чтобы сама система творческой подготовки актеров была поставлена на основы, сходные с тем, как это было в России времен расцвета ее театра.

Особой причиной интереса к русскому режиссеру в Корее я полагаю сходство наших человеческих позиций в отношении профессионализма, чувства ответственности за процесс и результат работы. Они это называют словами «русское чудо». Такое же чудо для них – наша режиссерская методология, по

поводу которой испытывают изумление, недоумение, искренне восхищаются непонятным для них способом достижения творческого результата.

Но есть и «корейское чудо». Манера работы в Корее: тщательность, ответственность, пунктуальность. График предстоящих репетиций в Корее и график пребывания корейского коллеги в России составляется заранее. При информации о ходе работы в Корее они сообщали не только номер рейса и время его отправления из Москвы и прибытия в Сеул, но и такие же сведения – на два почти месяца вперед – относительно обратного пути. Очень серьезно принимали к исполнению все пожелания, обеспечивающие необходимый творческий результат; не стоит нервировать читателей и называть сумму, которую заплатило руководство театрального центра за один, совершенно необходимый и не бутафорский, а настоящий предмет: приобретенный в антикварной лавке старинный телефонный аппарат. У нас эта сумма составила бы бюджет спектакля в провинциальном театре.

Репетиции – процесс сложной коммуникации, в том числе речевой. Переводила в процессе нашей выпускница петербургского (не лингвистического) вуза, жена театрального педагога; просила называть ее по-русски «Соня», на самом деле ее имя звучит «Сон Енг». Она не знает театральной специфики и не очень хорошо владеет русскими реалиями, поэтому ее перевод – живой, не лишенный юмора и беглых комментариев «от себя», – оказывается длиннее, чем реплики собеседников. Хотя, как говорят местные жители, корейский язык «короче» русского.

Важный элемент организации театрального процесса – персональные приоритеты, должностные и неформальные отношения между участниками работы. В корейском театре, играющем мировой репертуар, существует своеобразная система руководства-наставничества, когда есть главная по положению актриса (ее имя Ми Ок) и такой же по положению актер; однако в «Ревизоре» им достались роли далеко не главные: ей – унтер-офицерша, а ему – вовсе почти бессловесный лекарь Гибнер. Надо сказать, что такой характерный для России сугубо художественный, нечиновничий подход

к распределению ролей корейские актеры приняли мужественно, проявляя активность во время работы и выражая после премьеры благодарность, которая могла бы соответствовать ведущим ролям.

Впрочем, там и губернатор главной провинции, Сон-Хак-Кю, игравший в университете в студенческом театре, тоже попросил назначить его на роль, старательно репетировал и успешно сыграл трактирного слугу в премьерном спектакле. И это была не только художественная, но политическая, да еще и предвыборная акция (заметим, неожиданная и весьма удачная). Для трудолюбивых и дисциплинированных корейцев, как в великом русском театре, нет маленьких ролей!

Итак, за неполных полтора месяца во взаимодействии режиссера и актеров, которые впервые встретились в этой работе, был поставлен спектакль, о принципиальном замысле которого следует также кратко сказать.

Несмотря на то, что действие нашей постановки было перенесено в начало XX века, смысловые акценты русской классики были близки и важны для людей иной национальной культуры. Приступая к постановке, беседуя с актерами и готовя аннотацию для корейской публики, я считал нужным сделать следующие акценты.

На Западе и на Востоке по сей день испытывают уверенность в том, что именно русские режиссеры способны особенно тонко показать разницу между смешным и трагическим полюсами в жизни провинциалов. Именно они, с точки зрения иностранцев, знают, как развеселить публику и заставить ее задуматься над ужасом вечного произвола чванливых глупцов, недобросовестных чиновников и ничтожных оборотней.

Для России Н. В. Гоголь – основатель великой комедийной школы – значит так же много, как для Англии В. Шекспир или для Франции Ж. Мольер [6]. Пьесы Н. В. Гоголя кажутся простыми анекдотами о ничтожных людях. В «Женитьбе» несколько мужчин сватаются к одной не очень молодой женщине, а тот, кто победил в соперничестве, вместо похода в церковь выпрыгивает в окно. В «Игроках» несколько жуликов обыгрывают

друг друга, не успевая уследить за тем, кто кого обманул.

Но самое значительное, как принято считать в мире, сочинение Н. В. Гоголя в драме – это «Ревизор», сюжет которого опирается на многолетнюю мировую традицию. В основе пьесы – путаница: незаметного молодого человека, случайно застрявшего в провинциальном городке из-за отсутствия денег, жители во главе с городничим принимают за важного столичного чиновника, дают ему взятки, сватают ему своих дочерей, умоляют о покровительстве. Он же, сорвав «цветы удовольствия», уезжает в сопровождении наглого слуги, оставив горожан в ужасе перед появлением настоящего ревизора.

Многие великие режиссеры в России ставили «Ревизора», многие великие актеры играли роли в этой пьесе. Роль городничего имеет традицию от М. Щепкина до И. Ильинского в Малом театре, от К. Лаврова в Санкт-Петербурге до А. Папанова в Москве. Роль Хлестакова играли и забавный Н. Дюр в Петербурге еще при жизни Н. В. Гоголя, и нервный трагик М. Чехов в Художественном театре в начале XX века, и гротесковый актер театра Сатиры в Москве А. Миронов. Считали за честь поставить эту пьесу, как вершину творческого пути, великие режиссеры – К. Станиславский, В. Мейерхольд, Г. Товстоногов, В. Плучек. Ее ставили русские режиссеры за рубежом: О. Табаков – в Польше, В. Фокин – в Англии.

К. Станиславский стремился показать атмосферу наивности, в которой могла произойти история с мнимым ревизором, и показать персонажей пьесы как неразумных детей [9].

В. Мейерхольд показал своеобразный космос, где масштаб глупости и жестокости воплощался не только в отдельных людях, а в пространстве, похожем на гроб с веселыми украшениями [7].

У всех режиссеров мистика, связанная с появлением мнимого ревизора в маленьком городке, находила комическое или трагическое объяснение в повседневном (бытовом) поведении людей. Особое значение придавалось страху, который испытывают «человечки» не только перед непонят-

ными явлениями, но и перед обычным наказанием за мелкие повседневные грехи (привинности) [2, с. 401-431].

В России эпохи Н. В. Гоголя и его последователей стало привычным выражением «маленький человек»: это не только небогатый или незнатный, но духовно незначительный человек, который вызывает гнев и жалость, раздражение и умиление. И в этом – один из великих парадоксов русской классической комедии, которая, по мысли ее автора, должна была вызывать у зрителей «смех сквозь слезы».

Наша современная режиссерская позиция естественно опирается на классическую режиссерскую традицию, сложившуюся именно в России. И иностранным актерам я пришел с памятью о том, что делали наши классики.

Китайский опыт

И вот теперь можно сказать о моей недавней работе с китайскими актерами. Не буду сейчас сравнивать работу в Пекине с работой в Сеуле, хотя, казалось бы, такое сравнение напрашивается, поскольку речь идет о соседях – людях близких национальных корней. Была существенная разница в работе в названных странах, поскольку в Корее был государственный театр, а там – постоянная, сложившаяся труппа; а в Китае были два актера, выдающихся, очень известных, первоклассных – «национальное достояние».

Про актеров, по чьей инициативе в Пекине, театральном центре «Бэньмо» (2015 год) должен был ставиться спектакль «Служебный роман» по «Сослуживцам» Э. Рязанова-Э. Брагинского, мне сообщили, что оба они – обладатели двух государственных премий «Цвет сливы» и «Золотой лев» (к сожалению, в России сейчас чрезвычайно мало знают о современной китайской культуре, о культурной жизни, в моде, прежде всего – старина, поэтому описывать все нюансы актуальных практик надо было бы отдельно). Нам более понятно, каковы артисты, когда смотрим на список сыгранных ими спектаклей: они – Фэн Сяньчжэнь (будущая Калугина) и Хань Тоншэн (будущий Новосельцев) были партнерами и в рязановско-брагинской «Иронии судьбы», и в пьесах крупнейших

европейских авторов, «Мертвые без погребения» Ж.-П. Сартра и «Визит старой дамы» Ф. Дюрренматта, и в некогда широко известной у нас пьесе Л. Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна». Она – театральная звезда, он – еще и популярнейший киноактер, в Китае это называется актер или актриса «первого уровня», в нашей версии – это «народные», к тому же всенародно любимые артисты. Когда мы с ними вместе выходили на улицу, транспорт останавливался, и это – в центре многомиллионного Пекина.

Для того чтобы эти два артиста работали в выбранной ими пьесе, менеджментом были подобраны остальные актеры, с которыми у главных и всенародно любимых неплохие, прежде всего творческие, отношения.

В отличие от того, как приглашенные режиссеры работают в России, где мы чаще всего сами выбираем актеров для назначения на роли, знаем возрастные особенности, темперамент, возможности актеров, ситуация в центре «Бэньмо» была диаметрально противоположной. Основу работы составили принципы международного менеджмента, для которого существенным был заказ со стороны артистов, занимающих первое положение не просто в театре или в городе, причем в столице, а в стране. Это все равно, что в прежние времена, когда в России были бесспорные и единоличные властители театральных дум и чувств, ставить спектакль на М. Ульянова и Ю. Борисову или как ставил Г. А. Товстоногов на А. Фрейдлих и В. Стржельчика, позже – на ту же А. Фрейдлих и О. Басилашвили. Сверхизвестные, сверхлюбимые и, по сути, неприкасаемые артисты, «под» которых руководство театрального центра попросило руководство Союза театральных деятелей России найти режиссера. Был райдер (хотя и неназванный таким словом): режиссер не должен быть молодым, должен быть именитым – с премиями, регалиями, наградами, чтобы соответствовать главным артистам по своему статусу; с признанием, с опытом. Так сказать, «мы заказываем блюдо», и его будут «кушать» наши первые артисты. Ситуация достаточно экстравагантная для нашей российской практики: фактически театральный ре-

жиссер должен выполнять заказ и не может влиять на важнейшую художественную составляющую будущего спектакля – выбор актеров (художник, музыка – это было «доверено» российской стороне). Но именно поэтому мне и стало интересно. В такой странной парадигме я не работал никогда.

В то же время было и другое важное и непростое обстоятельство. Два актера – со «шлейфом», творческим, репутационным. Ансамбль к ним китайская сторона подбирала тоже до вхождения в работу режиссера. В результате мне присылали набор фотографий, где видны лица, где более или менее видна фактура, но не виден темперамент и неизвестен опыт (хотя сведения о сыгранных ролях были, но что там за спектакли, кем ставились, как игрались? И потом роли не только и не столько в известном нам мировом, классическом или современном репертуаре, а в национальном, о котором тоже судить не было возможности).

Еще одна, далеко не техническая проблема – это сроки: 42 дня от момента прилета в Пекин до момента отлета, от начала репетиций до первых двух премьерных показов на публику. Конкретные сроки, не мною выбранные артисты, площадка для репетиций и сценическая площадка для публичного «проката» – разные, на прокатную площадку мы выходили за два дня до премьеры. Артисты, кстати, так привыкли работать, но весь комплекс проблем, стоявших передо мною и вместе со мною – перед ними, был по-своему для меня уникален.

И все же наиболее существенная проблема, которая в России некоторое время назад была решена радикально и очень редко возникает, но о ней предпочитают тогда не вспоминать, – возраст актеров. У нас сначала боролись с такой ситуацией, а теперь уже забыли, когда актеры играли роли персонажей, будучи вдвое старше этих самых персонажей [11, 1]. В китайской постановке Китае актрисе был 61 год, актеру – 59, а текст Рязанова-Брагинского заканчивается фразой о том, что вскоре после благополучного финала у любящей пары было уже три мальчика... Но с этим ничего было не поделать. Актриса – инициатор постановки – ко всему

прочему озвучивала Калугину-Фрейдлих в нашем фильме, а Рязанов, у которого в Китае сложился буквально культ, приехав туда, носил Фэн Сяньчжэнь буквально на руках (благо она небольшого роста) и жалел, что не знал ее раньше, иначе занял бы в каком-нибудь из своих фильмов. И музыка А. Петрова, которую мы взяли в свой спектакль, звучит в нынешнем Китае с дисков, в транспорте, в ресторанах, по телевидению. И потому вопрос с возрастом пришлось решать радикально: убрать финальную фразу о третьем родившемся мальчике, просто забыть о несоответствии возраста актеров и персонажей.

А потом, когда начались репетиции, я обнаружил, что это неважно! Они свободные, органичные. Причем они не тянули за собой чемодан со штампами, которые, как у любых больших артистов, у них тоже есть. Я ведь смотрел спектакли, в которых в это время они играли, а главный герой все время снимается на телевидении: какой канал ни включи, там обязательно Хань Тоншэн. Я видел штампы и «приемчики» Фэн Сяньчжэнь, зрители от нее уже ждут этого. Называют они это «манерой»: «это – ее манера». По-нашему говоря, она иногда хлопчет лицом, подчеркнута что-то показывает. Она характерная актриса, в молодости играла героинь, потом перешла на другие роли. Кстати, в Китае в 60 лет все артисты обязательно уходят из государственного театра, а дальше те, у кого это получается, играют по контракту в коммерческих проектах.

Практически каждый актер из небольшого ансамбля шел на эксперименты, делая то, чего прежде никогда не приходилось. К примеру, сцена, которую очень любит публика и в фильме самого Э. Рязанова, – когда секретарша Верочка учит Калугину осваивать походку «от бедра». В нашем пекинском спектакле актриса по фактуре совершенно иная, чем была в фильме маленькая ехидная Л. Ахеджакова; в Пекине это была даже не драматическая актриса, а танцовщица и модель: ее пригласили в спектакль, чтобы она тоже по-своему украсила его. Да простится мне такое сравнение, но великих балерин приглашали в игровые фильмы,

например, великую М. Плисецкую – в «Анну Каренину» на роль Бетси Тверской. Наша юная Верочка – едва ли не на голову выше Калугиной, молоденькая, с длинными ногами, для которых демонстрация правильной походки – привычное занятие. Она утрированно шагала параллельно рампе, как цапля, а рядом с нею ковыляла немолодая, в юбке непонятной длины Калугина. Итак, танцовщице, хорошенькой и молоденькой, главное – популярной, исходя из коммерческих соображений, предложили участие в проекте «Служебный роман», создав тем самым для русского режиссера дополнительные педагогические проблемы. Конечно, не могло быть и речи о попытке приобщить исполнительницу к основам русской психологической школы – на это просто не было времени. Вместо того чтобы прививать, выращивать и воспитывать, приходилось использовать то, что человеку присуще от природы и чему он научен прежде (это адаптировалось к задачам роли). Ей приходилось обозначать внешний рисунок. Я ей только сказал, чтобы она вспомнила, как ходит по подиуму – это ведь не просто бытовая походка высокой молодой красотки, это особый тип движения. И тогда она эти шаги цапли нашла сама, а я только поддержал и закрепил.

Во время репетиций в Пекине, особенно в начале процесса, была и очень сложная техническая проблема: перевод. Неправда, что «язык искусства не нуждается в переводе», – нуждается, ибо в действительности очень важна вербальная основа нашего творческого взаимодействия. Но, с другой стороны, режиссерская установка на обязательно обретаемое взаимопонимание – это важный, хотя и ненавязчивый педагогический посыл. Так вступал в работу над «Вишневым садом» в Японии А. В. Эфрос, который работал с ведущими актерами, по его воспоминаниям, не обращая внимания на отсутствие общего с ними языка, говоря и показывая то, что говорил и показывал бы «своим» актерам и полагаясь на переводчика [12]. Как ни простодушно выглядит это суждение, оно верно, хотя нуждается в некотором дополнении. Я убедился в том, что необходим переводчик, который не

просто знает русский язык, но понимает контекст – и художественный, и психологический. Так было у меня в Сеуле, где работала, как я писала выше, супружеская пара, в которой он был режиссером и театральным педагогом, но русский язык знал похуже, а она, инженер по образованию, знала русский язык прилично, чувствовала нюансы и становилась реальным модератором (а в Сеуле я делал и Чехова, и Гоголя). Наш процесс, связанный с переводом, в Китае был сложнее, чем в Корее, и он был сложнее, чем у ученых и лекторов, которые чаще всего заранее пишут свои тексты и дают их переводчикам. Здесь же у нас поначалу сменились четыре переводчика, которых «учить» было труднее, чем артистов, ибо детали, нюансы, а также темп работы были для них непреодолимым препятствием. Они должны были работать не с научным нарративом, а с живым, незапрограммированным полилогом. Таким образом, была отдельная проблема – установление контакта с новыми артистами, и отдельная проблема – установление контакта с иноязычными артистами, не имевшими достаточной поддержки от переводчика. И надо отдать должное артистам: они быстро почувствовали, что переводчики доносят до них не то, что говорю я.

Китайские актеры испытывают глубокий пиетет к русской культуре, в частности, к К. Станиславскому, – но они его не изучали. Это такой теоретический пиетет. Тем не менее, в своей сценической органике, в психологических оценках, в психофизическом состоянии – его достижения и фиксации – лучшие из китайских актеров интуитивно работают по К. Станиславскому. У них абсолютный реализм, правда жизни, правильная психологическая разработка роли. Что такое конфликт, что такое обстоятельства – это все они понимают так же, как и мы [8]. Этому их «учить» не нужно, нужно только, во-первых, обнаружить это их свойство, во-вторых, использовать, то есть наблюдать, ждать, подсказывать. И это – несмотря на принципиальную разницу китайской и русской педагогических театральных школ: если у нас принято обучать актеров через возвращение (индивидуальности, понимания и т. п.), то

в восточной традиции, в частности китайской, обучение – это тренировка, направленная на высококачественное исполнение технических заданий. Впрочем, возможно, что какие-то намеки на русские театральные традиции пришли к китайским актерам через наше кино, работу с которым они вели как участники озвучения.

Однако по эмоциональному строю актеры, конечно, играли все же «Служебный роман», который, повторю, в Китае невероятно любим. И когда шла премьера, и зрительный зал хохотал и аплодировал, все фотографировали (там нет запрета на использование гаджетов во время спектакля, видимо, потому что нет сложившейся традиции театральных посещений в привычном нам качестве). Они хохотали так, как будто это была самая что ни на есть гомеически забавная комедия, у нас ни на давних спектаклях, ни на показах фильма такого хохота никогда не было. Они безумно хлопали после каждой песни: актеры пели вживую, а главная героиня поет хорошо, правильно, музыкально, это – достойное, так называемое «актерское пение». В антракте актеры уже начали говорить, что ждали хороший прием, но не предполагали, что он будет таким шквальным. Они говорили странную для меня вещь: «У нас в Китае так не реагируют». Действительно, там не принято после спектакля вставать и аплодировать стоя. Видимо, материал в сочетании с эмоциональным посылом актеров вызвал такую непосредственную и радостную реакцию.

Как говорили актеры и представители менеджмента, этот спектакль многое нарушил в привычном строе театральной жизни Китая. Такого не было ни в немногочисленных государственных театрах, ни в этом театральном центре, где обычно ставятся только наиболее кассовые, заранее предполагающие широкий зрительский резонанс спектакли. Поэтому коммерческая жизнь спектакля была продолжена сверх запланированных рамок, кроме Пекина и Шанхая, поехали в другие города, существенно увеличилось и время показа.

Важная деталь: китайские актеры, как мне показалось за 41 день работы, не склонны к халтуре. Думаю, у них этого не может быть, потому что тогда их не позовут в другой раз.

Это, по сути дела, цена вопроса: отдача максимальная и на репетициях, и на спектаклях. Мои репетиции шли по 9 часов, а когда заканчивались, артисты самостоятельно оставались и еще раз все проходили; лимита репетиционного времени не было (для сравнения: в Сеуле я работал с труппой государственного театра, там профсоюз до секунды отслеживал длительность рабочего времени и запрещал его превышать).

Я не видел их вживую в других ролях, только видео, возможно, не самые показательные, но могу попытаться определить, что актеры использовали из своего прежнего опыта, а что все-таки является результатом нашей совместной (а моей – режиссерской и педагогической) работы. Скажем, ушла их определенная, явно специальная яркость, подчеркнутость той самой манеры, прежде всего, у героя и героини. Я все время пытался их немного «приглушить», поскольку, хотя они все и стараются играть в реалистической манере, но декларативность, подчеркнутость у них не отнять. У нас это называется «плюсовать». В пьесе – ситуация бытовая, обыденная, поэтому декламационность по возможности убирала. Помню, актеры больше всего настораживались каждый раз, когда понимали: я меняю манеру, предлагая им другую, а новую зрители, которые привыкли к ним и любят их, не знают. Тут было некое напряжение, поскольку они не знали, как к этому относиться. Но потом, пока меня не было, они между собой разговаривали и я видел новый результат: вопрос о том, что и зачем они делают, был снят, они без сопротивления пошли по предложенному мною пути. Вероятно, они поговорили с коммерческим директором и перед ним отстояли мой способ репетиций. Это была важная творческая акция, вряд ли ее можно называть результатом педагогической деятельности, но определенный воспитательный, причем взаимный в этом отношении опыт, несомненно, был. Мы все, и я, и артисты, подтвердили свое право на творческий эксперимент. Значит, нужно, чтобы творческий эксперимент состоялся в экстраординарной ситуации (где по определению проще пользоваться имеющимися наработками, которые, во-первых, уже приносили успех, а, во-

вторых, сильно сокращают время работы), когда спектакль делается заново, а не переносится на основе уже ранее сделанного на новую площадку и труппу.

Кстати, если говорить о связи с фильмом и о его влиянии на артистов, то очень важное понимание дала музыка А. Петрова, которая «пришла» в пекинский спектакль из фильма Э. Рязанова. Когда они начали петь песни, они поняли, что делать это так, как они обычно делают, с жестикуляцией, с нажимом, – невозможно. Надо было работать камерно, лаконично, даже скупно. На это работала и сценография. В видеозаписи, сделанной для меня китайскими коллегами, видно, что даже позы они, особенно мужчины, принимают явно не характерные для современной китайской культуры, для китайского воспитания; скорее американизированные либо космополитичные: у них то одна рука в кармане брюк, то легкая небрежная ссутуленность. Глобализация, безусловно, повлияла и на бытовые проявления, поэтому кое-что космополитичное есть не только на сцене, но и в обыденном поведении.

Итак, слагаемыми нашего совместного, как оказалось, успешного результата были: их пиетет (к русской культуре, к любимому русскому фильму, к русскому режиссеру) и мой пиетет (известные, лучшие китайские артисты). Совместившиеся в нашей работе творческие умения, таланты, дисциплина, стремление к поставленной цели (имею в виду китайских актеров) дали возможность достичь того успеха, о котором я упоминал выше.

По косвенным признакам, по деталям, заметным в поведении актеров и сотрудников театрального центра я достаточно быстро понял, что в Китае режиссер никого близко к себе не подпускает, там есть дистанция. Я эту дистанцию всегда ломаю. Молодых актеров, которые близки по возрасту к моим студентам, я и в России, и в других странах называю на «ты», так уж повелось. Но китайских актеров я попросил, учитывая специфическую ментальность, чтобы они мне сказали, если я что-то буду делать, с их точки зрения, не так: мало ли какие могли быть недоразумения с учетом языкового барьера. Но они, к счастью, не возникли. Кроме того, ак-

теры поняли, что я оценил их способности и профессионализм.

Опыт нашей поистине совместной работы над комедией о любви позволил обнаружить, при всех естественных ментальных различиях, эстетическую интеграцию русского и китайского театра.

Библиографический список

1. Захаров, М. Контакты на разных уровнях [Текст] / М. Захаров. – М. : Центрполиграф, 2000. – 410 с.
2. Злотникова, Т. С. Философия творческой личности [Текст] / Т. С. Злотникова. – М. : Согласие, 2017. – С. 401-431.
3. Кузин, А. С. Театральная школа: современные смыслы [Текст]: учебное пособие / А. С. Кузин. – 2-е изд. испр, доп. – Ярославль : Ярославский государственный театральный институт, 2017. – 283 с.
4. Кузин, А. С. Театральная школа (ракурсы) [Текст] // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 1. – С. 238-243.
5. Кузин, А. С. Эстетическое воспитание профессионального актера: необходимость или утопия? [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 3. – С. 213-217.
6. Манн, Ю. В. Гоголь. Труды и дни [Текст] / Ю. В. Манн. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 810 с.
7. Рудницкий, К. Л. Режиссер Мейерхольд [Текст] / К. Л. Рудницкий. – М. : Наука, 1969. – 527 с.
8. Станиславский, К. Работа актера над ролью [Текст] // Собрание сочинений. – Т. 4. – М. : Искусство, 1957. – 551 с.
9. Строева, М. Н. Режиссерские искания Станиславского. 1998-1917 [Текст] / М. Н. Строева. – М. : Наука, 1973. – 360 с.
10. Товстоногов, Г. Не правдоподобие – правда образа [Текст] // Театр. – 1977. – № 4.
11. Товстоногов, Г. А. О профессии режиссера [Текст] / Г. А. Товстоногов. – Л. : ВТО, 1967. – 358 с.
12. Эфрос, А. В. Репетиция – любовь моя [Текст] / А. В. Эфрос. – М. : Искусство, 1975. – 319 с.

Reference List

1. Zaharov, M. Kontakty na raznyh urovnjah = Contacts at different levels [Tekst] / M. Zaharov. – M. : Centrpoligraf, 2000. – 410 s.
2. Zlotnikova, T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti = Philosophy of the creative person [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – M. : Soglasie, 2017. – S. 401-431.
3. Kuzin, A. S. Teatral'naja shkola: sovremennye smysly = Drama school: modern meanings [Tekst] :

учebnoe posobie / A. S. Kuzin. – 2-e izd. ispr., dop. – Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj teatral'nyj institut, 2017. – 283 s.

4. Kuzin, A. S. Teatral'naja shkola (rakursy) = Drama school (foreshortenings) [Tekst] // Vestnik MGUKI. – 2013. – № 1. – S. 238-243.

5. Kuzin, A. S. Jesteticheskoe vospitanie professional'nogo aktera: neobhodimost' ili utopija? = Es-thetic education of the professional actor: need or utopia? [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 3. – S. 213-217

6. Mann, Ju. V. Gogol'. Trudy i dni = Gogol. Works and days [Tekst] / Ju. V. Mann. – M. : Aspekt Press, 2004. – 810 s.

7. Rudnickij, K. L. Rezhisser Mejerhol'd = Direc-tor Meyerhold [Tekst] / K. L. Rudnickij. – M. : Nauka, 1969. – 527 s.

8. Stanislavskij, K. Rabota aktera nad rol'ju = Work of the actor on a role [Tekst] // Sobranie sochinenij. – T. 4. – M. : Iskusstvo, 1957. – 551 s.

9. Stroeva, M. N. Rezhisserskie iskanija Stani-slavskogo. 1998-1917 = Director's searches of Stani-slavsky. 1998-1917 [Tekst] / M. N. Stroeva. – M. : Nauka, 1973. – 360 s.

10. Tovstonogov, G. Ne pravdopodobie – pravda obraza = Non-truthlikeness – the truth of an image [Tekst] // Teatr. – 1977. – № 4.

11. Tovstonogov, G. A. O professii rezhissera = About the director's profession [Tekst] / G. A. Tovstonogov. – L. : VTO, 1967. – 358 s.

12. Jefros, A. V. Repeticija – ljubov' moja = Re-hearsal – my love [Tekst] / A. V. Jefros. – M. : Iskusstvo, 1975. – 319 s.

Т. С. Злотникова

<https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Русский театр – концепт и культурный феномен

В статье предлагается сугубо авторское обоснование двух парадигм понимания русского театра. «Русский театр» как концепт отражает универсальность явления. В качестве концепта русский театр может и должен рассматриваться в своих историко-культурных интенциях, в своей цивилизационной определенности, в своей контекстуальной увязанности с традициями театра мирового либо, по крайней мере, европейского, в своей эстетической значимости. Отмечаются истоки, принципиально аналогичные истокам мирового театра. Концептом русский театр является благодаря особенностям отечественной режиссуры в ее демиургичности, в ее жертвенности, в ее значимости как источника художественных открытий для мирового театра. В связи с концептом говорится о парадоксальном явлении: мифологизации персон и судеб, свершений и потерь великих русских режиссеров (В. Мейерхольд, Е. Вахтангов, Г. Товстоногов, Ю. Любимов). Культурный феномен, каковым мы считаем русский театр, наряду с его характеристикой как культурного феномена, соответствует уникальности (эстетической, ментальной, социокультурной). Связывая феномен с представлениями об опыте и чувственном «осознании», превалирующем над концептуализацией, мы полагаем, что культурным феноменом русский театр делает ментальный дискурс, в полной мере специфический, связанный с локальными мотивами (женско-мужская дихотомия, провинциально-столичный хронотоп) и парадоксальными рецепциями мировых практик (театрализация повседневности и интеграция художественного и внехудожественного в парадигме абсурда). Это касается русской драматургии (А. Грибоедов как автор первого трагикомического сочинения) и актерского творчества (актер – любимец публики, персонаж пьес, кинофильмов, новелл и анекдотов – значимая фигура и компонента феномена русского театра на протяжении почти трех столетий). На границе между концептом и феноменом, между концептуальными представлениями о театре как виде искусства с присущими ему эстетическими особенностями и признаками эволюции в условиях сходных цивилизационных процессов, и уникальностью культурного феномена, в котором велико значение самовыражения национально-ментальной картины мира, находится такое явление, такой культурный феномен, как провинциальный театр (отражен в театральной публицистике, новеллистике, драматургии А. Островского, А. Чехова). Сделан вывод о том, что русский театр именно в своем бинарном качестве значим для современной культуры.

Ключевые слова: русский театр, концепт, феномен, парадоксы, режиссура, драматургия, актерское творчество, абсурд, провинция, ментальность.

T. S. Zlotnikova

The Russian theater – a concept and a cultural phenomenon

In the article there is purely the author's justification of the two paradigms of understanding of the Russian theatre. «Russian theatre» as a concept reflects the universality of the phenomenon. As a concept the Russian theatre can and has to be considered in the historical and cultural intensions, in its civilization definiteness, in the contextual coherence with traditions of the theater world or, at least, European, in the esthetic importance. The sources essentially similar to sources of the world theater are noted. The Russian theatre is a concept due to features of national direction in its demiurgicity, in its sacrifice, in its importance as a source of artistic discoveries for the world theater. As a concept, the Russian theatre can and should be considered in its historical and cultural intentions, in its civilizational certainty, in its contextual connection with the traditions of the theater of the world or, at least, European, in its aesthetic significance. The sources, fundamentally similar to the sources of world theater, are noted. The concept of the Russian theatre is due to the peculiarities of the domestic directing its demiurgical, its sacrifice, its importance as a source of artistic discoveries for the world of theatre. In connection with the concept it is said about a paradoxical phenomenon: the mythologization of the persons and lives, achievements and losses of the great Russian Directors (V. Meyerhold, Evgeny Vakhtangov, G. Tovstonogov, Yu. Lyu-

bimov). The cultural phenomenon, which we consider the Russian theater to be, along with its characteristics as a cultural phenomenon, corresponds to the uniqueness (aesthetic, mental, socio-cultural). Linking the phenomenon with the ideas of experience and sensual «touch», prevailing over the conceptualisation, we believe that the cultural phenomenon of the Russian theater makes mental discourse, fully specific, associated with local motifs (female-male dichotomy, provincial capital chronotope) and paradoxical receptions of world practices (theatricalization of everyday life and the integration of artistic and non-artistic in the paradigm of absurdity). This applies to Russian drama (A. Griboyedov as the author of the first tragicomic work) and acting (actor – a favorite of the public, a character of plays, movies, novels and anecdotes – a significant figure and component of the phenomenon of the Russian theater for almost three centuries). On the frontier between the concept and the phenomenon, between the conceptual ideas about the theater as a form of art with its inherent aesthetic features and signs of evolution in conditions of similar civilizational processes, and the uniqueness of the cultural phenomenon, where the importance of self-expression of the national-mental picture of the world is great, there is such a phenomenon, such a cultural phenomenon as the provincial theater (reflected in theatrical journalism, novelistics, drama by A. Ostrovsky, A. Chekhov). It is concluded that the Russian theater in its binary quality is important for modern culture.

Key words: Russian theater, concept, phenomenon, paradoxes, direction, dramatic art, actor's creativity, absurdity, province, mentality.

Событие с политическим и широким социальным оттенком – объявление 2019 года «Годом театра в России» – не может не инспирировать развитие научных исследований разных граней отечественного театра, а не только сугубо художественные, адресованные широкой публике акции. Естественным становится проявление ответственности за изучение новых аспектов театральной истории, человеческих судеб, творческих проектов, которыми характеризуется жизнь театра в России. Отсюда – и наша лепта, вносимая в понимание театра в России сегодня; лепта, основанная на многолетнем изучении русского театра как теоретического концепта и живого, переменчивого культурного феномена.

1. «Русский театр» как концепт

Концепт воплощает (отражает) универсальность, прежде всего цивилизационную, но, в то же время, эстетическую. Используя «концепт» в значении, предложенном современными философами (в частности, С. С. Неретиной, рассматривающей его как акт или принцип «схватывания» смысла вещи или проблемы в единстве их речевого обеспечения, причем подчеркивается отличие «концепта» от «понятия» [12]), мы полагаем, что концептом русский театр делает цивилизационный дискурс, опирающийся на универсалии культурных практик, связан с трансформациями стилей (в частности, классицизма), методов (романтизма и реализма), вечных тем (власть, любовь, честь и т. п.). В качестве концепта русский театр может и должен рассматриваться в своих историко-

культурных интенциях, в своей цивилизационной определенности, в своей контекстуальной увязанности с традициями театра мирового либо, по крайней мере, европейского.

Исследовательский контекст, с которым коррелирует концепт «русский театр», велик по объему, но, в то же время, не слишком конкретно увязан с определенной национальной спецификой.

Мировая научная традиция не уделяет достойного внимания *русскому театру*, формально соотнося этот синтетический вид искусства с непознаваемыми тайнами «загадочной русской души». В отличие от опыта изучения, прежде всего, русской литературы, а также русской музыки, отчасти русской живописи и архитектуры, русский театр не стал предметом последовательных научных штудий за пределами России.

Применительно к мировому театру следует отметить, что эстетическая проблематика театра как культурного феномена перестала интересовать исследователей после Г. Гегеля и В. Белинского. *Культурфилософское* же понимание проблем художественной деятельности (Ф. Шеллинг, Ф. Ницше, Н. Бердяев) также является достоянием, прежде всего, истории научной мысли. Несмотря на многочисленные локальные исследования театральной эстетики, появившиеся в России на рубеже XIX–XX веков (Н. Евреинов, А. Эфрос) вместе с работами режиссеров (К. Станиславский, В. Мейерхольд, А. Таиров), предлагаемый нами ракурс эстетического изучения пробле-

мы отсутствовал в принципе. Разделы в грандиозных, многотомных коллективных трудах «История русского драматического театра» [9] и «История советского драматического театра» [10] носили чаще всего по определению нарративный, а не проблемно-эстетический характер. В отличие от того, как не выростали обобщающие труды о режиссуре, выдающийся труд А. А. Аникста, систематизировавшего проблематику теории драмы применительно к мировой и русской традиции, заполнил одну из многочисленных ниш, не создав прецедента в России. То же самое следует сказать о единственном опыте эстетической интерпретации представлений о системе искусств, предпринятом М. С. Каганом и учитывавшем, в числе прочего, концептуальные представления о театре [11]. Опыт изучения парадоксальной природы театрального искусства в рамках европейской традиции исчерпывается в последние более чем четверть века немногочисленными трудами (работы Г. Н. Бояджиева о французском, А. Г. Образцовой и А. В. Бартошевича об английском, публикации В. Ю. Силюнаса по проблемам испанского театра, В. В. Иванова по проблеме взаимодействия русской и иудейской театральных культур). К счастью, имеется весьма значительная по достигнутым результатам традиция собирания, публикации и осмысления документированных материалов по истории русского театра (К. Л. Рудницкий, М. Н. Строева, И. Н. Соловьева, О. М. Фельдман как авторы работ о русских режиссерах), а также апелляции к эстетической проблематике, имплицитно включавшейся в изучение отдельных тенденций (в частности, публицистического театра – Д. И. Золотницкий, эстрадного – С. С. Клитин) и теории театра как сугубо сценического феномена (Ю. М. Барбой). Но отдельные персоны изучены относительно детально только в тех случаях, когда это касается начал режиссуры как профессии и начала отечественного театра как режиссерского.

Сегодня, в ситуации уже осуществившейся во всех сферах жизни *глобализации*, полезно напомнить, что русский театр имеет истоки, принципиально аналогичные истокам мирового театра: народные обряды, ка-

лендарные празднества, ряжение, использование кукол-чучел в процессе «игрищ». Наличие *скоморохов* как носителей первородной природы театра в России зафиксировано фреской Софийского собора в Киеве (XI в.); слово «скоморох» пришло на Русь тогда же, его находят в первых переводах греческих текстов, сделанных в Болгарии, но уже существовали такие его аналоги, как «игрец», «глумец», «глумотворец», «прелестник», «смехотворец» (существовали вплоть до рубежа XVII–XVIII вв.).

Однако становление *профессионального* театра в России происходило с середины XVII до середины XVIII вв. и носило характер адаптации европейских традиций. Этот процесс воплотился в театрализации церковных обрядов («Пещное действо»), устройении «потешных хором» при дворе царя Михаила Романова, открытии в 1672 г. придворного театра («Артаксерксово действо», подготовленное пастором И. Г. Грегори), для которого создавались сложные подъемные писанные декорации и бутафория, а исполнителями были юноши из Немецкой слободы. В XVII в. возникает школьный театр под руководством С. Полоцкого, в XVIII в его дело продолжил Ф. Прокопович с патриотической «трагедокомедией» «Владимир» (сочетал традиции сакральных западноевропейских представлений с элементами народной драмы). Завершилось развитие народного театра в виде «театра охочих комедиантов» (драмы «Лодка», «Царь Максимилиан»). В 1730-1740-е гг. первые русские профессиональные драматурги А. Сумароков, Я. Княжнин получают образование в Шляхетном корпусе, куда потом будет привезена и группа актеров из Ярославля под руководством Ф. Волкова и И. Дмитриевского. При дворе чередуются иностранные труппы, в основном с оперно-балетными спектаклями (в 1738 г. в Петербурге открылась первая русская танцевальная школа, руководитель Ж.-Б. Ланде). 1750 г. считается моментом создания первого русского профессионального театра (начались представления в Ярославле). Названная дата символична, но исторически более точной исследователи полагают 1756 г., когда в Петербурге был учрежден Русский публичный театр для представления трагедий и комедий (ди-

ректор А. Сумароков, актеры труппы Ф. Волкова), игравший русские и переводные классицистские пьесы; в 1759 г. создана первая московская профессиональная труппа (Русский театр), в 1779 г. создан театр на Царицыном лугу (Петербург), в 1780 Петровский театр (в Москве, на месте нынешнего Большого театра). И, далее, во второй половине XVIII в. стала развиваться «сеть» провинциальных театров (Харьков, Казань, Саратов, Нижний Новгород, малые города), и театров крепостных (в имениях Шереметевых, Юсуповых).

В русле классицизма, оказавшего значительное влияние на русский театр, развивается драматургия, имеющая новую, сугубо национальную основу: комедии Д. Фонвизина, И. Крылова, В. Капниста, трагедии Я. Княжнина, В. Озерова, «слезные драмы» В. Лукина, М. Хераскова. Сценическое искусство, связанное с творчеством актеров – продолжателей традиций Ф. Волкова (И. Дмитриевский, Я. Шушерин, П. Плавильщиков) приобретает ярко выраженную национальную окраску, более эмоциональную и непосредственную, чем это предписывалось нормами недавно освоенного классицизма. Этому способствует становление светской комедии (А. Шаховский, М. Загоскин, Н. Хмельницкий), которая позднее дает толчок развитию самобытного русского водевиля (Д. Ленский, П. Каратыгин, Ф. Кони).

К содержанию концепта «русский театр» следует отнести *русскую режиссуру* в ее демиургичности, в ее жертвенности, в ее значимости для мирового театра как источника художественных открытий.

В начале XXI века по-новому, сквозь призму открытий и потерь XX века, осмысливается работа основоположников режиссерской профессии в нашей стране; дело не только в «моде» на мастер-классы «по Станиславскому» или «по Вахтангову», но и в «моде» даже на сами имена людей этого исторического ряда. Недаром на Московском международном кинофестивале выдающимся актерам (подчеркнем, не театра, а мирового кинематографа) вручалась премия, название которой, пусть и данное в честь К. С. Станиславского, для российского уха звучит иронически: «Верю!»

Во втором десятилетии XXI века режиссурой занимаются разные люди, в том числе и те, для кого понятия «школа», «ансамбль», «традиция» и им подобные являются или объявляются архаизмами, а известный лозунг явно или по умолчанию перефразируется в «режиссура – это Я» либо даже в «театр – это Я».

Кто-то называет такую тенденцию постмодернистской. Хотя, на наш взгляд, она является признаком люмпенизации искусства.

Вот почему вслед за фигурами первого (по времени) ряда отечественных режиссеров, чья жизнь вобрала и выразила не только эстетические, но и политические парадоксы первой половины XX века – К. С. Станиславским, В. Э. Мейерхольдом, Е. Б. Вахтанговым, А. Я. Таировым – представляется важным увидеть судьбы и спектакли не напрямую следующего за ними поколения (будь то Ю. А. Завадский или Н. П. Охлопков, Р. Н. Симонов или В. Н. Плучек, А. Д. Дикий или А. Д. Попов, не забыть о великом режиссере и педагоге М. О. Кнебель), которое было полностью детерминировано как принадлежностью к «школе», так и временем своего активного творчества, с 1930-40-х годов по 1960-70-е. Эстетические парадоксы режиссуры как профессии и как образа жизни стали особенно разнообразно проявляться в жизни более позднего, назовем его третьим, поколения, к которому относятся и уже ушедшие из жизни Г. А. Товстоногов, А. В. Эфрос, О. Н. Ефремов, Ю. П. Любимов, и здравствующие Г. Б. Волчек, М. А. Захаров.

Разумеется, ряд/список выдающихся мастеров можно продолжить, работы, посвященные тем или иным персонам созданы или ждут своего часа; авторский выбор, представленный здесь, сформировался не сегодня, а в период становления или расцвета творчества названных режиссеров. Их, так сказать, «знаковый» для отечественного театра смысл будет обособлен далее, но формальные признаки объективности научного анализа только ради соблюдения пропорций и неперемного упоминания всех сколько-нибудь значимых фигур вряд ли существенны при изучении сложного культурного феномена, каким является режиссерская личность.

Современные отечественные режиссеры старшего (после 65-70 лет) и среднего, стре-

нительно стареющего (от 50 до 65 лет), поколений сформированы той, классической режиссерской школой, которая в нашей стране связывалась с именами людей, *через одно рукопожатие* получавших уроки первых – по времени жизни – корифеев: работают ученики А. Лобанова, М. Кнебель, Г. Товстоногова. В их работе и судьбах сегодня сбывается горькое предвидение или предчувствие совсем, казалось бы, недавнего времени – предвидение превращения режиссерской профессии в раритет.

Подчеркнем – *профессии*, которая в течение всего XX века считалась трудной, обязывающей, требующей множества личностных и художественных проявлений. Сошлемся на не зафиксированную документально, хотя рассказанную очевидцем историю взаимоотношений выдающегося ленинградского (называем в соответствии с историческим периодом, о котором идет речь) режиссера и педагога Л. С. Вивьена с молодым и амбициозным актером, добившимся, что в 1960-е годы было редкостью, права на самостоятельную постановку в Академическом театре им. Пушкина. После показа не удавшегося спектакля главный режиссер саркастически заметил: «*Я думал, что режиссура – это профессия, а оказывается, что это – времяпрепровождение*». Заметное снижение – нет, не уровня пиетета, но уровня значимости, в том числе общественной, и уровня ответственности (не будем говорить специально, но упомянем о ставшей острейшей для современного театра проблеме театрального лидерства) – вот коллизия, которая вынуждает говорить о трансформации либо деформации режиссерской профессии.

В этой связи важно упомянуть о мифологизации персон и судеб, свершений и потерь великих русских режиссеров [6]. Таков миф о режиссерах XX в., великих и уникальных: Мейерхольд – это, прежде всего, человек политики, Вахтангов – прежде всего, человек искусства; далее появились мифы о «благополучном» режиссере Г. Товстоногове и «гонимом» режиссере Ю. Любимове. Все эти мифы лишь отчасти передавали смысл жизни и весьма приблизительно – смысл творческих открытий режиссеров, творцов, созда-

телей театральных коллективов, авторов великих спектаклей.

2. «Русский театр» как культурный феномен

Культурный феномен, каковым мы считаем русский театр, наряду с его характеристикой как культурного феномена, соответствует уникальности (эстетической, ментальной, социокультурной). Связывая, в традиции Э. Гуссерля [2], феномен с представлениями об опыте и чувственном «осязании», преобладающем над концептуализацией, мы полагаем, что культурным феноменом русский театр делает ментальный дискурс, в полной мере специфический, связанный с локальными мотивами (женско-мужская дихотомия, провинциально-столичный хронотоп) и парадоксальными рецепциями мировых практик (театрализация повседневности и интеграция художественного и внехудожественного в парадигме абсурда).

Русский театр, в каком бы веке он ни существовал, верен *драме как роду литературы*, и никакие декларации отказа (разрушения, деконструкции или чего-то иного, подобного), будь то Net, Doc, перформативность или иммерсивность, не могут убедить в реальности отказа русского театра от его неперменной составляющей – драмы.

В то же время отечественный сценический опыт последнего столетия подчеркивает такой специфический смысл драматического искусства, как его жанровые парадоксы (Гоголь, а вместе с ним – Сухово-Кобылин, Салтыков-Щедрин и др.) – русская комедия, русская трагедия, русская драма как «нелинейные» жанры, в противовес европейской, в частности, классицистской либо романтической традиции; формирование специфической (парадоксальной) картины мира, предвосхитившей зарождение европейской драмы абсурда (алогизм, оборотничество и перевертыши, феномен «пустоты»), но имеющей отчетливую социально-критическую (гротесковую) природу.

В силу полемичности отношения к пьесе А. Грибоедова «Горе от ума» и ее главному герою на всем протяжении существования текста, сегодня можно утверждать, что *сценическая интерпретация жанра пьесы Гри-*

боедова – это особая эстетическая и социокультурная проблема.

Комедия? Драма? Трагедия? Трагикомедия? Вопрос важный для русской культуры в целом, а не только для понимания смыслов сценического воплощения «Горя от ума». А. Аникст в своем фундаментальном труде по теории драмы присоединился к новаторскому пониманию В. Белинским того, что «одни и те же отрицательные качества, в зависимости от степени их развития, оказываются пригодны либо для трагедии, либо для комедии» [1, с. 156]. Наличие легко преодолеваемой границы между жанрами констатировал в своих рассуждениях и Н. Чернышевский: «Все, что выходит в человеке и в человеческой жизни неудачно, неуместно, становится комическим, если не бывает страшным и пагубным» [15, с. 212]. А М. Е. Салтыков-Щедрин спрашивал о грустнейшем своем сатирическом романе «Современная идиллия», видя закономерность в парадоксе: «Ужели это не трагедия, а водевиль?» [14, с. 662].

Особый, загадочный и постоянно поразному определяемый жанр сценических версий пьесы Грибоедова (у автора комедия, у режиссеров трагедия, трагикомедия) – следствие абсурдистской парадигмы русской классики, с одной стороны [4], и всегда темпераментного, лично, в том числе политически и нравственно детерминированного отношения режиссеров к главному персонажу, с другой.

Нам уже приходилось обращать внимание на то, что психология абсурда срабатывала в России как традиционная нелюбовь к себе, уверенность в том, что *свое* хорошим быть не может. Да и то, где в мире воспитателями к детям высшего сословия брали иностранцев? Мог ли иностранец пестовать японского самурая или британского лорда? А в России волны – то пруссомании, то галломании, а за ними – волны сарказма на грани абсурда, начиная с гениальной «Подщипы» И. Крылова с придурковатым принцем Трумфом и с грибоедовского возмущения радостью по отношению к гостям «особенно из иностранных».

Люди западной культуры, являя в сочинениях своих отцов-основателей теорию абсурда, демонстрируя его художественные образцы, даже в абсурде стремятся к системе [5].

Западная культурная традиция (от античности до классицизма, от классицизма до постмодернизма) стремится найти культурный образец, выработать некую норму. Норму на Западе никто не отвергает, тем более не ниспровергает. Даже если ее разлагают и выворачивают наизнанку, как в искусстве абсурда.

Драма возвращается в жизнь человека уже не как род литературы, а как ситуация его экзистенции.

Актер – любимец публики и властитель дум, предмет восхищения и снисходительного, едва ли не презрительного отношения, персонаж пьес и кинофильмов, новелл и анекдотов – значимая фигура и компонента феномена русского театра на протяжении почти трех столетий. Многократно описанный в конкретных ролях и явно недостаточно изученный в типологических свойствах. Скажем об этой компоненте феномена русского театра кратко, поскольку более объемно нам уже приходилось об этом писать [7], [3].

Изучение *актерского творчества*, казалось бы, имеет немалую традицию. Во-первых, в версии историков и теоретиков театра (прежде всего в связи с фигурами первого ряда того или иного периода, той или иной страны; реже – в связи с традициями целого коллектива, в частности, в России – Александринского или Малого театров; еще реже – в связи с актерской традицией воплощения ролей в пьесах одного выдающегося драматурга, будь то А. Островской, А. Чехов, М. Горький, В. Шекспир). Во-вторых, в версии психологов, психофизиологов, философов (наиболее редко встречающийся, инструментально детерминированный подход). В-третьих, в версии театральных педагогов (начиная, если угодно, с К. Станиславского и его непосредственных учеников и заканчивая немногими действующими современными пишущими педагогами). В-четвертых, в версии широко известной, но редко расцениваемой как научно организованный материал, хотя в ряде случаев таковым является, – а именно, в версии актуальной театральной критики, причем не только рецензий, но так называемых актерских портретов, каковые имели в России многочисленные примеры создания и достойную традицию начиная с 1930 годов. Наконец, в самой распростра-

ненной версии – самих актеров, авторов мемуарных, публицистических, реже художественных текстов.

3. Граница «русского театра» между концептом и феноменом

В своеобразном перекрестье, *на границе между концептом и феноменом*, между концептуальными представлениями о театре как виде искусстве с присущими ему эстетическими особенностями и признаками эволюции в условиях сходных цивилизационных процессов (развитие государственности, формирование профессиональных умений), и уникальностью культурного феномена, в котором велико значение самовыражения национально-ментальной картины мира, находится такое явление, такой культурный феномен, как провинциальный театр. Иными словами, необходимо учитывать и подчеркнуть, что русский театр в значительной степени детерминирован его провинциальной составляющей, можно сказать – провинциальностью [8].

Провинциальный интеллигент в России не мыслил своей жизни без театра. А. П. Чехов сочувствовал Жану Щеглову (известному литератору И. Л. Леонтьеву), попавшему в город, где царили комары и «историческая скука»; Чехов вообще достаточно явственно подразделял города на те, где театр есть (Тула, Воронеж) и где театра нет (Владимир) [16, с. 72]. В его иерархии «театральных» городов высокое место занимал, к примеру, маленький Елец, куда не только в жалком третьем классе с пристающими купцами едет Нина Заречная, но чуть ли не как в театральную Мекку стремится, мечтает съездить опытный старик-актер из известной новеллы.

Место театра в русской провинции определилось вполне зримо и явственно и в плане духовном, и в плане пространственном, как и облик его творца. Отметим тесное родство именитых и безымянных, петербургских, самарских и по всей России рассеянных актеров актеровичей. Верхом провинциализма видел Ап. Григорьев свойства актера, который в Гамлете «считает долгом кривляться не по-человечески». А ведь провинциален, по мнению критика, был знаменитый Гамлет Александринской сцены, Каратыгин, «столько же похожий на Гамлета, сколько Гамлет на Гер-

кулеса», столичный корифей, лишенный, по мнению критика, вкуса, таланта, чувства меры и чувства материала, «который доволен тем, что возбуждает смех словами, которые должны быть выслушаны, по крайней мере, в молчании» [13, с. 146-148, 150].

Сродни зычному в провинциальном духе Гамлету-Каратыгину оказывается загримированный зулусом (излюбленное чеховское «ругательство» в адрес провинциала) «неаполитанец, капитан стрелков», увиденный *М. Горьким в Самаре*, где сцену украшала «тяжелая каменная стена тюрьмы, которая меланхолично раскачивалась целый акт, как бы думая: упасть или уж не надо?» [13, с. 324].

В провинции *сарай оказывается театром, суфлера* дразнят бароном. Грим груб настолько, что не скрывает старость, уродство, нелепость, а только подчеркивает их. Чеховский барон из малоизвестной новеллы и одет-то в обноски, но – великих: широкий для его узкой фигуры сюртук «величайшего из комиков», бархатную жилетку из номера, где жил Сальвини, галстук, скроенный из плаща, в котором Росси играл Макбета. Русский суфлер чувствует себя истинным хозяином театра, и зря иронизировал *В. Соллогуб* по поводу того, что по поднятии занавеса «громкий здоровый голос суфлера начал потрясать своды театра» [13, с. 158].

Наконец, последнему пришедшему из XIX века и первому, открывшему проблематику и эстетику XX века *Горькому в его провинциальной молодости*, еще до того, как он начал писать пьесы (фельетоны принадлежат к 1896 г.), хотелось красоты и яркости, разгула фантазии и чего-то необыкновенного, отсюда его претензии к тем, кого он в своих «Беглых заметках» назвал «картинщиками и драмстроителями»: они «строят свои картины и драмы главным образом на факте» [13, с. 328]. Он произносит совершенно не фельетонную, потерявшуюся в памяти исследователей и в восприятии современников реплику, которая, с нашей точки зрения, носила характер пророческий и принципиально важный для понимания эстетики Горького как воплощения российского самосознания. Рассуждая о причинах появления мелодраматических нот в современном ему искусстве, об эффектах, следующих из ожидания смерти и

других негативных явлений и событий, Горький высказывает не услышанное практически никем мнение о том, насколько важно «развитие в искусстве склонности к мелодраматическому жанру» [13, с. 329].

Резюме. Русский театр, сформировавшийся в качестве уникального культурного, социального, художественного феномена и ставший, по умолчанию, самостоятельным научным концептом, именно в этом своем, бинарном качестве значим для современной культуры. До сих пор нет точного понимания и доказательных исследований того, почему значительная часть русских классических пьес (за исключением пьес Чехова и отчасти Горького) не востребована за рубежом никак иначе, кроме постановок, созданных русских режиссерами? Почему из всех русских актеров, великих и прекрасных, не раз гастролировавших за рубежом в последние десятилетия, не известен широко никто, кроме жившего в Европе и США, а главное – обучавшего актерскому мастерству великого М. Чехова? Почему о русской режиссуре в мире знают по вторичным сведениям, по цитатам и пересказам, различая в основном «психологического» Станиславского и «авангардного» Мейерхольда, при этом активно приглашая в крупнейшие страны Запада и Востока на постановку спектаклей именно русских режиссеров?

Возможно, Год театра в России предложит если не ответы, то суждения хотя бы по некоторым из этих вопросов.

Библиографический список

1. Аникст, А. А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова [Текст] / А. А. Аникст. – М. : Наука, 1972. – 644 с.
2. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию [Текст] / Э. Гуссерль. – Спб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.
3. Злотникова, Т. С. Архетип старца и имидж любимца публики (парадоксы возрастного бытия артистов О. Табакова и С. Юрского) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 199-204.
4. Злотникова, Т. С. Предостережения и предвидения русских классиков: между абсурдом и трагедией [Текст] // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – № 6. – С. 644-652.

5. Злотникова, Т. С. Философия творческой личности [Текст] / Т. С. Злотникова. – М. : Согласие, 2017. – 918 с.

6. Злотникова, Т. С. Цивилизационный и ментальный дискурсы русского театра как кода идентичности [Текст] // Обсерватория культуры. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 4-15.

7. Злотникова, Т. С. Эстетические парадоксы актерского творчества: Россия, XX век [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 211 с.

8. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И., Летина, Н. Н., Киященко, Л. П. Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры [Текст] // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 125-136.

9. История русского драматического театра. В 7 томах [Текст]. – М. : Искусство, 1977-1987.

10. История советского драматического театра. В 6 томах [Текст]. – М. : Наука, 1966-1971.

11. Каган, М. С. Морфология искусства [Текст] / М. С. Каган. – Л. : Искусство, 1972. – 440 с.

12. Неретина, С. С. Концепт [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia. – (Дата обращения 05.04.2019).

13. Русский театральный фельетон [Текст]. – М. : Искусство, 1991. 512 с.

14. Салтыков-Щедрин, М. Е. Письмо к А. Н. Пыпину от 1 ноября 1883 г. [Текст] // Н. Щедрин о литературе. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1952. – 700 с.

15. Чернышевский, Н. Г. Статьи по эстетике [Текст] / Н. Г. Чернышевский. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 316 с.

16. Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 томах [Текст] / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974-1983.

Reference List

1. Anikst, A. A. Teorija dramy v Rossii ot Pushkina do Chehova = The theory of the drama in Russia from Pushkin to Chekhov [Tekst] / A. A. Anikst. – M. : Nauka, 1972. – 644 s.
2. Gusserl', Je. Krizis evropejskih nauk i transcendentnaja fenomenologija: Vvedenie v fenomenologičeskiju filosofiju = Crisis of the European sciences and transcendental phenomenology: Introduction to phenomenological philosophy [Tekst] / Je. Gusserl'. – Spb. : Vladimir Dal', 2004. – 400 s.

3. Zlotnikova, T. S. Arhetip starca i imidzh ljubimca publiki (paradoksy vozrastnogo bytija artistov O. Tabakova i S. Jurskogo) = Archetype of the aged man and the image of the favourite of public (paradoxes of age life of actors O. Tabakov and S. Yursky) [Tekst] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 4. – S. 199-204.
4. Zlotnikova, T. S. Predosterezhenija i predvidenija russkih klassikov: mezhdru absurdom i tragediej = Cautions and anticipation of the Russian classics: between absurdity and the tragedy [Tekst] // Observatorija kul'tury. – 2017. – T. 14. – № 6. – S. 644-652.
5. Zlotnikova, T. S. Filosofija tvorčeskoj ličnosti = Philosophy of the creative person [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – M. : Soglasie, 2017. – 918 s.
6. Zlotnikova, T. S. Civilizacionnyj i mental'nyj diskursy russkogo teatra kak koda identičnosti = Civilization and mental discourses of the Russian theater as a code of identity [Tekst] // Observatorija kul'tury. – 2019. – T. 16. – № 1. – S. 4-15.
7. Zlotnikova, T. S. Jestetičeskie paradoksy akterskogo tvorčestva: Rossija, XX vek = Esthetic paradoxes of the actor's creativity: Russia, the XX century [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : Izdvo JaGPU, 2013. – 211 s.
8. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I., Letina, N. N., Kijashhenko, L. P. Russkaja provincija v filosofskom diskurse: konceptualizacija metafor = The Russian province in philosophical discourse: conceptualization of a metaphor [Tekst] // Voprosy filosofii. – 2014. – № 11. – S. 125-136.
9. Istorija russkogo dramatičeskogo teatra. V 7 tomah = History of the Russian drama theater. In 7 volumes [Tekst]. – M. : Iskusstvo, 1977-1987.
10. Istorija sovetškogo dramatičeskogo teatra. V 6 tomah = History of the Soviet drama theater. In 6 volumes [Tekst]. – M. : Nauka, 1966-1971.
11. Kagan, M. S. Morfologija iskusstva = Art morphology [Tekst] / M. S. Kagan. – L. : Iskusstvo, 1972. – 440 s.
12. Neretina, S. S. Koncept = Concept [Elektronnyj resurs] // Novaja filosofskaja jenciklopedija. – Rezhim dostupa: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia. – (Data obrashhenija 05.04.2019).
13. Russkij teatral'nyj fel'eton = Russian theatrical feuilleton [Tekst]. – M. : Iskusstvo, 1991. 512 s.
14. Saltykov-Shhedrin, M. E. Pis'mo k A. N. Pypinu ot 1 nojabrja 1883 g. = The letter to A. N. Pypin dated from November 1, 1883. [Tekst] // N. Shhedrin o literature. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudožestvennoj literatury, 1952. – 700 s.
15. Chernyševskij, N. G. Stat'i po jestetike = Articles on esthetics [Tekst] / N. G. Chernyševskij. – M. : Gosudarstvennoe social'no-jekonomičeskoe izdatel'stvo, 1938. – 316 s.
16. Chehov, A. P. Poln. sobr. soch. i pisem : v 30 tomah = Complete works and letters: in 30 volumes [Tekst] / A. P. Chehov. – M. : Nauka, 1974-1983.

Ли Сяотао

<https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>

Российская интеллигенция в начале XXI века

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Статья посвящена анализу феномена российской интеллигенции в XXI веке. Автор рассматривает различные определения понятия «интеллигенция», приводит точки зрения российских и китайских ученых, отмечает, что интеллигент – это особый социально-психологический тип человека, сложившийся в России в XIX веке, интеллигенция представляет собой большое социально-культурное сообщество, члены которого получили современное качественное образование, имеют систематические знания, что позволяют им ориентироваться в таких науке и технике, культуре, искусстве, образовании и религии, осуществлять творческую деятельность. Автор рассматривает основные этапы исторического развития российской интеллигенции, размышляет над изменением самосознания интеллигенции и ее социального статуса. В статье комментируются основные направления деятельности российской интеллигенции, анализируется опыт проведения научных конференций, организации научных школ, публикаций монографий и сборников статей, посвященных проблемам интеллигенции в России. Особое внимание уделяется вопросу о сложном и противоречивом статусе российской интеллигенции в современной ситуации, рассматриваются причины кризиса российской интеллигенции в начале XXI века, выявляются проблемы современной российской интеллигенции и определяются задачи, стоящие перед ней. Автор приходит к выводу, что интеллигенты как создатели, распространители и носители национальной культуры представляют собой главную силу возрождения национального духа.

Ключевые слова: Россия; интеллигенция; социально-психологический тип, первое десятилетие XXI века; национальное самосознание, кризис, политическая ситуация.

Li Xiaotao

Russian intelligentsia at the beginning of the XXI century

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of the Russian intelligentsia in the XXI century. The author considers various definitions of the concept «intelligentsia», gives the points of view of the Russian and Chinese scientists, notes that the intellectual is a special social and psychological type of the person developed in Russia in the XIX century, the intelligentsia represent big welfare community which members got modern quality education, have systematic knowledge that allow them to be guided in science and technology, culture, art, education and religion, to carry out creative activity. The author considers the main stages of historical development of the Russian intelligentsia, reflects over change of consciousness of the intelligentsia and its social status. In the article the main activities of the Russian intelligentsia are commented on, is analyzed experience of holding scientific conferences, the organizations of schools of sciences, publications of monographs and collections of articles devoted to intelligentsia problems in Russia. Special attention is drawn to the question of the difficult and contradictory status of the Russian intelligentsia in a modern situation, the reasons of the crisis of the Russian intelligentsia at the beginning of the XXI century are considered, problems of the modern Russian intelligentsia come to light and the tasks facing it are defined. The author comes to the conclusion that intelligentsia as creators, distributors and bearers of national culture are the main force of the national spirit revival.

Key words: Russia; intelligentsia; social and psychological type, the first decade of the XXI century; national consciousness, crisis, political situation.

В 1980-х годах советская интеллигенция активно поддерживала реформы М. С. Горбачева и энергично агитировала за демократизацию и открытость, однако интеллигенты не

ожидали, что их претензии и действия в конце концов приведут к распаду СССР, развалу экономики, социальным потрясениям, этнической сепарации и др. В 1992 году известный

социолог культуры Л. Д. Гудков предсказывал «уход интеллигенции с исторической сцены». В обществе постоянно звучала фраза «интеллигенция умерла». В газетах, журналах и на интернет-сайтах появилось множество статей с такими заголовки, как «Интеллигенция умирает», «До свидания, интеллигенция!» и др. [1, с. 26]. Многие социологи и политологи утверждали, что теперь интеллигенты постепенно исчезают и рассеиваются. Они ушли с дороги: или уехали за границу, или переключились на другие отрасли. Можно ли назвать интеллигенцию социальным классом? Если бы она рассматривалась как общественная сила в социально-культурной сфере, то нам должно было бы грустно видеть, что интеллигенция постепенно исчезает из нашей социальной жизни». В 1999 году известный социолог Н. Е. Покровский сокрушался о том, что волею исторического случая мы оказались свидетелями и участниками окончательного крушения интеллигенции и ухода ее с исторической арены. По словам известного писателя и общественного деятеля Д. А. Гранина, русская интеллигенция, к сожалению, скоро будет заменена западными интеллектуалами.

3 октября 1993 года Б. Н. Ельцин, являющийся в то время президентом России, организовал октябрьское событие, которое потрясло весь мир. 5 октября, на второй день после инцидента, 42 известных поэтов, писателей и ученых совместно опубликовали в газете «Известия» письмо соотечественникам – сенсационное «Письмо Сорока двух» [10], в котором они публично выразили поддержку действиям Ельцина по обстрелу Белого дома. Это письмо не только вызвало шум в СМИ, но и привело к горячим спорам об интеллигенции в обществе. После резкого осуждения, попыток оправдания и жарких дискуссий в конце 20-го века в российском обществе стало преобладать настроение разочарования в интеллигенции. Большинство людей считали, что из-за неспособности выдержать испытания и утраты морали и даже доверия к себе в начале 1990-х гг. интеллигенция перестала существовать [9, с. 160]. И многие известные интеллигенты даже отказываются называть себя интеллигенцией, хотя, конечно, в дискуссиях об интеллигенции существует такое мнение: «Мы еще не мертвы, мы просто больны».

СССР распался уже 26 лет назад, преодолела ли кризис российская интеллигенция? В каком положении она находится на текущий момент?

1. Определение понятия интеллигенции

Прежде чем обсуждать эту тему, необходимо определить концепцию «российской интеллигенции», вследствие того, что до сих пор в академических кругах России и Китая понятие «российская интеллигенция» определяется по-разному, и эти концепции пока не удалось унифицировать. Сегодня в российском обществе существуют критика и даже отрицание интеллигенции, так, например, если в XX веке по отношению к интеллигенции использовались такие понятия, как «образованный слой», «культурный человек», «интеллектуал» и т. д., то в начале XXI века вместо термина «интеллигенция», чаще стали использовать слова «средний класс», «креативный класс», что показывает противоречивое отношение общества к интеллигенции.

В русском и многих других языках мира слово «интеллигенция/ intelligentsia» употребляется для определения интеллигенции, хотя это слово не исконно русское, но российская интеллигенция с ее яркой индивидуальностью, неповторимым темпераментом и позитивно направленной деятельностью создала свой славный образ в мировой культуре и истории. Она не только обеспечивала позитивную коннотацию слова «интеллигенции / intelligentsia», но и обогащала это слово, придавая ему уникальный смысл, способствовала широкому распространению слова «интеллигенция /intelligentsia» в языковой картине мира.

Сюй Цзилинь, известный китайский исследователь проблем интеллигенции, так определил российскую интеллигенцию XIX и XX веков: «В то время в отстающем от запада российском обществе была такая группа людей, которая принадлежала к высшему слою, но приняла западное образование и обладала западными знаниями. Исследуя в таком духе отсталое самодержавие России, эти люди чувствовали, что общество, где они живут, крайне уродливо и нерационально, что вызвало у них сильное чувство отчуждения от нынешнего порядка. Такая группа, имеющая чувство отчуждения от существующего общества и обладающая сильным критическим духом, особенно нравственно-

критическим сознанием, в то время называлась интеллигенцией. Российская интеллигенция является не профессиональным классом, а духовным. Люди этой группы могут даже происходить из разных сословий, некоторые из них могут быть офицерами, учителями, или др., но у них общие черты в духовном темпераменте» [13, с. 74]. Это определение было признано в отечественных академических кругах и до сих пор считается классическим определением русской интеллигенции столетие назад.

В России термин «интеллигенция» имеет особое значение. Размышляя о феномене интеллигенции, философ М. Каган назвал интеллигентов образованными людьми с большой совестью, по мнению философа, интеллигент – это особый социально-психологический тип человека, сложившийся в России в XIX веке в силу особых исторических условий, термин «интеллигенция» в России не всегда относится к людям, занимающимся умственным трудом [4, с. 17]. Когда речь идет об интеллигенции, мы имеем ввиду не только работников умственного труда, но и особый слой среди них, тех, которые обладают определенными национально-культурными характеристиками и особыми нравственными качествами: четкой нравственной позицией и социальной ответственностью. Такие люди уделяют пристальное внимание всему происходящему в обществе, они не эгоистично замыкаются в узком семейном кругу, а наделены способностью сопереживать [4, с. 18].

Интеллигенция, таким образом, оказывается такой группой, которая никогда не была высоко признана и четко определена, ее самосознание всегда было разнообразным и противоречивым. В настоящее время основное понимание интеллигенции в российских академических кругах можно кратко выразить так: во-первых, интеллигенция представляет собой большое социально-культурное сообщество, и люди в этой социальной сфере занимаются творческим умственным трудом, имеют высоко оцененное обществом социальное положение и профессию; во-вторых, это мощная социальная группа, которая может быть разделена на несколько структур. Такие люди получили современное качественное образование, имеют систематические знания, что позво-

ляют им ориентироваться в науке и технике, культуре, искусстве, образовании и религии, осуществлять творческую деятельность; более того, эти интеллигенты занимаются развитием и распространением культуры. В то же время существует очень важный момент. Интеллигент, безусловно, представляет собой носителя культуры. Но недопустимо отождествлять интеллигенцию с работниками умственного труда или деятелями культуры, поскольку интеллигенция не ограничивается узким профессиональным кругом, интеллигент всегда ищет истину, и уникальная особенность интеллигенции – думать о судьбе своего народа. Мы полностью согласны с данной точкой зрения, поэтому в данной статье мы будем опираться на данную концепцию для характеристики современной российской интеллигенции.

II. Основные направления деятельности российской интеллигенции

1. Академические организации и научные конференции

Для интеллигенции академические организации подобны школам по развитию мысли. Людей привлекают общие ценности, образ жизни, мысли, хобби, традиции и др. в академических организациях, где они могут найти тех, с кем находят общий язык, достигают взаимопонимания. Такие общественные организации становятся своего рода духовным убежищем для интеллигенции. А общаясь с коллегами одной профессии на конференциях и симпозиумах в процессе дискуссий, люди получают новые идеи, углубляют свои знания. Интеллигент как человек, который порождает и распространяет идеи, считает публичные выступления и публикацию своих статей для широкой общественности своим любимым делом и неотъемлемой частью своей жизни.

На рубеже XX–XXI веков в России был создан ряд исследовательских центров, занимающихся проблемами интеллигенции. Наиболее влиятельные из них – «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» Ивановского государственного университета, «XX век в судьбах интеллигенции России» Уральского государственного университета. На сегодняшний день в этих центрах опубликовано более 100 сборников и монографий, более 500 статей и

проведено более 50 международных научных конференций. В 2002 году в исследовательском центре «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» Ивановского государственного университета начал издаваться журнал «Интеллигенция и мир», который специализируется на исследовании феномена интеллигенции. Эти публикации вызвали большой интерес в российских академических кругах.

Благодаря постоянному участию ученых из многих областей гуманитарных наук, спектр исследований проблем интеллигенции еще более расширился. Например, во-круг известного социолога, декана факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета РГГУ Ж. Т. Тощенко собралась группа социологов, которые посвящали свои силы исследованию разных аспектов феномена интеллигенции в современном обществе. В частности, с 1999 года они каждый год организуют международный симпозиум по проблемам интеллигенции, составляют и опубликовывают серию сборников «Интеллигенция и современность», которая существует уже более 16 лет, публикуют научные монографии.

С 1990-х годов во многих городах и известных вузах России проводятся конференции и семинары по проблемам интеллигенции (городские, общероссийские, международные и др.). В последние годы по мере увеличения числа участников и повышения качества статей конференции, посвященные проблемам интеллигенции, проводимые в МГУ и СПбГУ, становятся все более и более важными и популярными для отечественных и зарубежных исследователей.

2. Вузы

Безусловно, важнейшими культурными центрами для изучения проблем интеллигенции являются вузы. С конца прошлого века, после введения интеллигентоведения в академическую систему российских вузов, более 100 человек получили степени кандидата и доктора наук благодаря проведению исследований, посвященных российской интеллигенции. В настоящее время во многих университетах России в качестве обязательных предметов для гуманитарных специальностей существуют такие курсы, как «История российской интеллигенции», «Российская

интеллигенция и культура» и др. Например, на философском факультете МГУ введена не только «История российской интеллигенции» для бакалавров, но и «Российская интеллигенция XIX–XX веков» как общий факультативный предмет для аспирантов.

XX век был самым нестабильным и бурным периодом в истории России. За короткие сто лет эта страна пережила свержение Российской империи, рождение и распад СССР и создание Российской Федерации. В политической, военной, социальной, экономической, культурной и других областях произошли невиданные изменения, и в этих кардинальных переменах большую роль сыграла русская интеллигенция.

Именно поэтому в первой половине XX века известный русский литературный критик Р. В. Иванов-Разумник заявил: «История русской интеллигенции есть история русского сознания именно потому, что первая является носителем второго» [2, с. 73]. И во второй половине XX века известный советский философ В. Ф. Кормер также пришел к выводу, что «Проблема интеллигенции – ключевая в русской истории» [5, с. 209].

В глазах преподавателей и студентов интеллигенция – это создатель национальной культуры, история которого касается русской национальной культуры, особенно русской мысли, литературы, философии, драмы, кино и др., так что история русской интеллигенции представляет собой настоящую «Русскую энциклопедию» XX века и зеркало русской истории, побуждающее современных людей использовать историю в качестве зеркала для изучения реальных проблем современного общества.

3. Печатные издания

Основной и традиционной платформой интеллигенции для публикации собственных работ, произведений и результатов исследований являются газеты, журналы и книжные издания, которые позволяют почувствовать «пульс и мысль» интеллигенции и следить за изменениями в социальных тенденциях. «Только в 1990-е годы в России были защищены 30 докторских и 104 кандидатских диссертации, посвященные данной проблематике, состоялось более 50 крупных научных форумов, результаты которых отражены в соответствующих сборниках материалов,

вышли в свет более 100 книг, а количество статей в периодике превысило возможности библиографического учета» [8, с. 92].

В XXI веке, помимо профессиональных журналов и сборников статей (таких, как вышеназванные «Интеллигенция и мир» и «Интеллигенция и современность»), издаются еще неперiodические сборники трудов международных конференций и специальные сборники статей, также иногда в газетах введены специальные рубрики об интеллигенции и т. д. В этих сборниках, журналах и различных научных организациях исследователи фокусируют внимание на следующих аспектах. Во-первых, когда родилась российская интеллигенция? Причина, по которой российские ученые спорят по этому вопросу, во многом связана с их различными трактовками понятия интеллигенции. Исследователи из каждой области науки имеют свои определения и свои критерии оценки. В глазах исследователей суть этого вопроса заключается в том, как относятся к природе и специфике российской интеллигенции, как оценивают роль интеллигенции в процессе формирования русской культуры, и в таких принципиальных элементах, как национальные особенности и типы интеллигенции, подъемы и спады интеллектуальной деятельности интеллигенции, внутренние законы и тенденции развития интеллигенции. Во-вторых, каковы национальные особенности российской интеллигенции? В-третьих, российская интеллигенция – это позитивный или негативный феномен? Она является чудовищем или чудом? В-четвертых, что более нужно России сегодня – интеллигенты или интеллектуалы? Какая интеллигенция нужна современной России? В-пятых, действительно ли интеллигенты спасают Россию или они тащат ее в бездну? [8, с. 21-26; 11, с. 217-234]. В научных кругах по-прежнему нет единого мнения по этим вопросам и самосознание, и социальная роль интеллигенции все еще нуждаются в дальнейшем изучении.

11 марта 2010 года 350 известных интеллигентов и политических деятелей, в том числе Елена Боннэр – вдова академика А. Д. Сахарова, известный диссидент Владимир Буковский, бывший чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров, и председатель Исламского комитета России – Гейдар Дже-

маль и др., совместно выступили с открытым письмом, требуя, чтобы Путин, тогдашний премьер-министр, ушел в отставку, а правительство изменило свой политический курс. Это письмо доступно в Интернете, но его практически невозможно найти на бумажных носителях. Хотя правительство намеренно игнорировало это письмо, интеллигенты не перестали выражать свои политические взгляды и критиковать правительство.

От выборов 2011 года до начала 2012 года проблема интеллигенции снова стала часто обсуждаться в российских СМИ. Тогда в телепрограммах представители различных секторов горячо обсуждали проблему интеллигенции: программа ток-шоу «Реакция» в то время действительно вызвала сильную «реакцию», тем более, газета «Московские новости» намеренно открыла специальную рубрику, чтобы пригласить много известных специалистов участвовать в дискуссии, и учредила специальную награду от имени «русской интеллигенции».

В марте 2014 года профессор Андрей Zubov из МГИМО опубликовал статью, в которой он публично возражал политике правительства по возвращению Крыма России. В статье он сравнивал Путина с Гитлером и рассматривал присоединение Крыма к России как включение Австрии в состав нацистской Германии, за что он был уволен из МГИМО. Известный писатель Л. Е. Улицкая также оценивала нынешнюю Россию как повторное появление Третьего рейха Гитлера (в ответ на это официальные СМИ сравнили некоторых критикующих правительство интеллигентов с шпионами Запада, и с «Пятой колонной» западных стран, охватывающих Россию). Между тем, 500 интеллигентов, в том числе знаменитая балерина Светлана Захарова, пианист Денис Мацуев и немало других известных людей, написали совместное письмо, чтобы публично поддержать Путина и правительство. Эти события вызвали много дискуссий и большой общественный резонанс.

В то время как интеллигенты неумолимы в самосовершенствовании в своих профессиональных сферах, они также постоянно обращают внимание на изменения общества, будущее страны и судьбу народов, а не просто находятся в стороне (публикуют статьи в прессе, выступают по телевизору, пишут блоги и т. д., чтобы выразить свои политические взгляды и подвергнуть резкой критике

недостатки эпохи). В дополнение к публикации статей и написанию открытых писем, некоторые из них даже предпринимают активные действия для участия в различных общественных мероприятиях и демонстрациях. Зимой 2012 года много интеллигентов вышли на улицы, чтобы принять участие в демонстрациях на Болотной площади Москвы и улице Академика Сахарова. 24 декабря, как утверждали организаторы демонстраций, число людей, участвовавших в демонстрациях на Болотной площади, достигло 200 тыс., а московская полиция сообщила, что там было 2 000 человек, и некоторые иностранные свидетели считали, что там было около 3 000 человек. В Интернете было зарегистрировано 45 376 человек, выразивших свое мнение по поводу этой демонстрации. Согласно опросу среди этих людей, 62 % участников получили высшее образование, 13 % из них окончили университет, 11 % являлись выпускниками среднего профессионального училища, 5 % окончили среднюю школу и 8 % имели два диплома вуза, 12 % из них были студентами или безработными, 8 % работали предпринимателями или государственными служащими, 46 % профессионалы, 4 % занимались бизнесом, 2 % являлись домохозяйками и 9 % занимали руководящие посты.

В современную информационную эпоху, в то время как интеллигенты придерживаются своих традиционных методов – высказывать свое мнение на бумажных носителях, критиковать социальную несправедливость и пропагандировать свои политические взгляды, они также идут в ногу со временем и используют новые источники информации. В 1998 году после официального признания ЮНЕСКО Интернет был сразу же признан интеллигенцией за интерактивность, своевременность, комплексность и гипертекстуальность и стал наряду с печатью, радио и телевидением четвертой подсистемой СМИ. Сейчас Фейсбук и Твиттер очень популярны в России, через них люди могут без использования программного обеспечения, помогающего подключиться к иностранной сети, просмотреть все, что они хотят. Причина того, что зимой 2012 года организаторы демонстрации на Болотной площади достигли успеха, является то, что они в полной мере использовали эти сетевые инструменты. Вот поэтому некоторые люди даже называли

это событие «Фейсбук-революцией». Интересно, что большинство людей в России сейчас признают телевидение больше, чем интернет и печать. Они полагают, что с помощью Интернета можно быстро распространять информацию, но в Интернете также много сплетен и ложной информации, чрезмерно эмоциональных выступлений вплоть до выяснения личных отношений и оскорблений, что недопустимо для многих интеллигентов. В телевизионном ток-шоу наиболее обсуждаемыми темами об интеллигенции являются не только классические вопросы о российской интеллигенции: «Что делать?», «Кто виноват?», «Есть ли у России особый путь?» «Что такое свобода? «В чем виновата интеллигенция?» «Кому нужна интеллигенция?», «Для страны, общества и народу интеллигенция – это счастье или бедствие?» и др., и в ток-шоу часто горячо обсуждают участие интеллигенции в политике обществ, в дискуссиях принимают участие известные писатели, актеры, художники, а также священнослужители, общественные деятели, научно-технические работники и т. д. Хотя в этих мероприятиях или событиях участвуют не так много интеллигентов, влияние и голос интеллигенции нельзя недооценивать. Поскольку это в первую очередь означает, что интеллигенты все еще находятся в центре общественной жизни и являются социальной силой, которой нельзя пренебрегать. Они не будут игнорировать поведение правительства, закрывать глаза на проблемы и хранить молчание. С другой стороны, различное отношение российской интеллигенции к политике проявляется в том, что одни интеллигенты, освоившие передовые технологии, оставили свои родные города и зарабатывают на жизнь за границей. «За последние более чем 10 лет (1998-2008) свыше 200 тыс. ученых выехали за границу» [7, с. 106]. Другие же интеллигенты оставили свои профессиональные сферы деятельности и стали сотрудничать с властью, чтобы получить свободный доступ в СМИ и высокие зарплаты. Есть и другие группы интеллигентов: те, которые полностью изолированы от политики, те, кто активизируется в виртуальном пространстве Интернета, обсуждая там политические вопросы, противостоя властям и прямо и честно критикуя социальную несправедливость и различные негативные общественные явления.

С начала XXI века влияние интеллигенции на российское общество, по-видимому, уменьшились. Одна из основных причин, на наш взгляд, заключается в неудачных реформах, в которой активно участвовали интеллигенты, признающие впоследствии свою вину и заблуждения. Перед интеллигенцией стоит много проблем в стране и обществе, но до сих пор интеллигенция не выдвинула эффективных практических предложений и программ для изменения нынешней ситуации. Это снижает социальный престиж интеллигенции и углубляет внутренние противоречия между различными группами интеллигентов. Большой проблемой для современной российской интеллигенции является и отсутствие харизматических фигур: сейчас в России нет ни одного человека, пользующегося высоким авторитетом среди интеллигентов, таких, какими были А. Д. Сахаров или Д. С. Лихачев, которые могли бы собрать сотни людей по первому зову. Одновременно нельзя отрицать, что сейчас среди интеллигентов очень популярно равнодушное отношение к политике. Китайский поэт Ван Сяобо сказал, что для интеллигента стать элитой мышления важнее, чем стать моральной элитой. Это чрезвычайно соответствует самопозиционированию большинства сегодняшних российских интеллигентов.

Упадок интеллигенции на самом деле является потерей национальной культуры страны, потому что интеллигенты как создатели, распространители и носители национальной культуры представляют собой главную силу возрождения национального духа. Тем не менее, существование интеллигенции нельзя отрицать. По нашему мнению, российская интеллигенция не погибла. Интеллигенты все еще живы. Они сейчас стоят на своих позициях. Они сосредоточиваются на академической деятельности, размышляют о событиях времени, ищут истину и защищают национальный дух и культуру со всем достоинством и ответственностью.

3. Будущее российской интеллигенции

Интеллигенты постоянно спрашивают: Кто мы? Кто виноват? Что делать? В конце XX века, то есть в начале распада СССР, интеллигенты все еще спрашивали больше всего: «Кто виноват?», «В чем же мы виноваты?» А

вступив в XXI век, интеллигенты обсуждают уже другой вопрос: Быть или не быть?

После распада СССР в результате трансформации политической системы социальная экономика, законы, технологии и другие важные социальные структуры российского общества претерпели огромные изменения. Поэтому интеллигентам необходимо изменить сложившийся образ жизни, систему ценностей и нормы поведения, чтобы идти в ногу со временем. В то же время им также нужно адаптироваться к огромным изменениям общества, вызванным развитием рыночной экономики и информационных технологий, что является еще более трудным. Для некоторых людей этот мир изменился так быстро, что они не успели принять меры. Их идеалы и убеждения были беспощадно разрушены новой социальной реальностью, их система ценностей оказалась полностью подорвана. Они не могут найти свое место в обществе и утрачивают те убеждения, на которые они раньше опирались. Еще более усугубляет этот процесс спад в отечественной экономике. Известное изречение И. Бунина, высоко ценимое интеллигентами, о том, что нет ничего более ценного, чем поэзия и свобода, в современном мире, к сожалению, утрачивает свою ценности: сейчас между свободой и высокой зарплатой русские интеллигенты предпочитают выбрать последнее.

Перед российской интеллигенцией XXI века по-прежнему стоят важные задачи, но способы их решения изменяются. Сейчас российские интеллигенты уже завоевали свободу слова и могут выбирать объект исследования в соответствии со своими интересами, им больше не нужно бояться высказывать свое собственные идеи и мнения. Однако после скандальной ситуации с профессором Андреем Зубовым из МГИМО некоторые люди снова начали бояться открыто высказывать свою точку зрения. В 2012 году С. В. Магаева опубликовала «Красную книгу российских интеллигентов» [6], которая вызвала большой резонанс среди интеллигенции. Автор выбрал пять поколений интеллигентов из 18 этнических групп, в том числе учителя, инженеры, писатели, художники, врачи и ученые. Выбранный временной интервал охватывает вторую половину XIX века, весь XX век и первое десятилетие XXI века. Самому старшему выбранному представителю интеллигенции 101 год, самому

младшему 23 года, и выбранные регионы – восток, запад, север, юг и центр России – от европейской части до Сибири, от Карелии до всей российской территории Северного Кавказа. После подробного наблюдения и исследования их жизни автор пришел к выводу, что сегодня российские интеллигенты находятся на грани исчезновения и нуждаются в срочной помощи общества и государства, чтобы выйти из кризиса. Между тем, однако, автор также твердо убежден в том, что, хотя интеллигенты, пережившие три революции, находятся в сложной ситуации, на них все еще возлагаются общественные надежды, и они по-прежнему являются опорой страны, людьми, которым можно доверить будущее государства и народа.

С начала XX века российские интеллигенты пережили три основных идеологических и социальных кризиса: провал первой в России демократической революции 1905 года (сборник статей «Вехи», вызвавший большой общественный резонанс, известен в китайских академических кругах), Октябрьская революция (сборник «Смена вех», вызвавший много споров среди интеллигентов, и последующий «Из глубины» были «горячими точками» исследования в китайских и русских академических кругах); но распад СССР в конце XX века оказал небывалое влияние на российскую интеллигенцию. Хотя интеллигенты выступали в качестве главной силы в процессе «опрокидывания» этого «красного колеса», однако, видя разрушение всех прежних социальных ценностных ориентаций, распад страны и другие непредвиденные последствия, российская интеллигенция впала в замешательство.

Первое десятилетие XXI века уже прошло, но кризис для российской интеллигенции не закончился. Кризис является синонимом «суда» в древнегреческом языке, так что некоторые ученые рассматривают кризис интеллигенции как суд для современных интеллигентов. После распада СССР у интеллигентов было достаточно времени, чтобы пересмотреть свои взгляды, адаптироваться к новой ситуации и задуматься над актуальными проблемами современности. На рубеже веков в сознании интеллигенции уже глубоко укоренились слова академика Н. А. Федоренко о том, что единственный

путь, который сможет привести нас к счастливой жизни, является возрождение духа России [12, с. 301]. В процессе возрождения духа России именно интеллигенция является главной силой. Перед современным российским обществом стоит много вопросов и много дел, которые нуждаются в исследовании и активных действиях интеллигенции. Именно поэтому на российскую интеллигенцию возлагается великая ответственность и ей предстоит еще долгий путь.

Библиографический список

1. Дискуссионные вопросы современного российского интеллигентоведения [Текст] : материалы XXII Международной научно-теоретической конференции, Иваново, 22-24 сентября 2011 г. / М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Ивановский гос. ун-т». – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2011. – 253 с.
2. Иванов-Разумник, Р. В. Что такое интеллигенция? [Текст] // Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. – М. : Наука, 1993. – 341 с.
3. Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: Материалы «круглого стола» Всероссий. конф. «Интеллигенция России в истории XX века: неоконч. Споры», посвящ. 90-летию сб. «Вехи» / [Отв. ред. М. И. Кондрашева]. – Екатеринбург, 1999. – 123 с.
4. Каган, М. С. Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием [Текст] / М. С. Каган. – Екатеринбург, 2001.
5. Кормер, В. Ф. Крот истории, или Революция в Республике S-F: [Роман]; Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура; О карнализации как генезисе «двойного сознания»: [Статьи] [Текст] / В. Ф. Кормер. – М. : Традиция, 1997. – 286 с.
6. Магаева, С. В. Красная книга российских интеллигентов (психологические портреты) [Текст] / С. В. Магаев. – Киров : Лобань, 2012.
7. Наумова, Т. В. Научная интеллигенция в новой России [М] [Текст] / Т. В. Наумова. – М. : ИФРАН, 2008.
8. Олейник, О. Ю. Изучение проблем интеллигенции в 90-е годы [Текст] // Интеллигенция и мир. – 2001. – № 1. – С. 91-100.
9. Перелом. Сборник статей о справедливости традиции [Текст]. – М. : Пробел, 2000, 2013. – 176 с.
10. Письмо сорока двух. Писатели требуют от правительства решительных действий. Интернет-ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HONOUR/LETT42.NTM>. – (Дата обращения: 20.04.2019).

11. Рахшмир, П. Ю. Интеллектуальная защита бунта против интеллектуалов [Текст] // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 38. – С. 129-141.

12. Федоренко, Н. П. Россия: уроки прошлого и лики будущего [Текст] / Н. П. Федоренко. – М. : Экономика, 2001. – 488 с.

13. 许纪霖,《知识分子的词源学意义》[J],东方文化周刊, 1999年第6期.

Reference List

1. Diskussionnye voprosy sovremennogo rossijskogo intelligentovedenija = Debatable questions of modern Russian intelligentsia study [Tekst] : materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, Ivanovo, 22-24 sentjabrja 2011 g. / M-vo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, GOU VPO «Ivanovskij gos. un-t». – Ivanovo : Ivanovskij gos. un-t, 2011. – 253 s.

2. Ivanov-Razumnik, R. V. Chto takoe intelligencija? = What is intelligentsia? [Tekst] // Intelligencija. Vlast'. Narod. Antologija. – M. : Nauka, 1993. – 341 s.

3. Intelligencija Rossii v XX veke i problema vybora = The intelligentsia of Russia in the XX century and a choice problem: Materialy «kruglogo stola» Vseros. konf. «Intelligencija Rossii v istorii XX veka: neokonch. Spory», posvjashh. 90-letiju sb. «Vehi» [Tekst] / [Otv. red. M. I. Kondrasheva]. – Ekaterinburg, 1999. – 123 s.

4. Kagan, M. S. Rossijskaja intelligencija: kritika istoricheskogo opyta. Tezisy dokladov Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Russian intelligentsia: criticism of historical experience. Theses of reports of the All-Russian conference with the international participation [Tekst] / M. S. Kagan. – Ekaterinburg, 2001.

5. Kormer, V. F. Krot istorii, ili Revoljucija v Respublike S-F: [Roman]; Dvojnoe soznanie intelligencii i psevdokul'tura; O karnavalizacii kak gene-

zise «dvojnogo soznanija» = Mole of history, or Revolution in S-F Republic: [Novel]; Double consciousness of the intellectuals and pseudo-culture; About carnivalesque as genesis of «double consciousness»: [Stat'i] [Tekst] / V. F. Kormer. – M. : Tradicija, 1997. – 286 s.

6. Magaeva, S. V. Krasnaja kniga rossijskih intelligentov (psihologicheskie portrety) = The Red List of the Russian intellectuals (psychological portraits) [Tekst] / S. V. Magaev. – Kirov. : Loban', 2012.

7. Naumova, T. V. Nauchnaja intelligencija v novej Rossii [M] = The scientific intelligentsia in new Russia [M] [Tekst] / T. V. Naumova. – M. : IFRAN, 2008.

8. Olejnik, O. Ju. Izuchenie problem intelligencii v 90-e gody = Studying of problems of the intellectuals in the 90-s [Tekst] // Intelligencija i mir. – 2001. – № 1. – S. 91-100.

9. Perelom. Sbornik statej o spravedlivosti tradicii = Crisis. Collection of articles about tradition justice [Tekst]. – M. : Probel, 2000, 2013. – 176 s.

10. Pis'mo soroka dvuh. Pisateli trebujut ot pravitel'stva reshitel'nyh dejstvij = Letter of forty two. Writers demand resolute actions from the government. Internet-resurs [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HONOUR/LETT42.HTM>. – (Data obrashhenija: 20.04.2019).

11. Rahshmir, P. Ju. Intellektual'naja zashhita bunta protiv intellektualov = Intellectual protection of a revolt against intellectuals [Tekst] // Dialog so vremenem. – 2012. – Vyp. 38. – S. 129-141.

12. Fedorenko, N. P. Rossija: uroki proshlogo i liki budushhego = Russia: lessons of the past and faces of the future [Tekst] / N. P. Fedorenko. – M. : Jekonomika, 2001. – 488 s.

13. 许纪霖,《知识分子的词源学意义》[J],东方文化周刊, 1999年第6期.

Л. В. Ухова

<https://orcid.org/0000-0001-6502-2540>

Диалог культур в гуманитарном поле российской провинции

В статье поднимается проблема национально-культурной идентичности – сферы, более всего подверженной сегодня трансформации, так как, с одной стороны, глобализация требует интеграции России в мировое экономическое пространство, ориентации на международные стандарты и ценности, а с другой стороны, в российском обществе происходит акцентирование национально-культурной специфики и обострение национального самосознания народа. Самыми влиятельными факторами идентификации на сегодня являются средства массовой коммуникации и различные информационные технологии. Огромное количество информации, подчас разрушительного характера, отвлекает от жизненно важного, смыслообразующего и созидającego. Порождая еще большую неопределенность в умах и сердцах, прежде всего, подрастающего поколения, дезориентирующая информация позволяет манипулировать сознанием личности, навязывать ценности и приоритеты, чуждые обществу. Все больше реклама, как жанр особого искусства, претендует на важнейшую функцию формирования образа жизни, нравственных ценностей и даже национальной идеи. В связи с этим актуализируются идеи о необходимости сохранения, формирования идентичности личности и общества как важнейшего фактора обеспечения жизнеспособности современной цивилизации. По мнению автора, национально-культурная идентичность – это сущностная тождественность субъекта национальной культуре, образу нации, данному в многообразии особенных форм ее культуры. В качестве оснований русской национально-культурной идентичности представляется система ценностей традиционной отечественной культуры: ценность семьи, уважение к старшим и забота о детях; открытость и терпимость, сострадательность и милосердие; стремление к справедливости, правде; ориентация на духовное развитие человека, формирование нравственной личности; образованность; готовность к самопожертвованию ради интересов общества и государства; любовь к своей Родине, первичность ее интересов по отношению к личным; коллективизм, готовность пренебречь своим ради общего. Автор приходит к выводу, что, поскольку современный мир сегодня существует как предельно конфликтный и нестабильный, диалог становится той, возможно, единственной нормой взаимодействия, которая может способствовать установлению хотя бы относительного равновесия.

Ключевые слова: глобализация, идентификация, идентичность, национально-культурная идентичность, социокультурная идентичность, ценности, диалог культур, текст.

L. V. Ukhova

Dialogue of cultures in the humanitarian field of the Russian province

The article raises the problem of national and cultural identity – the sphere most subject to transformation today, as, on the one hand, globalization requires the integration of Russia into the world economic space, orientation to international standards and values, and on the other hand, in the Russian society there is accentuation of national and cultural specifics and the aggravation of the national consciousness of the people. The most influential factors of identification today are the media and various information technologies. A huge amount of information, sometimes destructive, distracts from vital, meaningful and creative. Generating even greater uncertainty in the minds and hearts, especially of the younger generation, disorienting information allows you to manipulate the consciousness of the individual, to impose values and priorities alien to society. More and more advertising, as a genre of special art, claims to be the most important function of forming a lifestyle, moral values and even a national idea. In this regard, the ideas of the need to preserve and form the identity of the individual and society as the most important factor in ensuring the viability of modern civilization are actualized. According to the author, the national-cultural identity is the essential identity of the subject of national culture, the image of the nation given in the variety of special forms of its culture. The system of values of traditional Russian culture is presented as the basis of the Russian national and cultural identity: the value of the family, respect for elders and care for children; openness and tolerance, compassion and mercy; the desire for justice, truth; focus on the spiritual development of man, the formation of a moral personality; education; willingness to sacrifice for the inter-

ests of society and the state; love for their Homeland, the primacy of its interests in relation to the personal; collectivism, willingness to neglect their own for the sake of the common. The author comes to the conclusion that as the modern world exists today as extremely conflict-prone and unstable, a dialogue becomes perhaps the only norm of interaction that can contribute to the establishment of at least a relative balance.

Key words: globalization, identification, identity, national and cultural identity, socio-cultural identity, values, dialogue of cultures, text.

Последние годы показывают, что на фоне вступления России в новую социальную реальность и усиления влияния глобализации происходит ее собственная трансформация. Сфера национально-культурной идентичности более всего подвержена противоречивости этой проблемы, так как, с одной стороны, глобализация требует интеграции России в мировое экономическое пространство, ориентации на международные стандарты и ценности, а с другой стороны, в российском обществе происходит акцентирование национально-культурной специфики и обострение национального самосознания народа.

Сопоставление и соотнесение субъектом себя с другими субъектами и объектами является сущностным содержанием самоопределения. В современном обществе наблюдается стирание устоявшихся культурных границ и ценностей социальных категорий, расшатывание традиций, подмена их псевдоценностями, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе. Подобные трансформации приводят к кризису идентичности, прослеживаемому не только на уровне самосознания отдельной личности, но и в рамках поколений. Современный человек, оторванный от традиций, не привязан к месту, в его мире все относительно, в нем попираются веками вырабатываемые принципы, лежащие в основе человеческого бытия. В настоящее время человеку, погруженному в обилие хаотичной информации и переживающему неопределенность социальных ситуаций, трудно разобраться в хитросплетениях социокультурных противоречий. Возросшая социальная мобильность, проявляющаяся в частой смене социальных ролей и мест в быстро и безвозвратно изменяющемся социальном пространстве, способствует становлению иллюзорной, выдуманной идентичности, а в свете современных технических новинок и развлечений – виртуальной.

Самыми влиятельными факторами идентификации на сегодня являются средства массовой коммуникации и различные информационные технологии. Огромное количество информации, подчас разрушительного характера, отвлекает от жизненно важного, смыслообразующего и созидającego. Порождая еще большую неопределенность в умах и сердцах, прежде всего, подрастающего поколения, дезориентирующая информация позволяет манипулировать сознанием личности, навязывать ценности и приоритеты, чуждые обществу.

Современная культура – это мощная информационная индустрия в лице продюсеров, режиссеров, руководителей теле- и радиовещания, использующих все более разнообразные средства воздействия на общественное сознание, с целью формирования устойчивых норм и стереотипов поведения. Все больше реклама, как жанр особого искусства, претендует на важнейшую функцию формирования образа жизни, нравственных ценностей и даже национальной идеи. В этой связи актуализируются идеи о необходимости сохранения, формирования идентичности личности и общества как важнейшего фактора обеспечения жизнеспособности современной цивилизации [3, с. 5].

Идентичность (лат. *identificare* – отождествлять, познать. *Identifico* – отождествляю) – соотнесенность чего-либо («имеющего бытие») с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве ('наблюдателем', рассказывающим об идентичности себе и другим с целью подтверждения ее саморавности). Понятие *идентичность* тесно связано с становлением таких понятий, как *индивидуальное* (*отличность в своей единичности, индивидуальность, личностность*) в различных дисциплинарных контекстах, а также с конституированием в европейской традиции

дискурсов *различия, инаковости, аутентичности и Другого*.

Идентичность – это, прежде всего, отношение, которое только в ходе социального взаимодействия формируется и закрепляется, а претерпевая различные изменения, переопределяется и трансформируется. С наступлением эпохи модерна проблема идентичности актуализировалась. В Средние века или, например, в дореволюционной России идентичность задавалась происхождением и принадлежностью к определенному социальному слою, что индивиды не властны были изменить, и проблемы с самоидентификацией отпадали сами собой. В настоящее время идентичность человека сознательно ориентирована на широко рекламируемые (отчасти навязанные) стиль жизни и модели поведения, 'выбирая' и копируя которые, индивиды формируют свою тождественность с определенной социальной группой, ценностями, образом жизни.

В структуре идентичности выделяют два уровня: индивидуальный и социальный. Индивидуальная идентичность состоит из совокупности характеристик, которые сообщают индивиду о его уникальности, социальная же идентичность представляет собой результат отождествления (идентификации) индивида с нормами и ожиданиями его социальной среды. И было бы неправильно разделять эти два уровня идентичности, связывая при этом персональную с внутренней, а социальную с внешней, так как результатом интериоризации социальных норм являются представления индивида о самом себе, воспринимаемые им как его собственные, неотделимые от его самости. Но вместе с тем собственные нормы индивида могут отличаться нормами и ролями, принимаемыми им в ходе социальной интеракции или навязанными ему обществом, окружением, средой. В результате достижения своего рода равновесия между 'индивидуальной' идентичностью и 'социальной' формируется личностное Я.

Сознание выступает инструментом приспособления индивида к среде, а мир объектов с точки зрения их значения для поведения индивида. К возникновению мира искусственных объектов-символов приводит взаи-

модействие людей в группах. В процессе социализации индивид овладевает значениями символов (язык, жесты) и благодаря им учится сознательно направлять свои действия, людям легче представлять последствия своего поведения с точки зрения других и легче адаптироваться к их ожиданиям. Зрелую личность характеризует развивающееся способность координировать свое поведение с действиями партнеров, умение 'принимать роль' (путем воображения ставить себя на место человека, с которым осуществляется общение), отведенную ему в жизни группы. Структура человеческого Я является отражением структуры взаимодействия индивида в различных группах. Общество, формируя у индивида определенное представление о самом себе, как бы 'входит в него изнутри', направляя его действия по нужному пути. Внешний социальный контроль с появлением у индивида развитого Я уходит внутрь (способность становится объектом для самого себя), становится самоконтролем, а человек превращается в ответственную личность, способную выполнять свою роль в структуре символического взаимодействия группы и общества в целом. В совокупности процессов межиндивидуальных взаимодействий устанавливаются индивид (социальное Я) и общество. Таким образом, развивается самость – результат свойств, возникших в ходе взаимодействия двух относительно автономных систем – личности и общества.

Национально-культурная идентичность – это сущностная тождественность субъекта национальной культуре, образу нации, данному в многообразии особенных форм ее культуры. Ее специфика заключена в обращенности к национальным основаниям социального бытия, а значение – в обеспечении жизнеспособности нации, сохранения ее неповторимости. В нашем исследовании мы опираемся на позицию Н. А. Мосуновой и Г. П. Корнева, утверждающую наличие объективных оснований *нациопонимания*. Использование таких оснований в формировании и развитии нации, отмечают исследователи, сопровождается процессом социального конструирования, не имеющим ничего

общего с «произвольной манипуляцией» или «фабрикацией» [5].

В качестве оснований русской национально-культурной идентичности мы представляем систему ценностей традиционной отечественной культуры: ценность семьи, уважение к старшим и забота о детях; открытость и терпимость, сострадательность и милосердие; стремление к справедливости, правде; ориентация на духовное развитие человека, формирование нравственной личности; образованность; готовность к самопожертвованию ради интересов общества и государства; любовь к своей Родине, первичность ее интересов по отношению к личным; коллективизм, готовность пренебречь своим ради общего.

Стремительные изменения в российском обществе, стране и за ее пределами оказывают влияние на особенности социально-психологического состояния человека, приводящие к затруднению формирования национально-культурной идентичности и ее кризису. Эти процессы связаны с общими проблемами состояния российской культуры. Формирование идентичности и развитие национальной культуры – взаимосвязанные процессы, определяющие жизнеспособность всего общества. Отечественная наука приходит к осознанию, что национальная идентичность сопоставима с культурностью, то есть опирается на специфику всех элементов национальной культуры.

Отличительной чертой современного социально-философского поиска становится определение возможностей сохранения национальных корней, поддержания лучших традиций отечественной культуры. Таким образом, сущность национально-культурной идентичности можно определить через принятие человеком или обществом культурных норм, образцов и моделей поведения, ценностных ориентаций, языка с позиций национально-культурных характеристик значимых Других, групп, общностей.

Но под натиском воздействия массовых технологий, СМИ и средств массовой коммуникации человек получает уже готовые запрограммированные решения и мыслительные штампы, разучивается критически осмысливать и воспринимать поступающую

информацию. В глобальном масштабе через расширение межчеловеческих связей обесценивается традиционное культурное наследие, оказывая разрушительное влияние на структурообразующие компоненты всей системы культуры. В. В. Миронов считает, «что аналогичных процессов в истории человеческого общества не существовало. Любые новые образования достаточно гармонично вписывались в систему культуры, постепенно адаптируясь к ней. Сегодня все как бы меняется местами, и мы наблюдаем скорее процесс необходимой адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству. Активность информационных процессов столь высока, что заставляет подчинять себе традиционные элементы культуры, прежде всего, изменяет традиционную систему культурной коммуникации» [4, с. 39]. Происходящее резкое увеличение образований, которые претендуют на статус культурных, стремительно увеличивают процесс разрушения традиционных ценностей – это не позволяет новым символам и знакам приспособиться и закрепиться к старой знаковой системе ценностей. Временные рамки настолько сжаты, что изменения происходят в течение жизни одного человека или даже еще быстрее.

И тем острее встает проблема национально-культурной идентичности в современном обществе. Мы разделяем следующие идеи А. А. Терентьева, считая, что они отражают сущность именно национально-культурной идентичности: «социокультурная идентичность, представляя собой осознание, самоопределение и выделение народом себя из человечества как особой его части, осмысление себя как особой социокультурной общности со своей культурой, нормами, традициями, со своим историческим прошлым, со своими интересами, включает в себя и осознанное сердечное отношение к духовной сущности родины, к родной природе, культуре, традициям, нормам людей, в нее входящих, то есть отчизнолюбивое начало» [6, с. 18].

Национально-культурная идентичность является результатом осмысления и обобщения народом своих представлений о себе и о своей судьбе, своих достижениях, утратах, о

своих «гениях и злодеях» и т. д., способствуя установлению между членами этой социокультурной общности определенной внутренней устойчивой связи, которая основана на общих духовно-нравственных и культурных ценностях, на признании ими своей сопричастности к этой общности, на любви и верности ей на основе самоидентификации, отождествления себя с этой общностью, то есть на основе установления и признания своего социокультурного родства, единения с данным народом.

В свою очередь национально-культурная самоидентификация – это осознание и прочувствование субъектом себя частью своего народа, вращание, органическая адаптация к тому сообществу, которое субъект признает своим, близким и родным. Восприятие и отождествление себя с конкретным народом – это выбор человеком своей внутренней сущности, связанной с важнейшими чертами Родины, формированием любви и готовности служить ей в социальной практике [6, с. 18-19].

Таким образом, становление национально-культурной идентичности, происходит не столько по факту рождения человека, сколько по осознанному выбору, обретению своей духовно-нравственной и культурной идентичности, своей Родины. Как не существует личности внеисторической, так не существует и личности внекультурной, нет и народа, не имеющего своего национально-культурного лица. И как отмечал Н. А. Бердяев, «<...> культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная, индивидуально-народная, и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности» [2, с. 352].

Ситуация активного движения этнических групп, народов и народностей, выступающая в качестве политической или трудовой миграции, а также активизации различных политических движений, отстаивающих собственные культурные основания, ставит на повестку дня вопрос о *диалоге культур*. Современный мир сегодня существует как предельно конфликтный и нестабильный, что обусловлено усилением взаимосвязанности всех культур-

ных миров, приводящей к обострению отношений между более и менее информационно развитыми общественными системами, между этническими и национальными культурами, между национальными государствами и международными политическими и экономическими организациями, отстаивающими автономные интересы. В этой ситуации диалог становится той, возможно, единственной нормой взаимодействия, которая может способствовать установлению хотя бы относительного равновесия.

Это, в частности, отражает идея «диалога культур», предложенная М. М. Бахтиным, видевшим в диалогическом сосуществовании залог бесконфликтного культурного развития. В этот диалог, по мысли ученого, должны быть включены все современные культуры, обладающие весьма существенной спецификой и функциональными особенностями [1]. В этом контексте понятие *диалог* дополняется такими коннотациями, которые определяют направленность межкультурной коммуникации на признание многообразия как факта культурно-исторического развития (от субкультур до цивилизаций) и права на подобное многообразие. Ведущим становится отказ от логики конфронтации и утверждение логики компромисса и сотрудничества, основанной на толерантности идеологий и культур и своей целью имеющей предотвращение различных социальных катаклизмов – как локальных, так и глобальных.

Действительно, в границах современной культуры и изменившегося под влиянием глобализационных процессов мира проблема диалога приобретает новое звучание в связи с тем, что принципы взаимодействия, выработанные культурой модерна, перестают выступать как универсальные. Сегодня стало очевидным, что необходимый запас прочности общественного и культурного развития связан, в большой степени, с разнообразием культур, инновационный потенциал которых может быть востребован в любой момент как способный противостоять разрушительным тенденциям, что диалог – это единственная приемлемая основа современного культурного и цивилизационного равновесия.

В контексте философской традиции идея диалога культур оказывается связанной с идеей понимания, сложившейся в русле герменевтической традиции. Следовательно, можно констатировать, что целью диалога выступает не любая коммуникация, а коммуникация, приводящая к пониманию. Конечно, в данном контексте понимание – вслед за М. Хайдеггером [7] – рассматривается не только как гносеологическая, но и как экзистенциальная процедура, где человеческое существование выступает как изначально *герменевтическое*, а человек функционирует как *понимающий бытие*, где сама способность понимания фактически предшествует любым процессам образования значений. Иными словами, понимание проявляется в способности субъекта воспринимать текст культуры, выражать собственное к нему отношение через поведенческую активность – то есть действовать в соответствии с социокультурным контекстом. При этом онтологический и интерпретационный уровни понимания отчасти снимаются, коммуникативный же его аспект становится как никогда ранее актуальным. Само же понимание соотносится не с процессом раскрытия, обнаружения смысла, а с процессом его образования в конкретных деятельностино-коммуникативных ситуациях.

Таким образом, основной задачей субъекта становится не распознавание смысловых коннотаций, а их формирование в соответствии с конкретной ситуацией. Допускаемое и даже предполагаемое смещение общепринятых интерпретационных схем из привычных контекстов в новые становится механизмом образования новых интерпретаций и новых смысловых паттернов. Характерно, что способность к интерпретации и созданию новых смысловых полей выражается не только в социокультурных практиках и новых философских методах осмысления действительности, но и в науке, в частности, в синергетике, исследующей явления в неравновесных, нелинейных, нестационарных открытых системах. Очевидно, что таким аттрактором в гуманитарном поле российской провинции должен стать и становится *научный центр* (научные школы), призванный

консолидировать усилия всех систем по организации диалога, основой которого становится *ТЕКСТ* в его семиотическом воплощении (от лат. *textus* – ‘ткань, сплетение, структура’) как система знаков, окружающих человека и влияющих на его национально-культурную идентичность.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Советский писатель, 1963. – 365 с.
2. Бердяев, Н. А. Дух и реальность [Текст] / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ ; Фолио, 2003. – 408 с.
3. Зверева, И. А. Идентичность как философская проблема (социокультурные основания) [Текст] / И. А. Зверева. – М., 2010. – 34 с.
4. Миронов, В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии [Текст] // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 37-43.
5. Мосунова, Н. А., Корнев, Г. П. Нацiopонимание. Поиск объективных оснований и социальное конструирование [Текст] / Н. А. Мосунова, Г. П. Корнев. – М. : Алетейя, 2012. – 298 с.
6. Терентьев, А. А. Философия патриотизма: Вопросы родины, патриотизма, российской цивилизационной идентичности в идейном наследии русских мыслителей XIX-XX веков и современность [Текст] / А. А. Терентьев. – Нижний Новгород : [б. и.], 2012. – 185 с.
7. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 237 с.

Reference List

1. Bahtin, M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoyevsky's poetics [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Sovetskij pisatel', 1963. – 365 s.
2. Berdjaev, N. A. Duh i real'nost' = Spirit and reality [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M. : AST ; Folio, 2003. – 408 s.
3. Zvereva, I. A. Identichnost' kak filosofskaja problema (sociokul'turnye osnovanija) = Identity as a philosophical problem (sociocultural bases) [Tekst] / I. A. Zvereva. – M., 2010. – 34 s.
4. Mironov, V. V. Sovremennoe kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor transformacii kul'tury i filosofii = Modern communication space as a factor of transformation of culture and philosophy

[Tekst] / V. V. Mironov // Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofija. – 2006. – № 4. – S. 37-43.

5. Mosunova, N. A., Kornev, G. P. Nacioponimanie. Poisk ob#ektivnyh osnovanij i social'noe konstruirovanie = National understanding. Search of the objective bases and social designing [Tekst] / N. A. Mosunova, G. P. Kornev. – M. : Aletejja, 2012. – 298 s.

6. Terent'ev, A. A. Filosofija patrio-tizma: Voprosy rodiny, patriotizma, ros-sijskoj civilizacionnoj identichnosti v idejnom nasledii russkih myslitelej

XIX–XX vekov i sovremennost' = Patriotism philosophy: Questions of the homeland, patriotism, Russian civilization identity in ideological heritage of the Russian thinkers of the XIX–XX centuries and the present [Tekst] / A. A. Terent'ev. – Nizhnij Novgorod : [b. i.], 2012. – 185 s.

7. Hajdegger, M. Bytie i vremja = Life and time [Tekst] / M. Hajdegger ; per. s nem. V. V. Bibihina. – Har'kov : Folio, 2003. – 237 s.

Н. И. Воронина

<https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>

Метафизика городского пространства

Культурология открывает суть человека в его полифоничности: человек – творец города, человек – создатель самого города и городских условий и в то же время их продукт. Эти процессы строятся в основном на символической основе. Автор обращается к метафизике Саранска, избрав его символическое пространство с такими «остановками»: место, имя, тело, текст и миф.

Ключевые слова: город, место, пространство, метафизика, символ, антропологическое видение, имя, тело, текст, миф, Саранск

N. I. Voronina

City space metaphysics

Following Heidegger's thoughts about human being understanding, cultural studies reveals the essence of man in his polyphony: man is the Creator of the city, man is the Creator of the city itself and the urban conditions and at the same time their product. These processes are built primarily on a symbolic basis. For analytical thinking, the author turns to Saransk metaphysics, choosing its symbolic space with such «stops»: city place, city name, city, body, city text, and the city and a myth.

Key words: city, place, space, metaphysics, symbol, anthropological vision, name, body, text, myth, Saransk.

Во многих городах России сегодня идет активный процесс осмысления городской среды. Создаются портреты городов, формируются различные модели и формулы, выявляется топонимика и символика, мифопоэтика и «жизнесмыслы» города. Идет поиск методологии и методик изучения этой темы, собирание архивных материалов, выявление культурных текстов. Появились интересные и мудрые авторы (не только краеведы) – философы, культурологи, социологи, которые начали «прочитывать» свои города (не только Москву и Петербург) с иных позиций: в Саратове – Т. П. Фокина, С. И. Трунев; в Самаре – Е. Я. Бурлина, Ю. А. Кузовенкова, Л. А. Иллицкая, в Ярославле – Т. С. Злотникова, в Пензе – Н. М. Инюшкин и др.

Важно сказать о городе самое главное, увидеть его ресурсы, обратиться к его ландшафту и пространствам, наделив их смыслами, рассмотреть «душу» вопреки официозу и статистике, которые раньше были главными показателями городской среды, по-новому представить его жителей.

Я пишу о своем родном городе Саранске не первый раз. Как каждый новый день несет с собой какие-то открытия, меняет восприятие и

впечатления, так и город, знакомый до подробностей с детства, может открыться с каких-то других сторон, показать динамику культурно-исторического текста, вдохнуть «свежий воздух» (Г. С. Кнабе), подсказать внутреннюю логику, раскрыть культурную идентичность.

Отнюдь не важно, каков город по масштабу – мал или велик, главное, что каждый из них имеет свою ауру, свой исторический контекст, неповторимость географического и культурного ландшафта, планировки и архитектуры, уникальность горожан, живущих в нем в разные времена.

Город и городское пространство предоставляют большие возможности человеку открывать очень многие «городские двери» и новые явления в городской культуре, не только обобщать их, но и на этой основе участвовать в разработке новых моделей и проектов города; прочитывать его при помощи символов и знаков, и, в свою очередь, награждать ими городское пространство. Подобные символы и знаки выступают не только отражением уже существующих объ-

ектов, но вместе с их осмыслением создают мир. «В семиотических знаках города кодируется восприятие и понимание человеком окружающей его среды, придание ему определенных смыслов, различение собственного личного индивидуального пространства и его соотношения с пространством «другого», с пространством «всех», с объективированным пространством поселения», – пишет И. Л. Сиротина [12, с. 109].

Выбрав Саранск (Республика Мордовия), город одновременно провинциальный и столичный, хочу совершить прогулки и поразмышлять о его символическом пространстве и антропологическом видении Саранска, выявить особые знаковые черты в метафизике этого города. Следует сказать и об обстоятельстве, которое не очевидно: кому лучше судить о городе – внутреннему или внешнему наблюдателю. Как всегда, одни полагают, что лучше, объективнее внешняя позиция, другие – внутренняя [8]. Оправдание для меня одно – я не просто наблюдатель, я здесь живу. Поэтому к Саранску отношение онтологическое. Если наш город стал центром округа в 1929, а столицей – в 1934 году, то провинциальное в нем жило с незапамятных времен. В нем родились мои родители, дедушки и бабушки, то есть все ментальные черты провинциального жителя впитала, что называется, с кровью. Так что наблюдатель я самый что ни на есть «включенный».

Саранск – ландшафтный мир моей профессиональной музыкальной, а позже и научной деятельности, мое символическое пространство. Совершая прогулки по городу и размышляя над метафизикой Саранска, я избрала аналитический путь с такими «остановками»: город-место, город-имя, город-тело, город-текст и, наконец, город-миф.

Город-место

Саранск основан как крепость-острог в 1641 г. на возвышенном левом берегу реки Саранки (по указу Михаила Федоровича Романова 1636 г.). Это был перекресток больших гужевых трактов, названия которых менялись (Старинный, Буртаский, Нагайский, Большая табунная, Большая Московская, Сурская и Крымская дороги, Посольский тракт и др.), «много десятиле-

тий оживлявших экономическую жизнь местного населения» [3, с. 6]. Саранская сторожевая черта (построена раньше, в 40-е годы XVII в.), сначала называлась Атемарской, а сама крепость пересаживалась на ней, то выше, то ниже по Саранке. Поначалу надо было нести охранительную службу «для защиты и целостности покоя христианского от бусурманских, татарских походов» и строить сооружения для быта, что и осуществлял первый воевода Савва Козловский. Саранск был поставлен охранять, но сам рубеж достаточно размыт (он тянулся по валу), поэтому замысел города не военный, а вполне житейский, на случай. Случаи были разные – менялся статус, головная губерния, в которую входил город (Тамбовская, Пензенская), границы близлежащих областей и республик, придание самостоятельности.

На первом гербе Саранска – лиса и стрелы (природные знаки!), что символизировало хорошо развитый пушной промысел; а еще с Суры доставлялась стерлядь к царскому столу, конопля для ткачества – так город приносил и иную пользу государству, помимо сторожевой. Саранск сегодня как столица Республики Мордовия, обрел огромный научный и промышленный потенциал; герб, оставшись тем же, подчеркнул новую современную символику: лиса как спираль внутри лампочки света (один из символов светотехнического города), а стрелы – в копия-диоды. Так соединилось прошлое и современность.

Имя города по разным версиям связано с местом: частичка *сар, сара* – болотная местность, желтая кувшинка (символика желтого цвета весьма сложна: наряду с позитивными «желтыми» ключевыми словами: ловкость, сообразительность, радостное восприятие жизни, оригинальность, усердие, восприимчивость, терпимость, честность, уверенность в себе, присутствуют и негативные: язвительность, сарказм, вероломство, невежество, любовь к болтовне, критичность, нетерпимость, склонность к осуждению других, рассеянность, глупость) [1, с. 229]. Конечно, в любом городе набор таких ментальных черт жителей присутствует, какие-то преобладают, а некото-

рые – отсутствуют. Отмечу, что саранские жители весьма усердны, терпимы, уверены в себе, но и язвительны, мало критичны и самодовольны. И если десятки лет назад спорили о том, так ли желтый цвет и болотная местность мешают развитию города (по правому берегу реки Саранки), то сегодня ее использовали по полной программе: открыли на болотном (осушенном) месте спортивный комплекс «Старт», Водный стадион и Ледовый дворец, бассейн. Поэтому стоит заметить, что город когда-то, вобрав частичку *sar* в свое название, доказал, что новые методы застройки, не только позволили осушить природный ландшафт, но и придать ему современный градостроительный (наполовину тоже водный) облик и звучание.

Город Саранск, вопреки желтой кувшинке, сегодня можно назвать городом роз. Их разноцветье и благоухание стали приметой современного Саранска. В этом есть не только символ очарования и красоты, но и некое волшебство: голос культуры, голос успешности, голос чистоты и, конечно, голос магии. Символика провинциальности нашего города гармонично дополнена символикой иного волшебства, которое не только прекрасно, но и преемственно от желтой кувшинки.

Город-имя

По другой версии Саранск носит частично имя реки (*Инсар*, *Саранка*), но не человека (хотя вокруг него были и есть города Горький, Ульяновск). Название историческое, «допотопное» и его никто не переименовывал (участь же именных городов часто зависима от культурных сдвигов, и переименования были неизбежны (и не один раз!): Екатеринбург, Петербург, Волгоград и др). Замечу, что эта традиция оказалась устойчивой и для округи: лишь одно имя было изменено (станция Арапово в Ковылкине (сегодня это город) в честь комиссара железных дорог С. Т. Ковылкина), остальные малые города мордовского края сохранили историческую первозданность (Ардатов, Краснослободск, Инсар и т. д.).

К имени города, как и человека, часто приклеиваются метафоры – клички, переводящие культурное, официальное наиме-

нование в мифологическое, которое, как говорится «не в бровь, а в глаз». И если этого не случилось с именем самого Саранска, то очень пышно «расцвело» внутри него. Вот «Саранские горы», официально не существующие, но давно и прочно укрепился миф, что город стоит на семи горах (холмах) и каждая из них имеет свое название (по версии В. М. Куклина): Земская, Острожная, Спасская, Успенская, Поклонная, которая разделена на Верхнюю и Нижнюю, Лысая [10, с. 556-560]. Ну, чем не «Рим на семи холмах!» – и это «греет» каждого саранского жителя, а молодожены «освоили» их как очень важный ритуал в своей судьбе.

Можно говорить о названиях отдельных домов, которые и раньше носили разговорный оттенок: «Дом Мышкина», «Дом Кубанцевых», «Дом Желтухиных» и др., и оттенок этих названий был благоговейный. Сегодня же мифы возникают мгновенно с новыми постройками и «несут социальную иронию, своеобразно фиксируя общественное мнение» (В. Н. Куклин): «Барский дом» («Пентагон»), «Белый дом», «Дворянское гнездо», «Дом-ключка», «Дом-телевизор», дом «У Христа за пазухой» и др. Новая тенденция в городе связана с неоправданным сносом исторических домов и заменой их иногда худшими вариантами. Это вызывает острые полемические споры и еще о том, зачем Саранску столько домов с башнями и шпилями? (Ну, не Питер же! не Адмиралтейство! И не каждая «литовская конструкция» может «носить» на себе такое украшательство): Саранск был всегда «безбашенный», стал «и башенный, и шпилястый»!

Город-тело

«Город реализует идею организации пространства обитания человека, включая различные формы телесности: самого человека и внешнюю телесность (жилища, коммуникации). Город-тело есть продолжение человека вовне, это символическое тело человека, культурное, социальное, коллективное тело. Город – это проекция сознания человека во внешнее пространство. Быть горожанином – значит “городить”, определять, структурировать мир вокруг себя и самого себя, строить

храм и храм своей души», – пишет С. П. Гурин [7].

Сегодня происходит масса процессов, меняющих иногда в корне лицо города, но сама сущность, тело города остается неизменным. Оно в том, что отличает город от не-города и наполняет его соединением современной культуры и старой среды.

Саранск представляет типическое явление малых городов России в плане застройки; это создание центра с площадью и храмом, а вокруг пространство мелких построек, полукрестьянских домов. Сегодня – это официальный центр и несколько неофициальных – в микрорайонах, плюс масса пригородов с так называемыми дачными поселками. Саранск – типичный город с нерегламентированными фасадами частных домов и их окраской, поэтому представляет и по сей день пеструю картину. Рядом с похожими как две капли воды многоэтажками, стоят, словно изо всех сил пытаясь уйти в землю, покосившиеся деревянные домики и растасканные по кирпичику, частично или полностью, купеческие особняки. Дома в Саранске стоят отдельно, не прислоняясь друг к другу, так как пространство позволяет размещать их на большой территории, что создает своеобразие в коммуникативных отношениях горожан. Саранск как мера самого себя изначально дискретен, распадается на части, мельчайшие «атомы», каждый из которых есть «весь во всем».

Несмотря на то, что в XX в. Саранск приобрел вид стандартного провинциального города, названного весьма образно «кентавры», сегодня, именно в XXI в. Саранск меняется до неузнаваемости. Он стал приобретать отчасти европейский лоск. Появились уникальные по архитектуре здания, площади не разрозненные, а объединенные духовным началом: площадь 1000-летия, к примеру, собрала вокруг новые здания университета, национальной библиотеки, театра оперы и балета, культурно-развлекательного центра с мощным (40 м в высоту) фонтаном.

Известно, что города по-разному рождаются и разному порождают. В каждом городе есть свои стигмы (знаки), свои собственные классификации существенных признаков, связанных с личными именами. Это

«Саранск Эрзи и Сычкова», «Саранск стратонавтов», «Саранск – город света», «Саранск М. М. Бахтина», описание которых в сумме дает совмещение двух взглядов на город: если первый воссоздает панорамный обзор, то второй – частный, «зависимый от мгновения времени и точки» [14, с. 113], с которой производится обзор. Они не только не поглощают и не упраздняют значимость города, а, наоборот, увеличивают ценность духовного тела города.

Назову еще несколько таких мест, которые в последние годы стали культурными доминантами в Саранске, где хочется прогуляться, посидеть под раскидистыми деревьями, куда съезжается вечерами молодежь для «тусовок»: Соборная площадь («Соборка»), Театральная площадь, Фонтанный спуск с памятником А. С. Пушкину, Парк им А. С. Пушкина, Набережная реки Саранки, Площадь у Храма иконы Божьей матери со светомузыкальным фонтаном и др.

Как видим, город рождается и сам рождает, производит, объединяет и разделяет нас с другими людьми как актер или агент социального взаимодействия. Рождаясь как город, он выполняет определенную культурную функцию, такую же, как и любой другой город. А именно: «дает возможность человеку переместиться с периферии ойкумены в ее центр, оказаться в месте сосредоточения многих людей (а у такого сосредоточения особая энергетика), где могут возникнуть и кристаллизоваться, обретать прочность новые формы поведения и жизни. Город дает возможность оказаться даже в «центре города», а это, согласитесь, что-нибудь да значит» [13, с. 133].

Тело города украшают не только здания, но и памятники, «поставленные для памяти и назидания». В них есть одна особая черта, которую удалось подметить именно в Саранске. У всех саранских героев ярко выраженная возвышенность чувств, полет мысли и открытость взора. Понятно, что у Стратонавтов по-другому не могло быть; Степан Дмитриевич Эрзя взволнованно и мечтательно общается с деревом; Александр Сергеевич Пушкин в глубокой задумчивости под присмотром музы, протя-

гивая руку к своему читателю; Федор Федорович Ушаков поднят на высокий постамент, но это не мешает «прочитать» характер флотоводца, его отвагу и мужественность; Николай Платонович Огарев – «летающий» в будущее к «свободе слова»; Емельян Пугачев своей мощью и широтой размаха руки пытается, как бы разрушить существующую власть; есть и «Семья», устремленная к реальному Храму и мечтающая о будущем ребенке. Наши памятники создают не только определенную атмосферу монументального искусства в городе, но и психологически выстраивают контекст особого культурно-исторического времени и особую духовную ауру. К сожалению, пространство этих памятников (тел) слишком сужено и простирается больше в центральной части города [4, с. 30-40].

Много раз пытались переконструировать Саранск, перенести его центр в какой-либо микрорайон. Так было в 70-е годы XX столетия, когда закладывали фундамент музыкального училища с большим концертным залом на ул. Гагарина (Юго-Западный район). Говорили: «Пройдет 10-20 лет, центр переместится туда и зал будет востребован». Но, увы, много чего построили на Юго-Западе, но не случилось... Сегодня в этом зале монтируют орган опять с большой надеждой, что именно он станет притягательной музыкальной силой для слушателя, концертная жизнь в нем закипит. И весь город будет съезжаться... Отмечу, что если город-конструкция позволяет перенести центр, то в Саранске оказалось этого сделать невозможно, в центр можно только «попасть» [5, с. 40].

Город–текст

С семиотической точки зрения город и городское пространство во всем его символическом богатстве может рассматриваться как Текст. В городе формируется социальное расслоение, дистанцируются и фиксируются различные социальные роли людей, отражающиеся в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в функциях, взаимоотношениях, этикете, одежде, пище, жилище, и заканчивая изменением и особой структурированностью городского пространства.

В тексте, символике любого города важна идея конструирования, постоянного выстраивания себя как на некоей сцене. Здесь мы имеем в виду уже не «умышленность» города, а необходимость заботы о его имидже. При этом сцена и кулисы постоянно меняются, то есть становится публичным то, что пряталось, и наоборот. Что прячет в себе Саранск?

В текстах города можно выделить саранский стиль, саранскую речь, вообще всякое саранское качество, одновременно соединяющее и разъединяющее культурный текст города.

Так, Саранск – это Россия, но он не транслирует представления россиянина об идеальном городе, являясь одновременно столичным городом по отношению к районным городам своей республики, но, в то же время провинциальным, а это значит, что в нем живет дух столичного и провинциального, и даже деревенского. Саранск стоит на материковой почве, в центре европейской части России, а потому тяготеет к «замкнутости и концентричности» (Ю. М. Лотман).

Названия саранских улиц и площадей, районов, каких-либо значимых мест – своеобразная городская «книга» жизни. Это целый мир культурных кодов, которые дают представление об истории и психологии людей, здесь живущих. И, что очень важно, эти знаки не просто фиксируют смену идей, но и, в свою очередь, оказывают влияние на внутренний мир «читателей», подспудно формируя его. До 1917 г. на их выбор, в первую очередь, влияла храмовая культура Саранска, богатая Первой, Второй или Третьей Богословской, либо Рождественской или Успенской. Новое время скоропалительно сменило названия, они и сегодня «украшают» город, делая его культурный контекст серым и унылым (Советская, Пролетарская. Коммунистическая, Большевикская, пр. Ленина и др). Городу и его жителям не хватает звенящих своими именами: Бахтинской, Яушевской, Эрзинской, Ушаковской, Университетской и др. улиц, которые не только хранили бы память о выдающихся людях, но создавали бы аромат особого духовного текста Саранска, его истории [6, с. 19].

Отмечу зеленый наряд города. Холмистая местность с многочисленными зелеными мас-

сивами (естественными и искусственными) создают еще один, своеобразный текст Саранска. Лес как бы обступил город, взял его в кольцо, благоухая разнообразием крон: весной распускающейся листвой, летом – пушистой зеленью, осенью – багрянцем и золотом красок, ну, а зимой – пушистым белым нарядом. Природа хотя бы в этом плане оказалась щедра к нашему городу, обделив его большой рекой. Человек – хозяин Саранска, сегодня, как и во все времена, чтит эту драгоценную красоту, обогащая ее красками городского модерна. Тем не менее, современный город все больше превращается в «парк домов», а из окон квартир открывается не вид, а все чаще – клочок неба между домами. И все-таки Саранск вполне выдерживает диалог провинциального города со временем, остается хранилищем пространственного ландшафта российской культуры, неповторимость своеобразного мира малых городов России.

Саранск рождает спокойного, уравновешенного субъекта. Веря прессе, отметим, что он не сильно темпераментен и активен, склонен к тихому, провинциальному бытию. В литературных текстах, особенно в поэзии Саранск называют родным и теплым, любимым и радушным, «городом добра и открытости». В тоже время это город высокой университетской культуры, город знаний, международной дружбы и сохранения этничности.

Ю. М. Лотман считал, что тяга к символике проявляется и входит в самосознание сильнее, если есть внешний наблюдатель, соперник. У Саранска вряд ли есть соперник. Есть некий взгляд из Москвы, что Саранск – город источников света, полупроводниковой и оптоволоконной промышленности; Саранск – теперь еще один из городов Футбольного чемпионата 2018; Саранск также один из самых благоустроенных городов Поволжья (победитель в конкурсе 2012, 2014, 2015), можно сказать – город-провинция, как «ловкий» субъект федерации.

Город-миф

История Саранска изучалась в XIX и XX вв., были написаны очерки, статьи, книги, но в 90-х гг. пробудился особый интерес к отдельным улицам, домам города; газеты открыли специальные рубрики, широко стали представ-

лять фотоисторию; художники начали создавать серии графических и живописных работ; зазвучали песни о Саранске; на телевидении, радио и в газетах и сегодня объявляются конкурсы на знание своего города. Все это говорит о пробуждении самосознания горожан и в тоже время обязывает раскрывать нечто универсальное, показывать наши отношения с универсалиями бытия и знаменитой загадочной российской душой. Так, появлялись и появляются мифы, которые есть в культуре каждого города («Блистательный» и «Блокадный» Петербург или «Северная Венеция», «Самара – третья столица», «Москва – третий Рим», «Саратов – Афины Поволжья», а «Нижний Новгород – столица Поволжья» или «Карман России» и т. д.). А каков же наш миф? Какие понятия попадают в структуру взаимосвязей образа города и городской мифологии, с чем они связаны? Скорее всего, это статус города, облик города, стереотипы о городе, городская символика, городской фольклор, душа города и т. д. [15, р. 7].

Саранский миф – миф «окраинного» города, и это при том, что он всегда стремится к столичности. Он тихий, уютный, молчаливый в условиях, когда Россия переживает процесс регионализации, этнос дробится, сильна самоизоляция, даже национальная идентичность становится мозаичной. Эти процессы противоречивы, но, видимо, неостановимы.

В этих условиях роль окраины изменяется. В культуре происходят процессы, «обозначаемые как артикуляция, реконфигурация и заимствование» [2]. Артикуляция показывает, какой именно стиль поведения или способ действий принимает за основу город. «Реконфигурация показывает, какие сферы из маргинальных стали центральными, а заимствование (или перенос) – что может рассчитывать на поддержку других сфер деятельности. Окраина оказывается в центре, вернее, центр оказывается везде, где есть изменяющее мир деятельное и ответственное присутствие», – пишет Т. П. Фокина [13, с. 133].

Так, Саранск, по сути провинциальный, а по содержанию университетский город с богатыми традициями естественно-научного, инженерного и гуманитарного образования.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева получил статус национального исследовательского университета (НИУ). Пользуется авторитетом саранские гуманитарные научные школы (социологическая А. И. Сухарева, культурологическая Н. И. Ворониной, политологическая И. В. Бахлова и др.), а также работы их представителей в области провинциальной, этнической и региональной культуры и политики. Такого рода исследования создают предпосылки для выбора устойчивого «регионоцентричного» пути для республики. Сегодня это особенно важно в формировании «городской идентичности» в связи с существенным оттоком населения из Саранска.

Саранск сегодня высказывает претензию на некую универсальность в области возрождения финно-угорской культуры в России. Он является символом и основой возрождения мордовской культуры, объединяя российские диаспоры в один, очень мощный этнический центр, заявляя, что это истоки жизненности (как таковой) эрзян и мокшан. Таков еще один миф нашего города. И для этого идет поиск решений в области развития так называемых «мягких инфраструктур»: нового образа жизни, комфортной атмосферы и среды, современных гуманитарных технологий, малого предпринимательства, инноваций в культуре, искусстве и образовании, а также реализации крупных культурных проектов, позволяющих единовременно повысить уровень «капитализации» города на глобальном рынке, в том числе недвижимости и культурно-бытовых ландшафтов. Таким образом, региональное развитие идет в ногу с культурной и образовательной политикой.

Вот так Саранск «строит» свое символическое пространство, а каждый житель, чувствуя его реальность, воспринимает и подчиняется его принципам. Своеобразные знаки времени соответствуют «живой хронологии» (Т. С. Злотникова) [9, с. 29] и обладают (или им приписывают) особой метафизической значимостью, становясь «своими» и очень ценными символами для саранских жителей на все времена. А размышляя о них, мы прорываемся к самым основам человеческого существования, которые напрямую свя-

заны с культурной политикой и с культурой власти в городской среде.

Библиографический список

1. Бонде, Л. Магия цвета [Текст] / Л. Бонде. – СПб., 1997. – 824 с.
2. Волков, В. В. О концепции практик (и) в социальных науках [Текст] // Социс. – 1997. – № 6.
3. Воронин, И. Д. Саранск. Историко-документальные очерки [Текст] / И. Д. Воронин. – Саранск, 1961. – 268 с.
4. Воронина Н. И. Города и люди: культурная идентичность [Текст] / И. Д. Воронин. – Саранск, 2008. – 100 с.
5. Воронина, Н. И. Символическое пространство Саранска [Текст] // Феникс-2013. – Саранск, 2013. – С. 38-43.
6. Воронина, Н. И. Бахтин-Саранск-Бахтин: университетский взгляд [Текст] // Хронотопия города. Гении места: наследия культуры в современных российских городах. – Самара, 2016. – С. 14-21.
7. Гурин, С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/6747>. – (Дата обращения: 20.04.2019).
8. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия [Текст]. – М., 1993. – 208 с.
9. Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура. Введение в культурологию [Текст]: учебное пособие / Т. С. Злотникова. – Ярославль, 2011. – 231 с.
10. Куклин, В. Н. Топонимия Саранска [Текст] // Саранск (малая серия): в 2 т. Т. 1. – Саранск, 1997. – 576 с.
11. Подорога, В. А. Выражение и смысл [Текст] / В. А. Подорога. – М., 1995. – 214 с.
12. Сиротина, И. Л. Пространства современного города [Текст] // Город и время (The city and time): в 2 т. Т. 1. – Самара: Книга, 2012. – С. 103-109.
13. Фокина, Т. П. Метафизика Саратова [Текст] // Пространственность развития и метафизика Саратова. – Саратов: Изд-во ПАГС, 2001. – С. 128-140.
14. Bender John B., Wellbery David E. Chronotypes: the construction of time. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 257 p.
15. Lukan M., Gray D. The decadent Traveller. – Dedalus, 2000. – 168 p.

Reference List

1. Bonde, L. Magija cveta = Magic of color [Текст] / L. Bonde. – SPb., 1997. – 824 s.

2. Volkov, V. V. O koncepcii praktik (i) v social'nyh naukah = On the concept of practice (s) in social sciences [Tekst] // Socis. – 1997. – № 6.
3. Voronin, I. D. Saransk. Istoriko-dokumental'nye ocherki Saransk = Historical and documentary essays [Tekst] / I. D. Voronin. – Saransk, 1961. – 268 s.
4. Voronina N. I. Goroda i ljudi: kul'turnaja identichnost' = Cities and people: cultural identity [Tekst] / I. D. Voronin. – Saransk, 2008. – 100 s.
5. Voronina, N. I. Simvolicheskoe prostranstvo Saranska = Symbolical space of Saransk [Tekst] // Feniks-2013. – Saransk, 2013. – S. 38-43.
6. Voronina, N. I. Bahtin-Saransk-Bahtin: universitetskij vzgljad = Bakhtin-Saransk-Bakhtin: university look [Tekst] // Hronotopija goroda. Genii mesta: nasledija kul'tury v sovremennyh rossijskih gorodah. – Samara, 2016. – S. 14-21.
7. Gurin S. P. Obraz goroda v kul'ture: metafizicheskie i misticheskie aspekty The city image in culture: metaphysical and mystical aspects [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.topos.ru/article/6747>. – (Data obrashhenija: 20.04.2019).
8. Zhak Derrida v Moskve: dekonstrukcija puteshestvija Jacques = Derrida in Moscow: travel deconstruction [Tekst]. – M., 1993. – 208 s.
9. Zlotnikova, T. S. Chelovek. Hronotop. Kul'tura. Vvedenie v kul'turologiju Person = Chronotope. Culture. Introduction to culturology [Tekst] : uchebnoe posobie / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl', 2011. – 231 s.
10. Kuklin, V. N. Toponimija Saranska = Saransk toponymy [Tekst] // Saransk (malaja serija): v 2 t. T. 1. – Saransk, 1997. – 576 s.
11. Podoroga, V. A. Vyrazhenie i smysl = Expression and sense [Tekst] / V. A. Podoroga. – M., 1995. – 214 s.
12. Sirotina, I. L. Prostranstva sovremennogo goroda = Spaces of the modern city [Tekst] // Gorod i vremja (The city and time): v 2 t. T. 1. – Samara : Kniga, 2012. – S. 103-109.
13. Fokina, T. P. Metafizika Saratova = Saratov metaphysics [Tekst] // Prostranstvennost' razvitija i metafizika Saratova. – Saratov : Izd-vo PAGS, 2001. – S. 128-140.
14. Bender John B., Wellbery David E. Chronotypes: the construction of time. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 257 p.
15. Lukan M., Gray D. The decadent Traveller. – Dedalus, 2000. – 168 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119606, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84.

E-mail: onastafieva@mail.ru

Блищ Наталья Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, Минск). 220030 Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4.

E-mail: blishch@list.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР.

E-mail: e71mih@mail.ru

Воронина Наталья Ивановна – доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Директор Центра М. М. Бахтина. 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

E-mail: kafkmg@mail.ru

Голубков Михаил Михайлович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, д. 1.

E-mail: m.golubkov@list.ru

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: zlotnts@rambler.ru

Колода Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Кузин Александр Сергеевич – Народный артист РФ, кандидат педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 43.

E-mail: zlotnts@rambler.ru

Ли Сютао – доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета. г. Чунцин, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: lxt928lxt@163.com

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Пан Данэн – доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН. 100007, КНР, г. Пекин, район Дунчэн, ул. Чжан Цычжун, д. 3.

E-mail: pangdp@cass.org.cn

Пермиловская Анна Борисовна – доктор культурологии, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. акад. Н. П. Лаврова РАН». 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23.

E-mail: annaperm@fciactic.ru

Се Чжоу – доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: xiezhou1234@163.com

Син Гуанчэн – доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН. 100732, КНР, г. Пекин, район Дунчэн, ул. Цзяньгоумэньэй, д. 5.

E-mail: xingguangcheng2013@163.com

Степанян Хачатур Ростомович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Армении Армянского государственного педагогического университета имени Х. Абовяна. 3750010. Республика Армения, г. Ереван, проспект Тиграна Меца, д. 17.

E-mail: stepanyankhachatur16@aspu.am

Ухова Лариса Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: larissauchowa@mail.ru

Чжэн Тиу – доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа. 200083, КНР, г. Шанхай, ул. Далянь (3), 550.

E-mail: rudeps@shisu.edu.cn

Чэн Ицзюнь – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН. 100007, КНР, г. Пекин, район Дунчэн, ул. Чжан Цзычжун, д. 3.

E-mail: yjcheng59@163.com

AUTHORS

Astafieva Olga Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Scientific Educational Center “Civil Society and Social Communication” of the Institute of Government Service and Management of the Russian Academy of National Economy and Government Service at the President of the Russian Federation. 119606, Moscow, Vernadsky Avenue, 84.

E-mail: onastafieva@mail.ru

Blishch Nataliya Leonidovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian Literature of the Belarusian state university (Republic of Belarus, Minsk). 220030, the Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosti Avenue, 4.

E-mail: blishch@list.ru

Boldyreva Elena Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Professor of the Foreign Languages Institute of South-West University, China. 400715, Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China.

E-mail: e71mih@mail.ru

Voronina Nataliya Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Professor, FSBEI HE “Mordvinian State University named after N. P. Ogariov”. Director of M. M. Bakhtin Center. 430005, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshhevistskaya Street, 68.

E-mail: kafkmg@mail.ru

Golubkov Mikhail Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of History of the Latest Russian Literature and Modern Literary Process of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, Lomonosov Moscow State University, 1.

E-mail: m.golubkov@list.ru

Zlotnikova Tatiyana Semionovna – Doctor of Art Criticism, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Culturology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: zlotnts@rambler.ru

Koloda Svetlana Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages of Southwest University in Chongqing, the People's Republic of China. Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China, 400715.

E-mail: sveta_koloda@mail.ru

Kuzin Aleksandr Sergeevich – Candidate of Pedagogical Sciences, People's Artist of Russia, Professor of FSBEI HE “Yaroslavl State Theatrical Institute”. 150000, Yaroslavl, Pervomaiskaya Street, 43.

E-mail: zlotnts@rambler.ru

Li Xiaotao – Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of the Institute of Foreign Languages of Southwest University. Chongqing, the People's Republic of China. Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China, 400715.

E-mail: lxt928lxt@163.com

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the General and Social Psychology Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: v.mazilov@yvspu.org

Pang Dapeng – Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS. 100007, the People's Republic of China, Beijing, Region of Dongcheng, Zhang Zizhong Street, 3.

E-mail: pangdp@cass.org.cn

Permilovskaya Anna Borisovna – Doctor of Culturology, a chief researcher of the Scientific Center of Traditional Culture and Museum Practices of FSBIS «Federal Research Center of Complex Study of the Arctic named after Academician N. P. Laverov of the Russian Academy of Sciences», 163 000, Arkhangel'sk, the Severnaya Dvina Embankment, 23.

E-mail: annaperm@fciaarctic.ru

Xing Guangcheng – Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS. 100732, the People's Republic of China, Beijing, Region of Dongcheng, Tszyangoumenney Street, 5.

E-mail: xingguangcheng2013@163.com

Stepanyan Khachatur Rostomovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the History of Armenia Department of the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan. 3750010, the Republic of Armenia, Yerevan, Tigran Mets Avenue, 17.

E-mail: stepanyankhachatur16@asp.am

Ukhova Larisa Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertising Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1.

E-mail: larissauchowa@mail.ru

Zhou Xie – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China, Dean of the Faculty of the Russian Language of the Institute of Foreign Languages of Southwest University in Chongqing, the People's Republic of China. Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China, 400715.

E-mail: xiezhou1234@163.com

Zheng Tiwu – Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai

University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL. 200083, People's Republic of China, Shanghai, Dalian (3) Street, 550.

E-mail: rudeps@shisu.edu.cn

Cheng Yijun – Doctor of Philological Sciences of the Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Academy of Social Sciences, the People's Republic of China. 100007, the People's Republic of China, Beijing, Dongcheng Region, Zhang Zizhong Street, 3.

E-mail: yjcheng59@163.com

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2019 – № 1 (1)

Главный редактор Е. М. Болдырева
Шеф-редактор Се Чжоу
Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции
Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 18 п. л., 13,93 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Заказ № 99. Тираж 500 экз

Дата выхода в свет: 31 мая 2019 г.
Цена свободная

Издатель ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44